

**Евразийская региональная ассоциация
зоопарков и аквариумов**

Правительство Москвы

Московский государственный зоологический парк

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗООПАРКАХ И ПИТОМНИКАХ

ВЫПУСК 2

МОСКВА – 2007

*ЕВРОАЗИАТСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ЗООПАРКОВ И АКВАРИУМОВ*

**ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ
КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ**

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗООЛОГИЧЕСКИЙ ПАРК

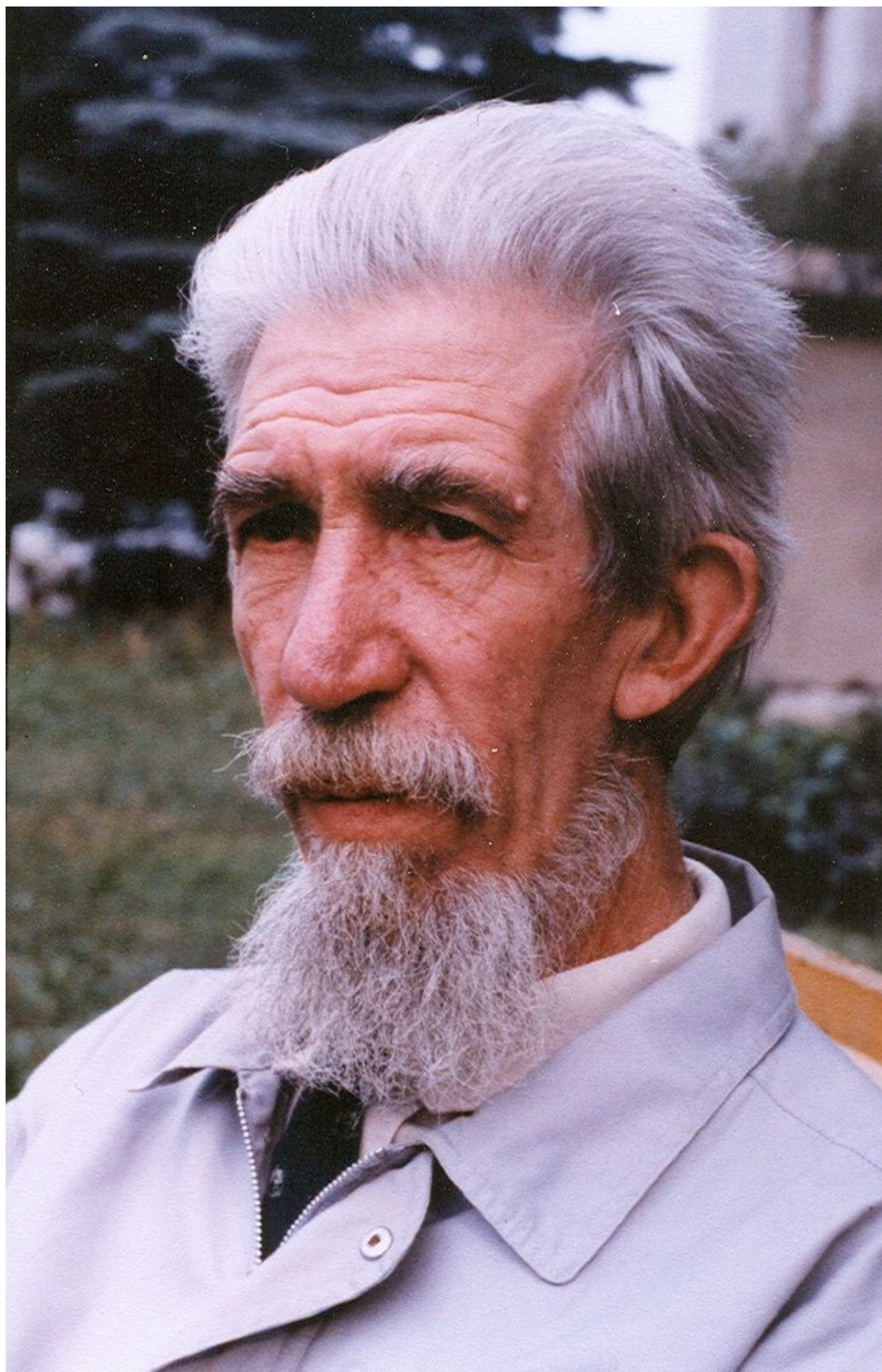
***ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЗООПАРКАХ И ПИТОМНИКАХ***

ВЫПУСК 2

***Ornithological Research in Zoological
Parks and Aviaries***

Issue 2

**МОСКВА
-2007-**

Рюрик Львович Бёме
(25.08.1927 – 5.06.2000)

УДК [597.6/599:639.1.04]:59.006

Орнитологические исследования в зоопарках и питомниках. Вып. 2: Межвед. сб. науч. и науч.-метод. тр. / - М.: Московский зоопарк, 2007, 200 с.

Настоящий сборник научных и научно-методических трудов создан по результатам работы 2-й Международной школы-семинара ЕАРАЗА «Содержание и лечение птиц в условиях искусственной среды обитания», которая состоялась 15-20 октября 2006 года на базе научно-методического отдела Московского зоопарка и информационного центра Евроазиатской региональной ассоциации зоопарков и аквариумов. В работе школы-семинара приняли участие директора, заведующие отделами птиц, заведующие ветлечебницами, ветеринарные врачи и специалисты-орнитологи из 30-ти зоопарков, питомников, высших учебных и научных учреждений России, Казахстана, Беларуси, Украины и Азербайджана. Всего в работе школы-семинара приняло участие свыше 60 специалистов. Сборник посвящен памяти выдающегося Российского ученого, профессора Московского государственного университета, доктора биологических наук Рюрика Львовича Бёме и приурочен к его 80-летию. Он содержит воспоминания коллег и учеников Рюрика Львовича. Сборник рассчитан на специалистов зоопарков, питомников, биологических научных и учебных заведений, зоологов, зооинженеров, ветврачей и студентов-биологов.

Табл. 12, библ. назв. 100, рис. 29.

Ornithological Research in Zoological Parks and Aviaries. Issue 2, - Moscow: the Moscow Zoo, 2007. – 200 pp.

The present collection of papers was published as the proceedings of the Second International EARAZA Workshop on the Husbandry and Veterinary Care of Birds in Captivity, which was held at the Moscow Zoo on October 15 – 20, 2006. The Workshop was attended by over 60 zoo professionals, including Zoo Directors, Bird Curators, Veterinarians and Head Veterinarians and ornithologists from 30 zoos, breeding stations and aviaries, research and educational institutions from Russia, Kazakhstan, Belarus, Ukraine and Azerbaijan. This issue is dedicated to the outstanding Russian Scientist, Professor of the Moscow State University Dr. Ryurik Boehme, and has been published in commemoration of his 80th birthday. It contains the reminiscences of his colleagues and students, and is intended for zoo professionals, zoologists, veterinarians, biology students and teachers, and researchers.

Tabl. 12, lit. 100, pict. 29.

Под общей редакцией

**Генерального директора Московского зоопарка, президента ЕАРАЗА,
члена-корреспондента РАН В.В. Спицина**

Edited by V.V. Spitsin

**General Director of Moscow Zoo, President EARAZA,
Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences**

Редакционная коллегия:

Т.Ф. Андреева, Т.А. Вершинина, к.б.н. М.Я. Горецкая, Л.В. Кузьмина

Editors:

T.F. Andreeva, T.A. Vershinina, Dr. M.Ja.Goretskaya, L.V. Kuzmina

**Научные редакторы - проф., д.б.н. В.А. Остапенко, проф., д.б.н. И.Р. Бёме
Scientific Editors – Prof. V.A. Ostapenko Ph.D., Prof. I.R. Boehme Ph.D.**

©Московский зоопарк

Оглавление

Введение	- 12
<u>Общие вопросы прикладной орнитологии</u>	- 14
<i>Остапенко В.А.</i> Значимые и наиболее перспективные программы сохранения гусеобразных птиц на постсоветском пространстве	- 14
<i>Авилова К.В., Поповкина А.Б., Сметанин И.С.</i> Роль Московского зоопарка в поддержании городской группировки гусеобразных птиц	- 21
<i>Поповкина А.Б., Зарубина Т.А.</i> Популяция огаря (<i>Tadorna ferruginea</i>) в Москве: роль Московского зоопарка в её создании и поддержании	- 31
<i>Сметанин И.С.</i> О гнездовании речных крачек (<i>Sterna hirundo</i>) на прудах Московского зоопарка	- 39
<i>Постельных К.А., Антонюк Э.В., Бобкова С.А., Пустовит Н.С.</i> Опыт обучения стерхов (<i>Grus leucogeranus</i>) миграции с помощью сверхлегкой авиации	- 44
<i>Коткин А.В.</i> Корвиарий: малобюджетный экологический парк как альтернатива типовому зоопарку	- 50
<i>Горецкая М.Я.</i> Впечатления о XXIV Международном орнитологическом конгрессе	- 57
<i>Максудов Г.Ю., Хорольская Н.В., Воробьева Т.В.</i> Учредительный Съезд-Конференция «Сохранение генетических ресурсов»	- 59
<i>Шергалин Е.Э.</i> Рецензия на книгу Даниэля Хана: «Зверинец Тауэра. Удивительная 600-летняя история Королевской коллекции диких и страшных животных содержащихся в Лондонском Тауэре». Джереми Тарчер/Пингвин. 260 с. Daniel Hahn. "The Amazing 600-Year History of the Royal Collection of Wild and Ferocious Beasts Kept at the Tower of London". Jeremy P. Tarcher/Penguin a member of Penguin Group (USA) Inc. New York	- 63
<u>Содержание и разведение птиц</u>	- 66
<i>Кашенцева Т.А.</i> Опыт кормления журавлей	- 66

<i>Тарханова М.А.</i> Некоторые особенности биологии белошекой казарки (<i>Branta leucopsis</i>) в Московском зоопарке, выявленные благодаря индивидуальному мечению	- 70
<i>Мезинов А.С., Зубко В.Н.</i> Морфологические показатели и особенности развития в раннем постэмбриогенезе серого гуся (<i>Anser anser</i>) в условиях Аскании-Нова	- 76
<i>Белявская Т.Р., Беляков К.В., Белякова Т.Ю.</i> Опыт содержания и разведения попугаев	- 85
<i>Петухова Т.И.</i> Содержание и разведение некоторых видов куликов (<i>Charadrii</i>) в Новосибирском зоопарке	- 89
<u>Болезни птиц и их лечение</u>	- 92
<i>Бессарабов Б.Ф.</i> Болезни декоративных и певчих птиц инфекционной этиологии	- 92
<i>Кострова А.В., Муллакаев О.Т., Равилов Р.Х.</i> Этиологическая роль хламидий в патологии декоративных и домашних птиц	- 103
<i>Перепелкина О.В., Лазарева О.Ф.</i> Кокцидиоз у птенцов серой вороны (<i>Corvus cornix</i>), его лечение и профилактика	- 107
<i>Головин В.И.</i> Новый малотравматичный метод фиксации крыла с целью ограничения полета у птиц	- 114
<u>Памяти профессора Р.Л. Бёме: к 80-летию со дня рождения</u>	- 117
<i>Бёме И.Р.</i> Предисловие	- 117
<i>Вронский Б.Б.</i> Рюрик Львович Бёме (25.08.1927 – 5.06.2000)	- 122
<i>Ковшарь А.Ф.</i> Бёме Рюрик Львович (к 80-летию со дня рождения)	- 135
<i>Липкович А.Д.</i> Династия	- 138
<i>Кузнецов А.А.</i> Дорогой мой Рюрик	- 144
<i>Симкин Г.Н.</i> Проблема эндемизма и авифауногенеза гор Южной Палеарктики в работах Р.Л. Бёме	- 149
<i>Смиренский С.М.</i> Поездка на всю жизнь	- 169

<i>Бабенко В.Г.</i> Рюрик Львович	- 176
<i>Шишкин В.С.</i> Птицы далеких вершин	- 179
<i>Остапенко В.А.</i> Память о настоящем человеке	- 182
<i>Засыпкин М.Ю.</i> От ученика Рюрика Львовича Бёме	- 185
<i>Малков Н.П.</i> Воспоминания об Учителе	- 188
<i>Банин Д.А.</i> Рюрик Львович Бёме – Ученый, Учитель, Друг	- 190

CONTENTS

Introduction	- 12
<u>General issues of applied ornithology</u>	- 14
<i>V.A. Ostapenko.</i> Important and perspective Conservation Programms of Anseriformes at territories of previous USSR.	- 14
<i>K.V. Avilova, A. B. Popovkina, I. S. Smetanin.</i> The Role of the Moscow Zoo in the Maintenance of the Urban Anseriform Population	- 21
<i>A.B. Popovkina, T.A. Zarubina.</i> Ruddy Shelduck (<i>Tadorna ferruginea</i>) population in Moscow: The role of the Moscow Zoo in its establishment and maintenance	- 31
<i>I.S. Smetanin.</i> On nesting of Common Terns (<i>Sterna hirundo</i>) at the pounds of Moscow Zoo	- 39
<i>K.A. Postelnykh, E.V. Antonjuck, S.A. Bobrova, N.S. Pustovyt.</i> Experience of teaching Siberian Cranes (<i>Grus leucogeranus</i>) to migrate with the use of Ultralight Aircrafts	- 44
<i>A.V. Kotkin.</i> The Corviary: a Unique Ecological Park as an Alternative to the Standard Zoo	- 50
<i>M. Ya. Goretzkaya.</i> Brief Review of the 24 th International Ornithological Congress	- 57
<i>G.Yu. Maksudov, N.V. Khorolskaya, T.V. Vorob`eva</i> Constituent Congress and Scientific Conference «Conservation of genetic resources» Moscow, November 13-17, 2006.	- 59
<i>Y.E. Shergalin</i> Book reviews “The Amazing 600-Year History of the Royal Collection of Wild and ferocious Beasts Kept at the Tower of London”. Daniel Hahn. Jeremy P.Tarcher/Penguin a member of Penguin Group (USA) Inc. New York.	- 63
<u>Husbandry and breeding of birds</u>	- 66
<i>T.A. Kashentzeva.</i> Practical Experience of the Feeding of Cranes	- 66

M.A. Tarkhanova. Some Features of the Biology of Barnacle Goose (<i>Branta leucopsis</i>) at the Moscow Zoo Revealed Due to Individual Marking of Birds.	- 70
A.S. Mezinov, V.N. Zubko. Oomorphological Parameters and Features of the Early Postnatal Development of the Gray Lag Goose (<i>Anser anser</i>) in the Environment of Askania-Nova	- 76
T.R. Belyavskaya, K.V. Belyakov, T.Yu. Belyakova. Husbandry and Breeding of parrots	- 85
T. I. Petukhova. Husbandry and Breeding of Some Species of Charadrii at Novosibirsk Zoo	- 89
<u>Bird diseases and treatment</u>	- 92
B.F. Bessarabov. Infectious diseases of decorative birds and songbirds	- 92
A.V. Kostrova, O.T. Mullakaev, R.H Ravirov. Etiological Role of Chlamydia in the Pathology of Poultry and Decorative Birds	- 103
O.V. Perepelkina, O.F. Lazareva. Coccidiosis in the Chicks of Hooded Crow (<i>Corvus cornix</i>), its Treatment and Prophylactics	- 107
V.I. Golovin. The Use of a New Non-Traumatic Method of Wing Fixation Meant for Limiting of Birds' Ability to Fly	- 114
<u>In memoriam: celebrating the 80th birthday of professor R. L. Boehme</u>	- 117
I.R. Boehme. Introduction	- 117
B.B. Vronsky. Ryurik Boehme (25.08.1927 – 5.06.2000)	- 122
A.F. Kovshar. Ryurik Boehme (in celebration of his 80 th birthday)	- 135
A.D. Lipkovich. The Dynasty	- 138
A. Kuznetsov. My dear Ryurik	- 144
G.N. Simkin. Endemism and History of Bird Fauna of the Mountains of the Southern Palearctic in the books of R.L. Boehme	- 149

<i>S.M. Smirensky.</i> A Once-in a Lifetime Trip	- 169
<i>V.G. Babenko.</i> Ryurik Lvovich	- 176
<i>V.S. Shishkin.</i> Birds of the mountains far peaks	- 179
<i>V.A. Ostapenko.</i> In Memory of a Great Person	- 182
<i>M.Y. Zasyplin.</i> From a Student of Professor Boehme	- 185
<i>N.P. Malkov.</i> Remembering the Teacher	- 188
<i>D.A. Banin.</i> Ryurik Lvovich Boehme – Scientist, Teacher, Friend	- 190

Введение

Настоящий выпуск научного и научно-методического сборника создан по результатам работы II Международной орнитологической школы-семинара, которая проходила 15-20 октября 2006 года на базе научно-методического отдела Московского зоопарка и информационного центра Евроазиатской региональной ассоциации зоопарков и аквариумов. В работе школы-семинара приняли участие директора, заведующие отделами птиц, заведующие ветлечебницами, ветеринарные врачи и специалисты-орнитологи из 30-ти зоопарков, питомников, высших учебных и научных учреждений России, Казахстана, Беларуси, Украины и Азербайджана. Всего в работе школы-семинара приняло участие свыше 60 специалистов.

В сборнике представлены статьи, посвященные роли Московского зоопарка в формировании лётных популяций водоплавающих птиц Москвы, материалы по методам кормления и реинтродукции журавлей, о содержании и разведении попугаев и куликов, инфекционных болезнях диких птиц и ряде других вопросов прикладной орнитологии.

Сборник посвящен памяти выдающегося Российского ученого-орнитолога, профессора Московского государственного университета, доктора биологических наук Рюрика Львовича Бёме и приурочен к его 80-летию. Он содержит воспоминания коллег и учеников Рюрика Львовича. Эта часть сборника интересна тем, что показывает исторические вехи семьи потомственных ученых. Несмотря на репрессии сталинского периода и возникшие в связи с этим трудности, все члены семьи достигли больших успехов. Отец Р.Л. Бёме – Лев Борисович – автор ряда выдающихся книг, в том числе и по содержанию птиц, которые и по сей день являются настольными у сотрудников зоопарков и любителей птиц. Рюрик Львович много сделал для развития орнитологической науки в нашей стране. Он автор целого ряда определителей и монографий по птицам нашей страны и гор Центральной Палеарктики. Его дочь – Ирина Рюриковна также известный ученый-орнитолог.

Коллекция птиц, содержащаяся дома у представителей этой династии, так значительна и интересна, что ее известность перешагнула границы страны. В квартире Бёме жили кеклик, разные виды куропаток, перепелов, попугаев, ткачей, амадин и астрильдов, насекомоядные птицы, птицы Дальнего Востока и гор Средней Азии и Кавказа. Особенно большие связи у семьи были с Берлинским парком зверей (тирпарком).

Московский зоопарк на протяжении многих лет связывали и связывают профессиональные и дружеские отношения как с самим Рюриком Львовичем, так и с членами его. Элидия Дмитриевна – жена Рюрика Львовича передала часть коллекции птиц после смерти мужа Московскому зоопарку. Сотрудники зоопарка продолжают получать рекомендации по содержанию птиц от И.Р. Бё-

ме, которая также курирует работу и Клуба любителей певчих и декоративных птиц Москвы. Мы выражаем семье Бёме глубокую благодарность за их бескорыстную помощь зоопарку. Редко можно встретить династию ученых в трех поколениях, выбравших один объект своих исследований.

Редколлегия сборника выражает признательность всем авторам, приславшим материалы к опубликованию. Сборник рассчитан на специалистов зоопарков, питомников, биологических научных и учебных заведений, зоологов, зооинженеров, ветврачей и студентов-биологов.

*Генеральный директор Московского зоопарка,
член-корреспондент РАН,
председатель Совета по координации деятельности зоопарков РФ,
Президент ЕАРАЗА
В.В. Спицин*

ЗНАЧИМЫЕ И НАИБОЛЕЕ ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПРОГРАММЫ СОХРАНЕНИЯ ГУСЕОБРАЗНЫХ ПТИЦ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.А. Остапенко

Московский зоопарк

На территории бывшего СССР обитает 58 видов гусеобразных птиц. Более 30% из них внесены в Красную книгу Российской Федерации и других стран этого региона, входящих в СНГ, и стран Балтии. Ряд видов птиц нуждаются в охране, которая должна проводиться как в дикой природе (*in situ*) (Исаков, 1984), так и в искусственно созданных условиях (*ex situ*) (Флинт, 2004). Вольерно-клеточное разведение птиц дает предпосылки для создания искусственного резерва их диких популяций с целью возможной дальнейшей реинтродукции в природу (Остапенко, 1987, 1990, 2005, 2006).

Гусеобразные, наряду с курообразными и куликами, всегда представляли для людей большой интерес как охотничьи птицы (Кузнецов, 1972). Спортивная охота на них существует с давних пор, и по сей день. Поэтому заинтересованность в сохранении этих природных ресурсов носит помимо общебиологического и коммерческий характер. В советский период нашей истории исследования по разведению некоторых видов гусеобразных охотничьей фауны проводились в Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) Главохоты РСФСР. Основными объектами здесь были кряква, серый гусь и канадская казарка. Последняя в качестве возможного интродуцента. Работа велась с казарками крупных размеров, относящихся к подвидам: *Branta canadensis maxima*, *B. c. atlantica*.

Московский зоопарк в 80-х годах прошлого столетия также вел исследования по разработке методов разведения гусеобразных птиц ряда видов. Из всего разнообразия таксономических форм, а их в зоопарке насчитывалось более 60 видов и подвигов, интерес для массового разведения с последующим обогащением охотничье-промысловой фауны Подмосковья представляли, помимо кряквы, хохлатая чернеть, красноголовый нырок и новый вид-интродуцент для средней полосы России – огарь. Ввиду высокой степени их экологической пластичности, эти виды рекомендовались для использования в дичеразведении. Этим самым увеличивалось разнообразие утиных, которых можно было бы разводить на дичефермах, подобно крякве, монокультура которой господствовала в охотхозяйствах многие годы. Особенно перспективна на наш взгляд для дичеразведения – хохлатая чернеть.

Помимо этого Московский зоопарк вел работы по созданию городских популяций утиных с целью обогащения биоразнообразия городов. Перспективными видами здесь кроме вышеперечисленных являются гоголь, красноносый нырок, пеганка, а также редкий, внесенный в Красную книгу России вид – бе-

логлазый нырок – *Aythya nyroca* (Остапенко, Виноградов, 1984 а, б; Виноградов, Остапенко, 1986; Остапенко и др., 1989). Этот вид нырков традиционно хорошо размножается на прудах Московского зоопарка.

Евразийская региональная ассоциация зоопарков и аквариумов (ЕАРАЗА), включающая на сегодняшний день 49 членов, и Московский зоопарк, как головной зоопарк России, активизировали работу по комплектованию размножающихся групп птиц редких видов с целью их дальнейшего выпуска в природные местообитания. Причем, численность искусственных группировок некоторых видов птиц еще недостаточна для проведения работ по их реинтродукции в ближайшем будущем. Другая же группа видов уже начала использоваться для экспериментальных выпусков в природные местообитания, либо такие программы рассчитаны на ближайшее время.

В 2005 году совместно с Рабочей группой по гусеобразным Евразии, нами была подготовлена Международная комплексная научно-производственная программа «Сохранение редких гусеобразных Евразии» (Остапенко, Скуратов, Поярков, 2006). Помимо ряда других видов гусей, лебедей и уток, в нее вошел и **сухонос** (*Anser cygnoides*) – самый редкий вид гусей, который за последние полвека резко сократил ареал и численность. В настоящее время по оценкам орнитологов (Бабенко, Поярков, устное сообщение) общая численность сухоносов, гнездящихся в России, не превышает 500 особей. В Монголии и Китае этот вид более благополучен (наши данные). Поэтому, мы воспользовались разрешением монгольских природоохранных органов и в 1981 году отловили 10 молодых птиц. Отлов производился на озере Хайчин Цаган Нур в Восточном аймаке. Эти гуси и дали начало стабильно размножающейся группе сухоносов Московского зоопарка (Остапенко и др., 1986). За двадцатилетний период в Московском зоопарке было выращено свыше 300 сухоносов. Часть их была передана в Таллинский, Новосибирский и другие зоопарки региона, а также в некоторые европейские зоопарки. Потомство монгольских сухоносов постепенно заменило полукровных и инбредных гусей во многих зоопарках. Это способствовало накоплению и сохранению генофонда вида. Для избежания вредных последствий инбридинга, необходимо было получить дополнительных птиц из природы. В этом помог орнитолог из МГУ к.б.н. Н.Д. Поярков, которому за последние годы дважды удалось конфисковать у местного населения в Амурском регионе выводки сухоносов. Он передал их Московскому зоопарку.

В 2003 году Московский зоопарк участвовал в экспериментальной программе по реинтродукции сухоносов на востоке Азии. Для этой цели было передано 10 молодых птиц из приплода 2003 года. В Забайкалье планировалось создать свой питомник при Иркутском педагогическом институте, где сухоносы будут разводиться, а молодые выпускаться в природу.

Сухоносы содержатся и в Питомнике редких гусей на Камчатке, где проводятся работы по реинтродукции алеутской казарки на Северных Курилах (см. ниже). По-видимому, при дополнительном финансировании, заведующий питомником к.б.н. Н.Н. Герасимов смог бы заняться реинтродукцией и сухоноса, который еще в первой половине прошлого века встречался на Камчатском полуострове.

С.М. Смиренский (устное сообщение) считает, например, что в настоящее время необходимо наращивать численность сухоносов в неволе, параллельно проводить просветительскую работу среди населения юга Дальнего Востока, а особенно, Приамурья и Забайкалья, с целью охраны выпущенных в природу птиц этого и других редких видов гусей. Выпускать же следует не в одном, а во многих местах сразу. Для этого и создана программа, способная координировать такую работу на огромной территории.

На 1 января 2007 года в 19 коллекциях региона содержится 138 сухоносов. Их половое соотношение = 40.49.49¹. Размножались сухоносы лишь в пяти коллекциях: Алматы 1; Москва 6; Николаев 2(1)²; Ташкент 3; Харьков 5(1). Таким образом, в 2006 году получено 17 птенцов, из которых выжило 15. Для работ по реинтродукции эти темпы разведения сухоносов явно недостаточны. Они носят скорее поддерживающий характер. В то же время, пока нет учреждений, которые могли бы осуществлять процесс реинтродукции и мониторинг выпущенных птиц. Государственная программа по реинтродукции редких видов птиц пока также отсутствует. При появлении таких центров, на наш взгляд, можно было бы достаточно быстро нарастить темпы разведения сухоносов.

Несмотря на то, что сухоносы – одни из самых легко разводимых видов гусей, остается проблема их постепенного исчезновения в природе России.

Необходимо проводить и работу по разведению **пискульки** (*Anser erythropus*), особенно птиц происходящих из западных популяций. Начиная с 2005 года, ведется совместная работа со шведскими коллегами по восстановлению дикой популяции пискульки в Скандинавии. Для этой цели на территории России отловлено и передано шведской стороне несколько молодых пискулек. В зоопарках Западной Европы, включая Скандинавские, пискульки размножаются, однако, генетические исследования показали наличие у них генов белолобого гуся. Очевидно, ранее были случаи гибридизации этих, в общем-то, близких видов. Для реинтродукции в природу такие гибридные гуси нежелательны, поэтому необходимо создать чистокровную группировку пискулек в условиях их вольерного содержания.

В списках размножающихся птиц Информационного сборника ЕАРАЗА (2007) на 1 января 2007 года пискулька отсутствует, однако она содержится в 6 коллекциях с половым соотношением особей: 13.11.8. Наибольшее количество пискулек в Московском – 14 особей, Таллинском – 8 особей и Пражском³ зоопарках – 5 особей. В 2007 году начато разведение их в Московском зоопарке. Впервые после длительного перерыва получен молодняк.

Алеутская казарка (*Branta canadensis leucopareia*) категория и статус 4 – неопределенный по статусу подвид (Красная книга РФ, 2001), эндемик Курильских (в прошлом) и Алеутских островов; включена в 1 Приложение СИТЕС. Этот подвид канадской казарки внесен на страницы Красного списка МСОП – IUCN (LC). Под г. Петропавловском-Камчатским вот уже более 15 лет сущест-

¹ Здесь и далее: первая цифра обозначает количество самцов, вторая – самок, третья – птиц неизвестного пола.

² Первая цифра – общее количество полученных птенцов, в скобках – число павших птенцов.

³ Пражский и еще 5 зоопарков Чехии являются членами ЕАРАЗА.

вует Питомник по разведению этого вида гусей. Он создан по инициативе к.б.н. Николая Николаевича Герасимова – сотрудника Института географии ДВНЦ РАН. Исходное маточное поголовье было получено из чистокровных птиц, содержащихся в США и Японии. Держат казарок по парам в вольерном комплексе. Имеется помещение для зимовки птиц маточного поголовья. Индивидуальный подход к содержанию птиц, самоотверженность и большое желание сотрудников питомника сделали свое дело. Несмотря на постоянные финансовые трудности, которые испытывал Питомник все эти годы, казарки регулярно размножаются в масштабах достаточных для проведения работ по их реинтродукции. Она осуществляется на некоторых Северных Курильских островах, где отсутствует местное население и песцы. В последние годы получены данные о встречах стай алеутских казарок на зимовке в Японии. Таким образом, мы являемся свидетелями единственной пока в нашем регионе успешной программы по разведению, выращиванию и реинтродукции в природу редкого вида гусеобразных птиц.

Что касается коллекций ЕАРАЗА, то пока алеутские казарки содержатся только в одной из них – в Московском зоопарке. В настоящее время здесь живет 2 самца, но ведутся переговоры с Камчатским Питомником о передаче части молодняка в Зоопитомник Московского зоопарка с целью воссоздания их резервной группировки в зоопарках нашего региона.

Краснозобая казарка (*Branta ruficollis*) категория и статус 3 – редкий вид (Красная книга РФ, 2001). Эндемик тундры Западной Сибири. Единственный реликтовый представитель рода. Внесен во II Приложение СИТЕС и Красный список МСОП – IUCN (VU). В настоящее время краснозобые казарки содержатся в 11 коллекциях региона. Половое соотношение их таково: 23.17.7 = 47 птиц. К сожалению, в отличие от западноевропейских зоопарков, казарки этого вида в наших коллекциях размножаются лишь спорадически. Так, в минувшем году из зоопарков ЕАРАЗА разведение произошло только в Пражском зоопарке, где получено 4 птенца, из которых выжил лишь один. В предыдущие годы этот вид периодически размножался в Московском зоопарке, где сейчас численность казарок составляет 10 особей. По нашему мнению, стабильное разведение этих достаточно нежных маленьких гусей возможно лишь при индивидуальном к ним подходе и содержании в отсутствии более крупных конкурентов.

Малый, или тундровый лебедь (*Cygnus columbianus bewickii*) хорошо размножается в Зоопитомнике Московского зоопарка и в Таллинском зоопарке. В этих зоопарках имеются и крупнейшие группировки – по 12 птиц. Всего на 1 января 2007 года западные тундровые лебеди содержатся в 10 коллекциях (Информ. сборн., 2007). Половое соотношение птиц таково: 10.10.20.

Малый лебедь – единственный из лебедей, включенный в Красную книгу РФ (2001). С текущего года он и все другие лебеди мира внесены в Красные списки МСОП – IUCN (LC). Как показывает международный опыт, для разведения малых лебедей не обязательно иметь водоемы с большой акваторией. Так, в Орнитопарке Вальсроде (Германия) их разводят на огороженной территории с газоном, окруженной кустарниковой изгородью и небольшим прудом в центре. Здесь содержится только одна пара лебедей, и она регулярно приносит

и выращивает потомство. На больших прудах при смешанном содержании гу-сеобразных, малые лебеди уступают в конкуренции за удобные места гнездования другим видам лебедей.

Савка (*Oxyura leucocephala*) является обитателем степных водоемов юга Европы и Западной Сибири. Численность ее стала убывать в связи с растущим антропогенным воздействием на природные экосистемы. Вид внесен в Красную книгу РФ (2001): категория и статус 1, как находящийся под угрозой исчезновения реликтовый вид. Вид внесен, также в Приложение II CITES, и на страницы Красных списков МСОП – IUCN (EN). Помимо антропогенных факторов, влияющих на численность савок, возникла другая угроза – гибридизация с видом-интродуцентом из Северной Америки – американской савкой (*Oxyura jamaicensis*). Такая гибридизация отмечена в странах Европы (Нанкинов, 2006).

К сожалению, в зоопарках ЕАРАЗА вид представлен только в двух коллекциях: в Новосибирске и Праге, где содержат по 2 птицы. Новосибирский зоопарк, совместно с Институтом систематики и экологии животных СО РАН планируют создать на Карасукском стационаре размножающуюся группу савок для их последующей реинтродукции в окрестные степные озера, где вид еще недавно встречался на гнездовании. Нам представляется вполне перспективным этот план, поскольку в нем участвуют такие ученые-зоологи и опытные разводчики птиц, как Владимир Александрович Шило и Светлана Николаевна Климова.

Мандаринка – (*Aix galericulata*) – обитатель дуплистых дубовых и смешанных лесов юга Дальнего Востока. Имеет категорию и статус 3 – редкий вид (Красная книга РФ, 2001). Вид включен также на страницы Красных списков МСОП – IUCN (LC). Включение мандаринки в списки видов, необходимых для разведения в неволе с целью сохранения ее генофонда у некоторых наших коллег вызывает чувство скепсиса. Они считают, что мандаринки к настоящему времени прекрасно освоились во многих коллекциях, особенно Европейских, а порой, даже, образуют лётные городские микропопуляции. Как вид-интродуцент мандаринка фигурирует в списках птиц Западной Европы (Нанкинов, 2006). Это хорошо, однако не надо забывать, что вид, ареал которого расположен в Приморье и Приамурье, а также в странах юго-востока Азии, резко теряет общую численность и плотность популяций. Особенно на севере ареала – в пределах Российской Федерации. Настало время начать регулярные выпуски мандаринок, рожденных в искусственных условиях обитания, в природные экосистемы, организовав их охрану и мониторинг. Возможно, было бы правильно вести такую работу одновременно по двум видам – мандаринке и сухоносу. Так легче проводить и обучение населения данного региона, пропаганду идей охраны редких видов птиц.

В последнее время на Дальнем Востоке резко снизилась численность нырка Бэра и утки-касатки, неустойчива численность клокуна и чешуйчатого крохалья – эти и некоторые другие виды также вполне достойны широкого разведения с целью создания искусственных резервных популяций для дальнейшего пополнения их природных популяций. Спектр видов птиц, разводимых в количествах, достаточных для работ по реинтродукции в природу может быть

расширен. Совместная деятельность различных учреждений России, стран СНГ, Балтии и других, приведут к положительным результатам в этом направлении и позволят сохранить биоразнообразие птиц региона. Реинтродукция гусеобразных станет возможной только при государственной поддержке заповедников, научно-исследовательских институтов и других учреждений, которые могли бы проводить длительные исследования в природных местообитаниях птиц с целью мониторинга за выпущенными особями. Необходима координация работ по реинтродукции гусеобразных птиц со специалистами стран, где происходят их зимовки и пролегают миграционные маршруты. Положительным примером подобной работы является деятельность Рабочей группы по журавлям Евразии.

Литература

- Виноградов С.И., Остапенко В.А.** 1986. Возможности создания популяций пластинчатоклювых в антропогенных ландшафтах. // В кн.: Изучение птиц СССР, их охрана и рациональн. использ. Тез. докл. 1-го Всесоюзн. съезда орнитол. об-ва (ВОО) и IX Всесоюзн. орнитол. конф. 16-20 декаб. 1986 г. Ч. 1., - Л., с. 124-125.
- Информационный сборник Евроазиатской региональной ассоциации зоопарков и аквариумов. 2007. Вып 26. – М.: Московский зоопарк, 473 с.
- Исаков Ю.А.** 1984. Создание системы охраняемых водно-болотных угодий как путь к воспроизводству ресурсов водоплавающих птиц. // Современное состояние ресурсов водоплавающих птиц. – М. – С. 207-209.
- Красная книга Российской Федерации (животные). – М.: АСТ, Астрель, 2001. – 860 с.
- Кузнецов Б.А.** Дичеразведение (искусственное разведение пернатой дичи). – М.: Лесная промышленность. 1972. – 184 с.
- Нанкинов Д.Н.** 2006. Чуждите видове птици в Европа. – София, 148 с.
- Остапенко В.А.** 1987. Роль зоопарков в сохранении редких и ценных видов птиц. // Экологическая кооперация. Инф. бюлл. по пробл. 3: "Охрана экосистем (биоценозов) и ландшафтов", 1-2, Братислава, с. 142-145.
- Остапенко В.А.** 1990. Орнитологические исследования в зоопарках. (К 125-летию Московского зоологического парка). // В кн.: "Современная орнитология 1990". – М.: Наука, с. 243-254.
- Остапенко В.А.** 2005. Зоопарки как резерв восстановления природных популяций птиц. // Мат. науч.-практ. конфер.: "Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство", - М., с. 132-135.
- Остапенко В.А.** 2006. Программы сохранения редких видов птиц Северной Евразии. // Биология, – М.: Изд. Дом "Первое сентября", № 3: с.2-5.
- Остапенко В.А., Богданович Г.Г., Вишневская Л.М.** 1986. Разведение сухоноса *Anser cygnoides* в Московском зоопарке. // Тез. докл. междунар. конф.: "Природ. условия и биолог. ресурсы Монгол. Народ. Респуб." - М.: Наука, с. 179-180.

- Остапенко В.А., Богданович Г.Г., Вишневская Л.М., Спицин В.В.** 1990. Разведение пяти видов лебедей в Московском зоопарке. // Сб.: Экология и охрана лебедей в СССР. Ч. 1, – Мелитополь, с. 124-129.
- Остапенко В.А., Виноградов С.И.** 1984 а. Состояние и перспективы работы Московского зоопарка по обогащению фауны Москвы некоторыми видами гусеобразных. // Тез. Всесоюзн. семинара: "Современ. сост. ресурс. водоплав. птиц". – М., с. 303-305.
- Остапенко В.А., Виноградов С.И.** 1984 б. Свободноживущие гусеобразные в Москве. // Птицы и урбанизир. ландшафт, – Каунас, с.108-109.
- Остапенко В.А., Виноградов С.И., Березина М.Ф., Курилович Л.Я.** 1989. Свободноживущие утки Московского зоопарка. // Сб.: Экология и охрана диких животных. - М.: МВА, с.39-48.
- Остапенко В.А., Виноградов С.И., Рожков П.С., Писаренко А.А.** 2007. О комплектовании коллекции водных и околоводных птиц в Московском зоопарке. // "Сохранение разнообразия животных и охот. хоз-во России": Мат. 2-й Междунар. научно-практ. конф., - М.: МСХА им. К.А. Тимирязева. С. 379-381.
- Остапенко В.А., Скуратов Н.И., Поярков Н.Д.** 2006. "Редкие и исчезающие гусеобразные Евразии" Компл. Междунар. научно-производственная программа. // Информац. сб. Евроазиат. регион. ассоциации зоопарков и аквариумов. Вып. № 25, - М, с. 430-436.
- Спицин В.В., Файнштейн В.В., Остапенко В.А.** 2006. Научно-производственные программы ЕАРАЗА: итоги и перспективы. Научн. исслед. в зоолог. парках. Вып. 19. - Екатеринбург, с. 9-15.
- Тарханова М.А.** Некоторые особенности размножения белошекой казарки в Московском зоопарке. // Орнитологические исследования в зоопарках и питомниках. – М.: Московский зоопарк, 2003, с. 65-82.
- Флинт В.Е.** Стратегия сохранения редких видов в России: теория и практика. - М.: Московский зоопарк, 2004, - 376 с.

Summary

V.A. Ostapenko. *Important and perspective Conservation Programms of Anseriformes at territories of previous USSR.*

Author shows some programms for conservation of next species of birds: swan goose, Aleutian Canada goose, lesser white-fronted goose, red-breasted goose, Bewick's swan, common white-eye, mandarin duck, white-headed duck, etc. Consistent activity of different establishments Russia and neighbouring countries reduce to beneficial effect for conservation avifauna of the Region.

РОЛЬ МОСКОВСКОГО ЗООПАРКА В ПОДДЕРЖАНИИ ГОРОДСКОЙ ГРУППИРОВКИ ГУСЕОБРАЗНЫХ ПТИЦ

К.В. Авилова¹, А.Б. Поповкина¹, И.С. Сметанин²

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

² Московский зоопарк

Водоплавающие птицы легко поддаются синантропизации. Они часто проникают в города и осваивают городские водоёмы. Интеграция водоплавающих птиц в крупные города – естественный процесс для Европы (Kelsey, Rheinwald, 2005), идущий параллельно, но не одновременно в разных городах. Анализ состава орнитофауны семнадцати крупных городов от Лиссабона до Санкт-Петербурга показал, что в каждом из них размножается кряква. Более чем в половине городов гнездятся хохлатая чернеть, лебедь-шипун и чирок-трескунок, в половине – красноголовый нырок, в трети – широконоска, почти в трети – чирок-свистунок и серая утка, в четверти – гоголь, в шестой части – серый гусь. С деятельностью зоопарков и питомников связана масштабная интродукция некоторых экзотических видов: мандаринки (почти в трети городов), канадской казарки и каролинской утки (в четверти), черного лебедя и нильского гуся (в шестой части всех обследованных городов).

Зоопарки, питомники и другие центры разведения животных зачастую играют также важную роль в процессе синантропизации местных видов птиц. Задача настоящей работы – оценить роль Московского зоопарка, одного из крупнейших в России, в становлении и поддержании обитающей в Москве группировки водоплавающих птиц.

Работа была выполнена в ходе ежегодных общегородских зимних (январь 1985-2006 гг.) и летних (июль 1998-2006 гг.) учётов водоплавающих птиц Москвы. Учёты проводились при постоянном содействии и участии сотрудников зоопарка, членов кружка юных биологов и его руководителя В.Ю. Дубровского, за что авторы выражают им всем искреннюю признательность.

Московский зоопарк давно специализируется на содержании и разведении водоплавающих птиц, поэтому в некоторые годы в его коллекции было более 70 видов этих птиц (Рубинштейн, 2000). Несмотря на то, что коллекция создавалась и поддерживалась искусственно, она всегда была неразрывно связана с населением птиц Москвы. В частности, это было вызвано тем, что в зоопарке создавались группы лётных гусеобразных, имевших возможность расселяться и смешиваться с дикими птицами, постоянно или временно обитающими в городе.

Известно, что часто процесс синантропизации птиц начинается с зимовок (Исаков, 1969). Число зимующих в Москве видов гусеобразных постепенно растёт (рис. 1). За период учётов (1985-2006 гг.) в Москве было отмечено 23 вида гусеобразных птиц. Их можно отнести к одной из трех следующих категорий.

1. Виды, непосредственно связанные с зоопарком, часть особей которых обитает в нем постоянно, а часть может посещать его и возвращаться обратно в город (кряква, гоголь, хохлатая чернеть, красноголовый нырок, огарь, пеганка).

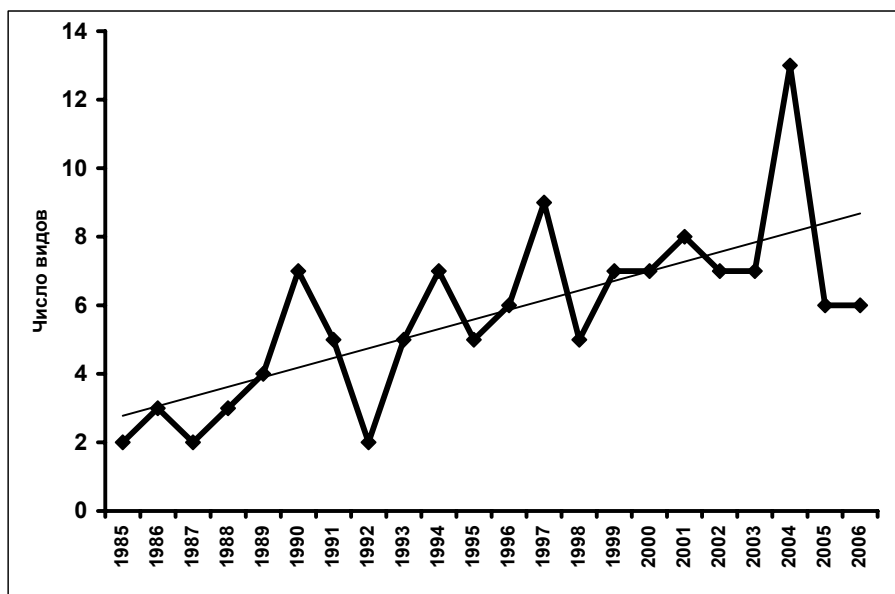

Рис. 1. Рост числа видов гусеобразных птиц, зимующих в Москве

2. Случайно покинувшие зоопарк птицы, временно обитающие на городских водоемах (серая утка, белоглазый нырок, пестроносая кряква, красноносый нырок).
3. Зимующие и пролётные малочисленные в городе виды, не связанные с зоопарком (большой крохаль, луток, морянка, турпан и др.). Наша работа посвящена обсуждению видов первой категории, так как они перешли к гнездованию в городе, частично сохранив связь с зоопарком.

Создание и расселение гусеобразных проводилось зоопарком в несколько этапов: в 1920-30-х гг. создали лётную группу крякв, в 1940-50-х – огарей, в 1950-60-х – гоголей, в 1970-х – нырковых уток (Остапенко и др., 1989).

Лётная группа из нескольких десятков крякв (*Anas platyrhynchos*) была создана в Московском зоопарке в 1926 г. (Кудрявцев, 1967). В 1936-40 гг. она насчитывала уже около 300 птиц. За войну группа уменьшилась до 75 птиц, но в 1949 г. их было уже более 200, в 1958–1959 гг. – около 400, а с 1960 по 1965 гг. – 300-400 крякв. В декабре 1956 г. было принято специальное решение Моссовета по обогащению фауны Москвы, для чего предполагалось заселить городские пруды водоплавающими птицами. Благодаря настойчивости Городского ветеринарного отдела в лице А.А. Калецкого в содружестве с трестом “Гор-гидромост” на 14 прудах, не считая зоопарка, количество уток выросло с 70 в 1957 г. до 500 в 1959. В 1960 г. на водоёмах города обитало уже свыше 700 водоплавающих птиц, преимущественно крякв, а к 1972 г. – 1500 (Калецкий, 1959; 1960а,б; 1982) (рис. 2). На весеннем и осеннем пролётах к городским кряквам присоединялись дикие, которые впоследствии зимовали, а иногда и гнездились в Москве. Так, осенью 1958 г. на Чистых прудах число крякв с 40 выросло до 100, на Пионерских – с 30 до 90-100, на Новодевичьих в 1959 г. – с 6 до 66 (Калецкий, 1960а). В конце 1960-х – начале 1970-х гг. в городе и области

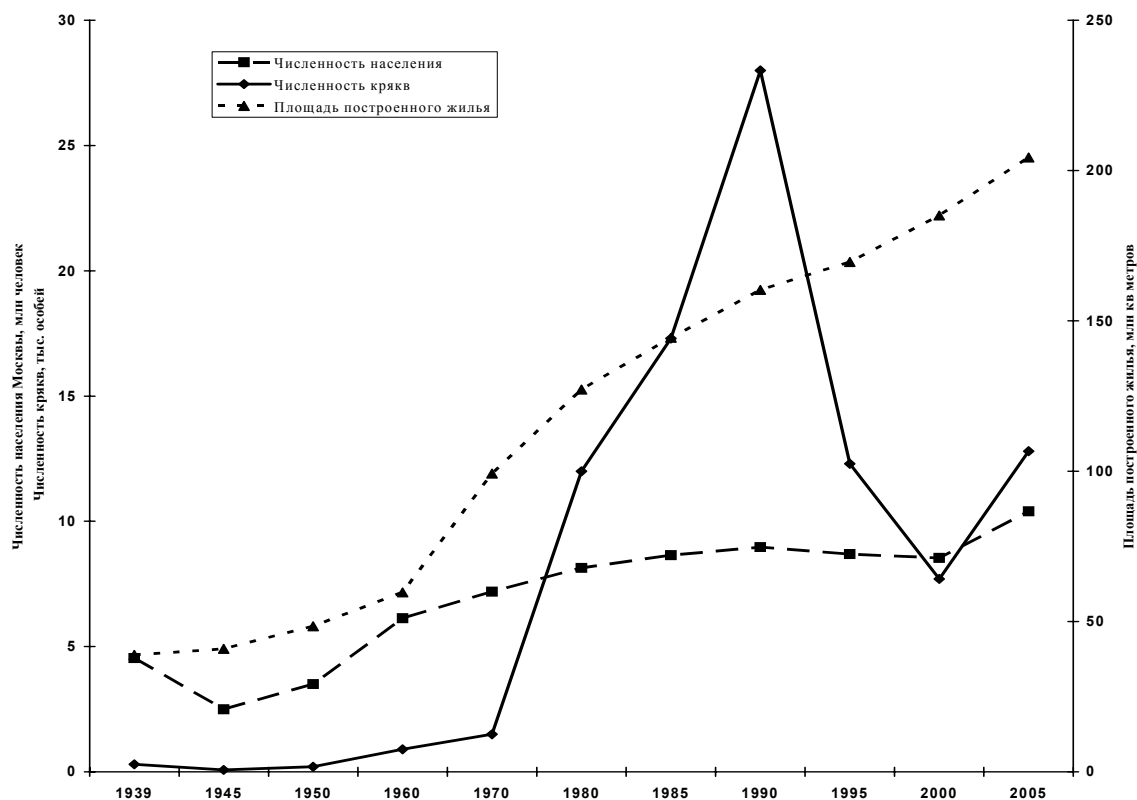

Рис. 2. Сравнительная динамика численности крякв, населения Москвы и строительства жилья

по городским прудам. На первых порах биотехнические мероприятия, особенно в зимнее время, имели решающее значение для сохранения водоплавающих птиц в городе (Виноградов, Остапенко, 1986). Это, прежде всего, «механические полыньи» и кормушки оригинальной конструкции (Калецкий, Ларионов, 1962). Но впоследствии они стали не нужны. В.А. Остапенко с соавторами (1989) отмечали, что в 1972-1974 гг. численность крякв в зоопарке стабилизировалась на фоне ее роста в Москве.

С развитием Москвы, площадь которой в 1960 г. увеличилась в 2,5 раза, застройкой окраин, подведением коммуникаций, изменением водного баланса территории появилось много новых водоемов, часть из которых, как и отдельные участки прежних, перестала замерзать зимой. У горожан, в том числе быстро растущих в числе новосёлов, сложилась прочная традиция подкормки зимующих птиц. В результате связь последних с зоопарком ослабла, и они перешли к более широкому расселению по водоемам, быстро наращивая численность вплоть до конца 1980-х гг. (рис. 2). С началом продовольственного кризиса в 1991 г. и прекращением подкормки населением их численность стала сокращаться (Avilova, Eremkin, 2001). Наиболее резкое падение численности городской группировки крякв было отмечено в 1991-1994 гг. С 1998 г. начался новый подъем численности (Авилова, Поповкина, 2004).

Хотя абсолютное число зимующих в зоопарке крякв в разные годы менялось, его колебания, по данным сотрудников зоопарка, были синхронны с об-

щегородскими. В 1980-х гг. численность птиц росла: в конце осени 1983 г. число крякв в зоопарке перевалило за 900, а зимовало 600–800 (Остапенко и др., 1989), в 1990-х гг. произошло 2-3-кратное падение численности (Дубровский, 1997), а затем последовал её новый рост (наблюдения члена КЮБЗа Д.С. Мжельского, по сообщению В.Ю. Дубровского). Относительное число птиц, выраженное в процентах от общего количества крякв, зимовавших в городе, менялось по-другому. В период бурного роста численности городской группировки (1985-1990 гг.), когда она достигла 20,1 тыс. особей, в зоопарке в дни учёта скапливалось всего 3-6 % птиц. Во время падения численности в городе до 3,8 тыс. в период с 1991 по 1998 гг. в зоопарке собиралось до 35 % (2000 птиц), в среднем – 16,4 %. В период нового роста с 1999 г. доля зимующих в зоопарке крякв составила 8-17 %, т.е. снизилась в среднем на 2 % (рис. 3). Средние температуры января и конца осени – начала зимы не коррелируют с численностью крякв в зоопарке в дни учётов, но при резких похолоданиях (например, зимой 2005/2006 гг.) их относительное число возрастает. При зимних оттепелях происходит отток птиц из зоопарка на водоемы города (наблюдения члена КЮБЗа Д.С. Мжельского, по сообщению В.Ю. Дубровского).

Две самки гоголя (*Vulpes lagopus*) впервые остались зимовать в зоопарке в 1958 г. (Кудрявцев, 1967). В дальнейшем гоголи сохраняли способность к миграциям в условиях полувольного содержания (Остапенко и др., 1989). В 1996-1997 гг. гоголи в зоопарке не зимовали (Дубровский, 1997). В последние годы здесь зимует несколько птиц этого вида, в основном самки, но главные зимовки гоголей находятся на Москве-реке, в том числе ниже Москвы, и быстро растут с 1993 г. (рис. 4). В феврале 2006 г. здесь зимовало 700-900 птиц (Авилова, 2006; Зубакин, 2006).

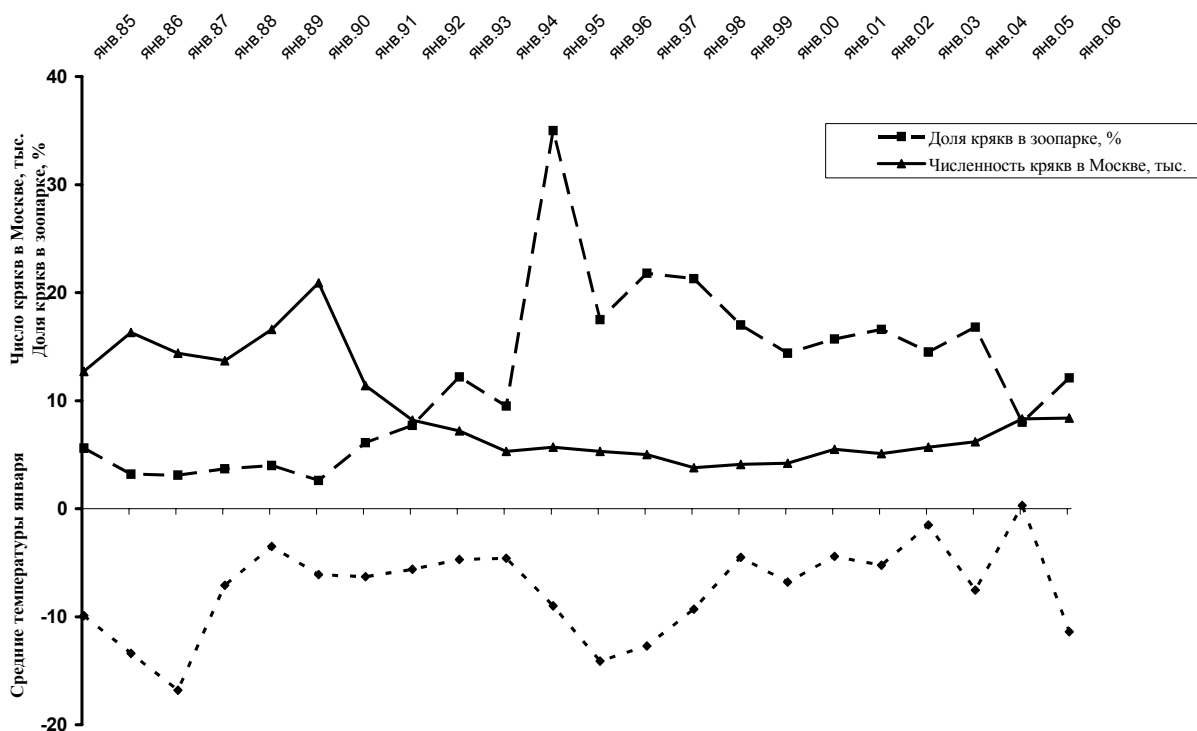

Рис. 3. Динамика численности зимующих в Москве крякв, их доли в зоопарке и средних температур января 1985-2006 гг.

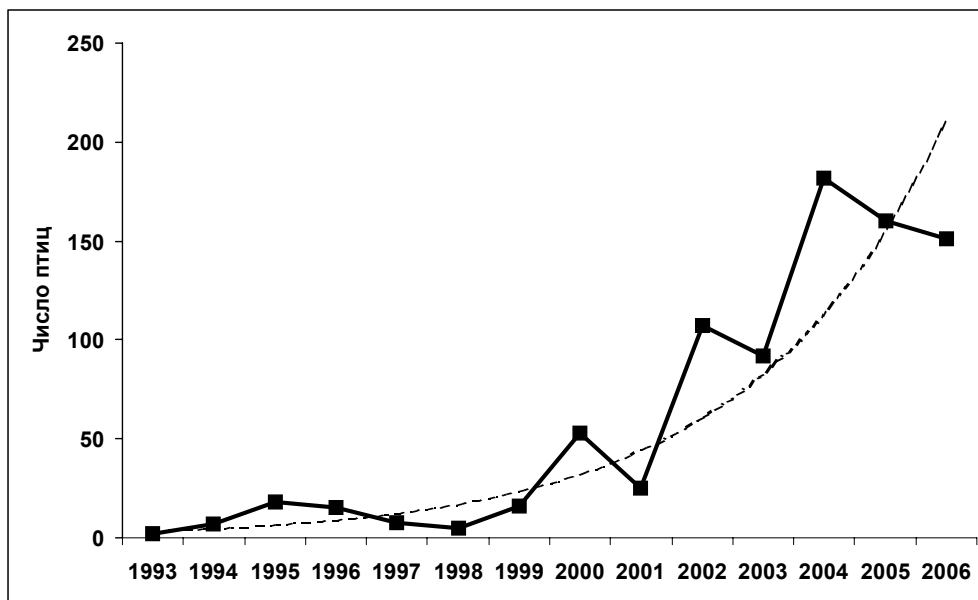

Рис. 4. Динамика численности гоголей зимующих в Москве

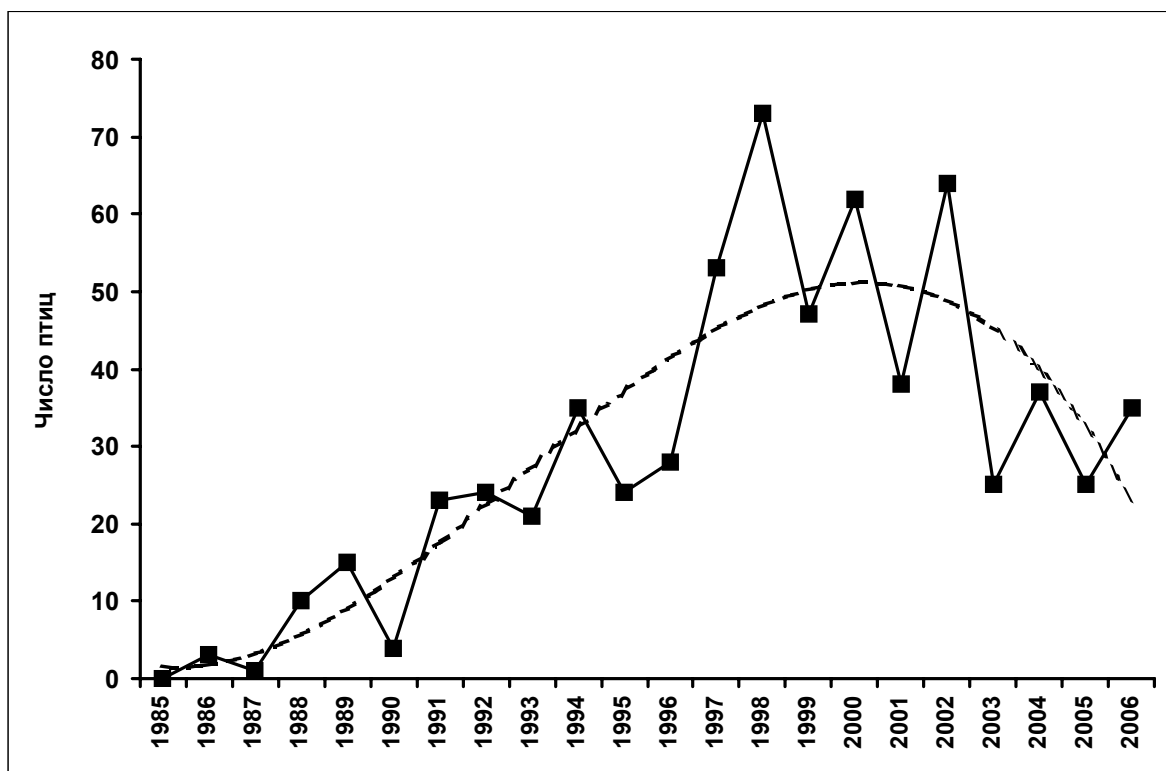

Рис. 5. Динамика численности зимующих в Москве хохлатых чернетей

Хохлатые чернети (*Aythya fuligula*) и красноголовые нырки (*A. ferina*) в зоопарке также остались сезонными мигрантами (Остапенко и др., 1989). Тем не менее, в 1990-х гг. зимой там отмечали несколько особей обоих видов (Дубровский, 1997), в 2003-2004 гг. в зоопарке зимовали 10-12 чернетей и 4-5 нырков (наблюдения члена КЮБЗа Д.С. Мжельского, по сообщению В. Дубровского). В 2001-2006 гг. по данным наших учетов в зоопарке зимовало до 20

особей каждого вида. Места зимовок этих птиц расположены также на Москвереке. Численность хохлатых чернетей после некоторого роста проявляет тенденцию к снижению (рис. 5). Красноголовые нырки крайне малочисленны.

Закрепление птиц в городе характеризуется, прежде всего, переходом к размножению на его территории. В Москве наиболее многочисленны гнездящиеся кряквы. Сразу же после расселения по прудам, т.е. в 1958-1959 гг., кряквы начали гнездиться в городе (Калецкий, 1960). В зоопарке в конце 1950-х гг. количество гнездящихся крякв выросло до 200, в дальнейшем их численность стали ограничивать для уменьшения конкуренции с более ценными видами. В 1980-х гг. во второй половине июня на территории зоопарка одновременно наблюдали не более 8 выводков (Остапенко и др., 1989). Во время летних учётов 1998-2005 гг. в зоопарке регистрировали до 20 выводков кряквы (табл. 1), а число негнездящихся птиц превышало 170 особей.

В 2006 г. кряквы пытались гнездиться всё лето, выводки регулярно появлялись вплоть до середины июля, однако выжили, насколько можно судить, лишь несколько птенцов. Основной причиной их гибели, вероятно, помимо хищничества ворон, стал сингамоз – эта проблема существует давно, и при нынешней перенаселённости прудов решить её очень сложно.

Остальные кряквы, зимующие в зоопарке, летом рассеиваются по водоемам, образуя в Москве несколько крупных и множество мелких поселений на прудах, реках и очистных сооружениях, часто вблизи мест городских зимовок. В 1980-е гг. в Москве гнезилось до 1,5 тысяч самок (Конторщиков, 1990). В 1990-е гг. произошел спад численности, в 2006 г. число выводков выросло до 650, то есть в 1,5 раза по сравнению с 2005 г.

Таблица 1. Результаты учёта выводков кряквы в зоопарке (1998-2005 гг.)

Дата учета	Число выводков	Число утят
17.07.1998	7	21
17.07.1999	20	94
22.07.2000	13	41
15.07.2001	11	45
22.06.2002	7	37
26.07.2003	9	33
24.07.2004	9	32
29.07.2005	7	34

Гоголь – редкий гнездящийся вид Московской области. В зоопарк он интродуцирован путем завоза яиц из Дарвинского заповедника в 1953-1961 гг. (Кудрявцев, 1967). Впоследствии гоголей расселяли по прудам, в частности павильона «Охота и охотничье хозяйство» ВДНХ СССР (С.И. Виноградов, личн. сообщ.), просуществовавшего до конца 1990-х гг. В 1980-х гг. в зоопарке гнезилось от 3 до 12 самок (Остапенко и др., 1989). В 2006 г. гоголи относительно успешно гнездились только на пруду Новой территории: из единственного появившегося там выводка выжили 1 или 2 птенца

(табл. 2). По данным летних учетов гоголи ежегодно выращивают птенцов на водоемах севера и востока Москвы (Головинских прудах, ГЭС РАН, МСХА им. Тимирязева, Измайлова, Кускова, Перова, Останкина). Их численность постепенно растет, в 2006 году она выросла в 1,5 раза по сравнению с 2005 г.

О размножении хохлатых чернетей и красноголовых нырков в Москве Рахманов и Смирнов писали в 1963 г. (цит. по: Калецкий, 1982). Оба эти вида уток примерно с одинаковым успехом начали осваивать европейские города еще в середине XX века. В зоопарке в 1980-х гг. гнездились 6-7 самок хохлатой чернети и 2-3 – красноголового нырка (Остапенко и др., 1989). По данным летних учётов (табл. 3), в 2006 г. в Московском зоопарке было не меньше 5-6 выводков хохлатой чернети и 1-2 выводка красноголового нырка, но

Таблица 2. Результаты учёта выводков гоголя в зоопарке (2000-06 гг.)

Дата учета	Число выводков	Число птенцов
22.07.2000	2	6
15.07.2001	3	4
22.06.2002	2	6
03.07.2003	2	7
24.07.2004	?	10
05.07.2005	1	2
2006	1	1-2

ни один птенец не выжил. В то же время птенцы нырков, выведшиеся из собранных и инкубированных искусственно яиц, выросли нормально (они не имели контакта с прудовой водой и землёй).

Таблица 3. Результаты учёта выводков хохлатой чернети в зоопарке (1999-2006 гг.)

Год	Число выводков	Число птенцов
1999	9	18
2000	3	13
2001	4	16
2002	нет данных	нет данных
2003	2	7
2004	2	8
2005	4	6
2006	5-6	0

В Москве хохлатая чернеть и красноголовый нырок примерно с конца 1970-х до конца 1990-х гг. гнездились на иловых площадках Люблинской очистной станции («Люблинских полях фильтрации») в колониях озёрных чаек. Ежегодно размножалось 20–50 самок чернети и до 60 самок красноголового нырка (Еремкин, 1997). Однако после ликвидации очистной станции и застрой-

ки территории стратегия видов оказалась разной. Хохлатая чернеть продолжала гнездиться в мелких колониях чаек, возникших вдоль МКАД, а также в Крылатском, Мневниках и Косине после ликвидации люблинских очистных сооружений. По мере деградации некоторых колоний чернети начали осваивать другие московские водоёмы (в Покровском-Стрешневе, Карамышеве, ЦПКиО и др.), где гнездятся рядом с кряквами, а иногда образуют с ними смешанные выводки. Красноголовые нырки закрепились только в колонии озёрных чаек возле станции Марк Савеловской железной дороги и колонии речных крачек на озере Чёрном в Косине. По городу они не расселяются, число выводков невелико.

Выводы

1. В середине прошлого столетия зоопарк с помощью создания лётных групп гусеобразных и содействия их расселению создал ситуацию, облегчившую птицам освоение города. Обжитые птицами пруды, привлекая пролётных птиц, служили центрами концентрации и стартовыми пунктами дисперсии уток, в первую очередь кряквы. В ходе экстенсивного развития города в 1970–1980-х гг. стало возможно быстрое освоение птицами новых местообитаний и увеличение численности.

2. Роль зоопарка в поддержании городской группировки крякв особенно велика зимой. Хотя колебания абсолютного числа зимующих в зоопарке птиц синхронны с общегородскими, их относительная численность меняется иначе: в период роста численности городской группировки она значительно ниже, чем в период его снижения. Среднемесячные зимние температуры воздуха не коррелируют с численностью крякв в зоопарке в дни учётов.

3. Зоопарк, не являясь основным местом гнездования, косвенно способствует воспроизводству городских водоплавающих птиц, концентрируя неразмножающихся и зимующих особей, особенно наиболее многочисленных видов – кряквы и огаря.

Для детального выяснения характера связей птиц зоопарка с городскими группировками необходимо их индивидуальное мечение. Весной 2006 г. в зоопарке было помечено назальными метками (закреплёнными на клюве пластиковыми пластинами бледно-сиреневого цвета с чёрными номерами) восемнадцать крякв. В дальнейшем мечение будет продолжено. Авторы просят сообщать о встречах меченых птиц в зоопарке и, особенно за его пределами К.В. Авиловой и А.Б. Поповкиной по адресам wildlife@inbox.ru и tadorna@mail.ru.

Литература

- Авилова К.В.* 2002. История формирования городской группировки кряквы в Москве. – Казарка, 7: 240-255.
- Авилова К.В.* 2006. Результаты 22-го учета зимующих водоплавающих птиц в Москве. – Новости программы «Птицы Москвы и Подмосковья», № 3: 3-5.
- Авилова К.В., Поповкина А.Б.* 2004. Многолетняя динамика зимующих в Москве водоплавающих птиц. – Облік птахів: підходи, методики, результа-

ты. (Сбірник научных статей другой міжнародной науково-практичної конференції. Житомир, Украина, 26-30 апреля 2004 г.): 67-70.

Виноградов С.И., Остапенко В.А. 1986. Возможности создания популяции пластинчатоклювых в антропогенных ландшафтах. – Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование. (Тезисы докладов орнитол. конференции). Часть 1. Л.: 124-125.

Дубровский И.В. 1997. Свободноживущие утки прудов Московского зоопарка. – Научные исследования в зоологических парках, вып. 9. – М.: Московский зоопарк: 163-169.

Еремкин Г.С. 1997. Очерк орнитологической фауны Люблинских полей фильтрации. – Птицы техногенных водоемов Центральной России. – М., МГУ: 7-24.

Зубакин В.А. 2006. Результаты учетов зимующих водоплавающих птиц на реке Москве в области. – Новости программы «Птицы Москвы и Подмосковья», № 3: 5-12.

Исаков Ю.А. 1969. Процесс синантропизации животных, его следствия и перспективы. – Синантропизация и domestикация животного населения. (Материалы совещания 19-20 ноября 1969 г.). – М.: 3-6.

Калецкий А.А. 1959. Опыт работы по обогащению орнитофауны Москвы. – Тезисы Второй Всесоюзной орнитологической конференции, т. 3. -М.: 57-59.

Калецкий А.А. 1960а. Содержание птиц на водоемах Москвы. – Орнитология, 3: 420-424.

Калецкий А.А. 1960б. Пернатые жители Московских прудов. – Природа, 1: 113-114.

Калецкий А.А. 1982. Птицы в городе. – Факультет “Человек и природа” Народного университета издательства “Знание”, 2: 18-73.

Калецкий А.А., Ларионов В.Ф. 1962. Подводные кормушки для водоплавающих птиц на московских прудах. – Орнитология, 4: 325-327.

Конторщиков В.В. 1990. К биологии кряквы в Москве. – Доклады МОИП, зоология и ботаника (1988 г.). – М.: 23-27.

Кудрявцев С.М. 1967. Утки Московского зоопарка, живущие на полной свободе. – Животное население Москвы и Подмосковья, его изучение, охрана и направленное преобразование. – М.: Изд-во МГУ: 86-89.

Остапенко В.А., Виноградов С.И. 1984. Состояние и перспективы работы Московского зоопарка по обогащению фауны Москвы некоторыми видами гусеобразных. – Современное состояние ресурсов водоплавающих птиц. (Тезисы Всесоюзного семинара 20–23 октября 1984 г.). -М.: 303–305.

Остапенко В.А., Виноградов С.И., Березина М.Ф., Курилович Л.Я. 1989. Свободноживущие утки Московского зоопарка. – Экология и охрана диких животных. Межвузовский сборник научных трудов. – М.: Московская ветеринарная академия им. К.И. Скрябина: 39-48.

Рубинштейн Н.А., 2000. Московский зоопарк. Водоплавающие птицы. – М.: ИД «Муравей». 40 с.

Avilova K. V., Eremkin G. S., 2001. Waterfowl wintering in Moscow (1985–1999): dependence on air temperature and the prosperity of the human population. – *Acta ornitologica*, 36 (1): 65-71.

Kelcey J. G., Rheinwald G. (eds.). 2005. *Birds in European cities*. Ginster-Verlag, St. Katharinen: 1-450.

Summary

K.V. Avilova, A. B. Popovkina, I. S. Smetanin. *The Role of the Moscow Zoo in the Maintenance of the Urban Anseriform Population*

Data of the long-term winter and summer waterfowl census in Moscow and Moscow Zoo are analyzed separately. In winter, 23 Anseriform species occur in Moscow, some of them have formed free-living groups that visit urban water bodies and return to the Moscow Zoo. The total number of species grows gradually. The most numerous, like in other European cities, are Mallards. Free-living Mallards were released in the Zoo in 1926. The number of wintering birds decreased by 1990, especially after the beginning of extensive development of the city. In 1985–1990, the share of Mallards wintering in the Zoo was low (2.6- 7.7 %), in 1991–1998 it increased up to 9.5-35 %, following the rapid decline of the birds' number in Moscow. After the total number of Mallards wintering in Moscow increased again, the share of them counted in winter in the Zoo dropped down to 8-17 %. When the weather is cold, the ducks are especially numerous in the Zoo; when it grows warmer, they disperse over the city. In winter Zoo plays a role of the refuge for hundreds of ducks, especially Mallards. On the contrary, in summer few broods of free-living birds could be found in the Zoo. The ducks, particularly Tufted Ducks, Pochards, and Goldeneyes prefer to nest in the city. The numbers of Mallards and Goldeneyes nesting in Moscow have been growing over the recent years, those of Tufted Ducks are stable, and breeding Pochards have been declining in numbers. Waterfowl species breeding in Moscow are the same as in the other European cities (Kelcey, Rheinwald, 2005).

ПОПУЛЯЦИЯ ОГАРЯ (*Tadorna ferruginea*) В МОСКВЕ: РОЛЬ МОСКОВСКОГО ЗООПАРКА В ЕЁ СОЗДАНИИ И ПОДДЕРЖАНИИ

А. Б. Поповкина, Т. А. Зарубина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

*Светлой памяти светлого человека –
С.М. Кудрявцева – посвящается...*

В состав орнитофаун многих городов Европы входят гусеобразные птицы (Kelcey, Rheinwald, 2005). Москва в этом плане не является исключением: в ней в разные годы на зимовке были отмечены 23 видов отряда Anseriformes, а такие виды, как кряква (*Anas platyrhynchos*), гоголь (*Bucephala clangula*), хохлатая чернеть (*Aythya fuligula*) и красноголовый нырок (*A. ferina*), регулярно гнездятся в городе (Avilova et al., 2003). Кроме этого, Москва уникальна тем, что в ней обитает единственная в Европе урбанизированная популяция огаря (*Tadorna ferruginea*), которая в настоящее время является второй по численности после популяции кряквы.

Городская группировка огаря, которая по ряду признаков (время существования и способность к самоподдержанию) может считаться вполне сформировавшейся популяцией, возникла более полувека назад. Родоначальниками её были птицы, содержащиеся в Московском зоопарке.

В 1948 г. в зоопарке трём птенцам огаря из одного выводка не были ампутированы крылья, однако они не улетели, оставшись со своими нелётными родителями. В последующие годы в зоопарке ежегодно гнездились несколько пар огарей, птенцов которых продолжали оставлять лётными. Осенью два-три десятка молодых птиц покидали пруды зоопарка, но лишь 2-6 из них возвращались весной следующего года. В начале 1950-х гг. единичные особи стали оставаться на зимовку в Москве. Зимой 1956/57 гг. в зоопарке осталось 10 лётных огарей, а в последующие пять лет там ежегодно зимовало до 30 птиц (Кудрявцев, 1967). В 1956 г. огари впервые загнездились за пределами зоопарка, и в течение нескольких последующих лет 2-3 пары ежегодно гнездились на северо-западе Москвы в районе станций метро «Динамо» и «Войковская». В 1975 г. пара устроила гнездо на чердаке многоэтажного дома на Пушкинской площади (Благосклонов, 1976). Численность популяции стала постепенно расти: в 1978–1986 гг. она составляла 50-60 птиц (Остапенко и др., 1989), а в 1987 г. в зоопарке зимовали 83 огаря (Орленева, Кудрявцев, 1988). К 1997 г. численность популяции несколько снизилась; зимой в зоопарке держалось около 50 огарей (в среднем 47,8 – по данным семи учётов) (Дубровский, 1997). На следующий год произошло двукратное увеличение численности популяции огарей: 18 января 1998 г. на прудах зоопарка было учтено 105 особей (Результаты ..., 1998). В 1999 г. зимняя численность птиц этого вида возросла до 130-140 особей. В по-

следующие годы количество огарей в Москве продолжало увеличиваться, достигнув зимой 2005/2006 гг. 425 особей (рис. 1).

Общую численность городской популяции огарей мы оцениваем по данным зимних учётов в Московском зоопарке, поскольку зиму практически все огари проводят именно там. Более чем за двадцать лет за пределами зоопарка зимой лишь несколько раз были встречены единичные особи этого вида (Авилова, Стоцкая, 1988). В зоопарке огари зимой практически не зависят от перепадов температур, изменения площади открытой воды и доступности кормов: они проводят там всю зиму на незамерзающих полыньях, постоянно имея доступ к обильному и полноценному корму.

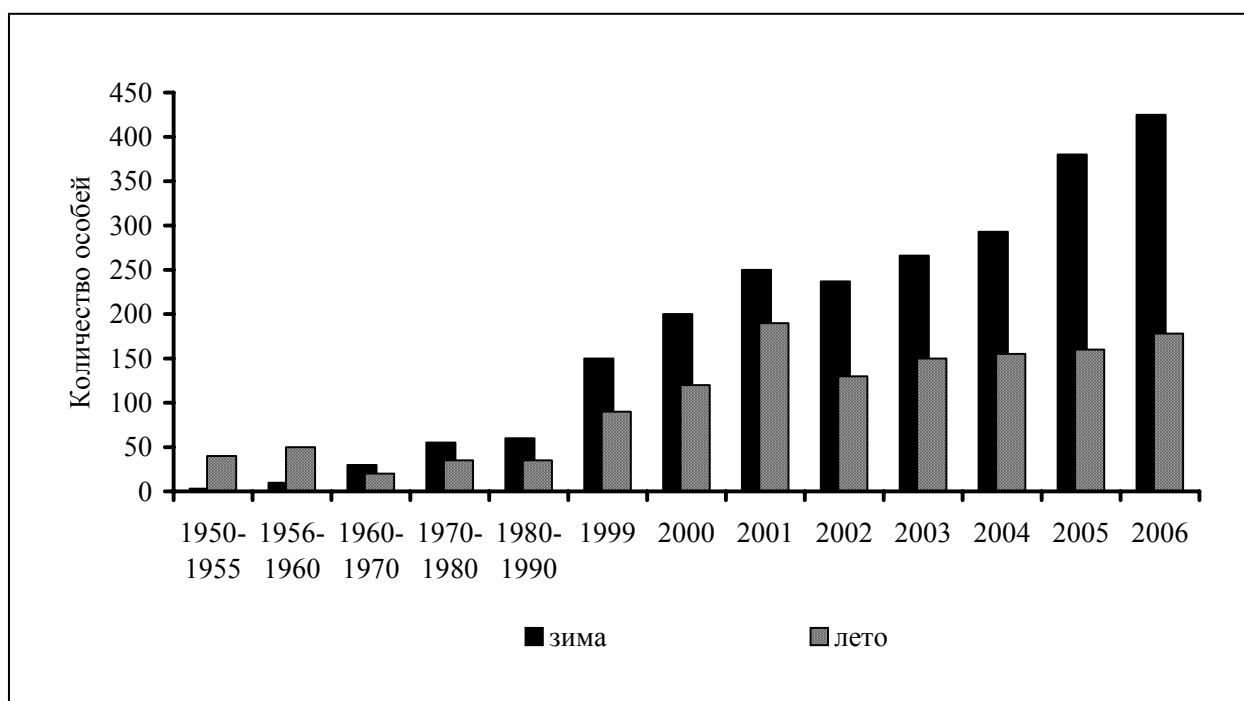

Рис. 1. Многолетняя динамика численности огарей в Московском зоопарке.

Весной часть огарей покидает территорию зоопарка, разлетаясь по городу в поисках мест для гнездования. Причём доля птиц, предпринимающих попытки размножения, растёт вместе с ростом общей численности популяции: если в конце 1990-х гг. в апреле-мае количество огарей в зоопарке уменьшалось лишь на треть, к середине 2000-х гг. в это время года в зоопарке стало оставаться не более четверти (а в последние годы – всего около 20 %) популяции (рис. 2). Первые пары улетают уже в конце февраля, а в марте – начале апреля пары и группы огарей можно часто встретить не только на многих московских водоёмах, но и на бульварах, в скверах, на стадионах, где они кормятся первыми зелеными всходами растений, а также на Москве-реке и на других реках (Яузе, Сетуни).

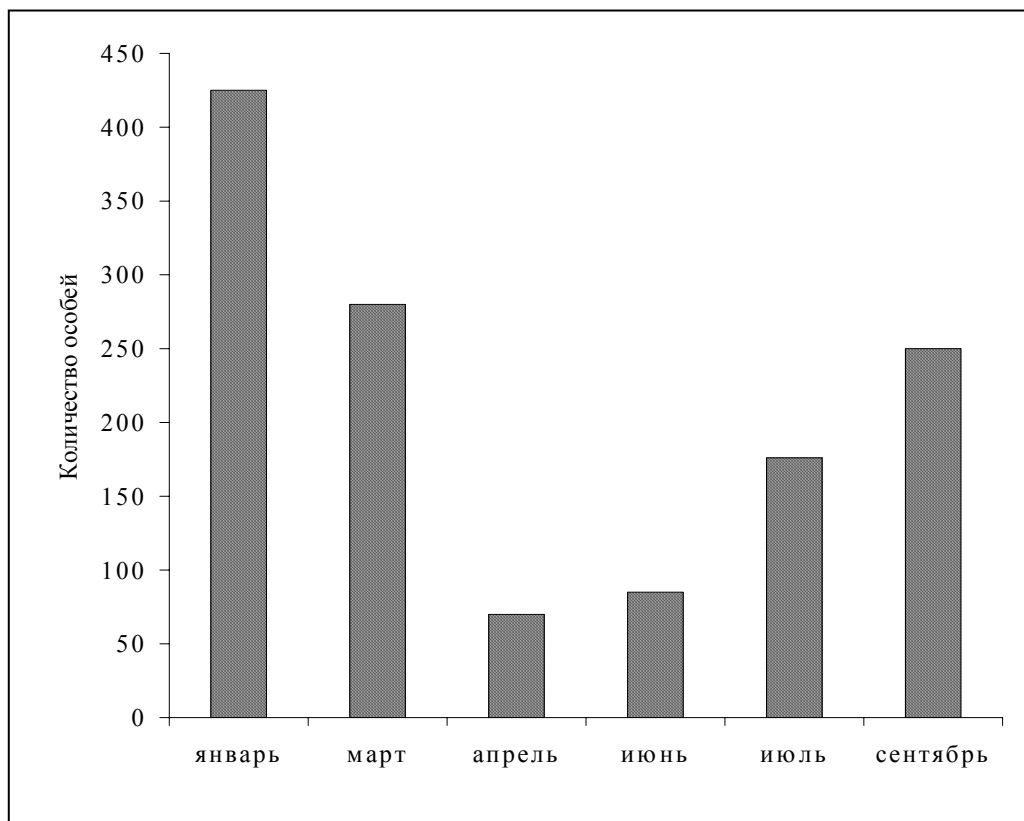

Рис. 2. Сезонная динамика численности осей в Московском зоопарке в 2006 г.

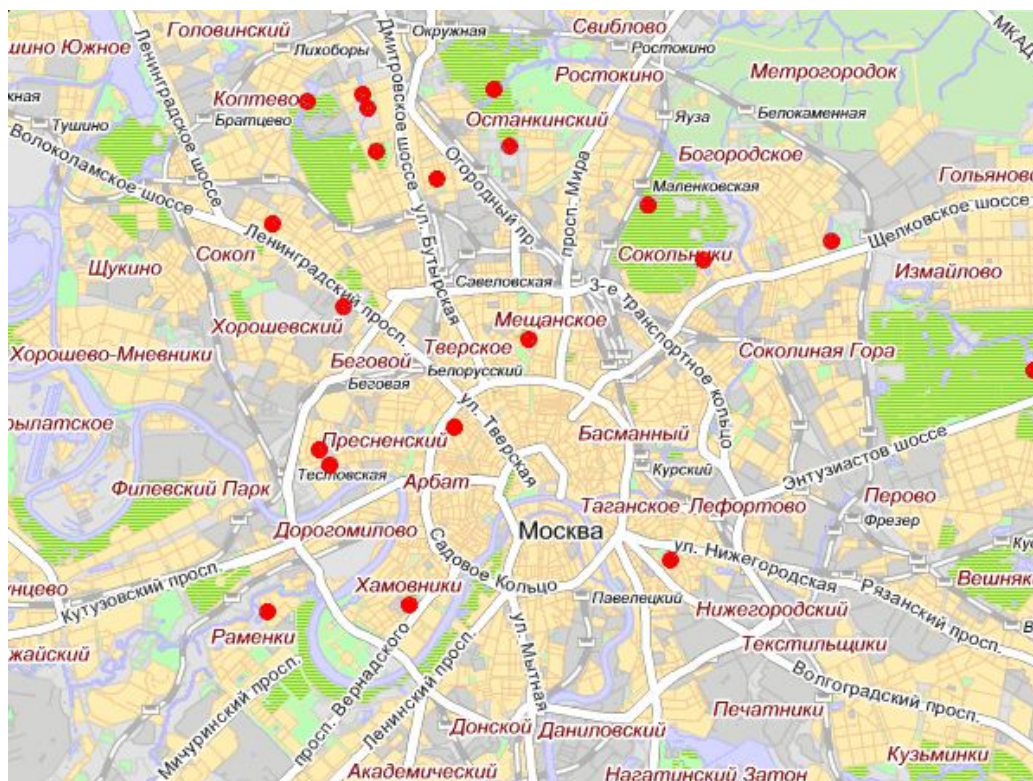

Рис. 3. Места гнездования осей в г. Москве в 2006 г.

Большая часть огарей гнездится в Центральном и Северном административных округах Москвы, в основном на чердаках многоэтажных домов. В течение всего периода насиживания, который начинается в конце апреля начале мая, самцы держатся на водоёмах, куда впоследствии пара приведёт выводок, охраняя территорию. Изредка покидая гнездо (в природе это обычно происходит два раза в сутки), самка присоединяется к самцу и в течение непродолжительного времени либо кормится на «семейном» водоёме, либо вместе с партнёром улетает к другим местам кормёжки, которыми, с большой вероятностью, являются пруды зоопарка.

В Москве выводки огарей никогда не наблюдали на реках; эти птицы выращивают птенцов только на прудах, в большинстве случаев – с открытыми (не заросшими), часто бетонированными берегами; некоторые такие «выводковые» пруды находятся в самом центре города среди плотной застройки. В 2006 г. выводки огарей были отмечены на 24 водоёмах города (рис. 3).

Гнезда часто находятся на значительном расстоянии от водоемов, и на пути к ним птенцам приходится преодолевать множество препятствий (дороги с интенсивным движением, канавы, заборы и т.д.). Кроме этого, огарята подвергаются нападению ворон, собак и кошек. Многие птенцы погибают в первые же сутки, некоторые пары полностью теряют свои выводки. Эти птицы, вместе с огарями, потерпевшими неудачу на более ранних стадиях репродуктивного цикла, обычно к началу лета возвращаются в зоопарк. В зоопарке огари на протяжении последних 20 лет гнездятся редко, однако на его прудах почти ежегодно появляются их выводки. По мнению сотрудников зоопарка, подтверждённым свидетельствами очевидцев, наблюдавших взрослых огарей с птенцами на соседних улицах, огари гнездятся на чердаках близлежащих домов и приводят вылупившихся птенцов на территорию зоопарка.

Большинство выводков появляется на московских прудах в последних числах мая или в самом начале июня. Самое раннее появление птенцов огаря в Москве было зарегистрировано нами 18 мая 2004 г.

Когда численность гнездящихся в Москве огарей была достаточно низкой, каждый «выводковый» водоём занимала только одна семья. В последние годы, при увеличении репродуктивной части популяции, на некоторые пруды приводят свои выводки по две-три, а иногда и четыре-пять пар. Это неизбежно приводит к территориальным конфликтам, зачастую заканчивающимся изгнанием одной или нескольких пар взрослых птиц и объединением выводков. Так на московских прудах возникают очень крупные выводки, насчитывающие несколько десятков птенцов, иногда разного возраста. Самый крупный выводок – 56 птенцов – мы наблюдали в 2003 г. на Екатерининском пруду в саду Центрального Дома Российской Армии. Кроме этого, в нескольких гнёздах мы обнаруживали более 20 яиц, насиживаемых одной самкой, что, несомненно, свидетельствует о подкладывании. Эти факты говорят о том, что некоторая (и, возможно, значительная) часть птенцов огаря в Москве в последнее время вы-

рашивается не их собственными генетическими родителями (Поповкина, Зарубина, 2005).

Уровень ювенильной смертности огарей определить очень трудно из-за недоступности данных о количестве вылупившихся птенцов (значительная их часть погибает в первые несколько суток после вылупления, преимущественно на пути от мест расположения гнёзд до водоёмов). Вероятно, рост количества птенцов, учтённых в возрасте двух месяцев, с 60-70 в 2000-2001 гг. до 170-180 в 2004-2006 гг. (рис. 4) свидетельствует не о снижении уровня ювенильной смертности, а об увеличении количества размножающихся птиц.

Вскоре после подъёма на крыло (в конце июля – начале августа) часть молодых птиц вместе с родителями перемещаются в зоопарк. Некоторые выводки (в полном составе или частично, с родителями или без них) могут оставаться на городских водоемах до глубокой осени, иногда до тех пор, пока водоемы не покрываются льдом. Осенью огарей можно встретить и на тех водоемах, где летом не было никаких выводков. Кое-где в это время года они образуют крупные скопления – до 70 особей.

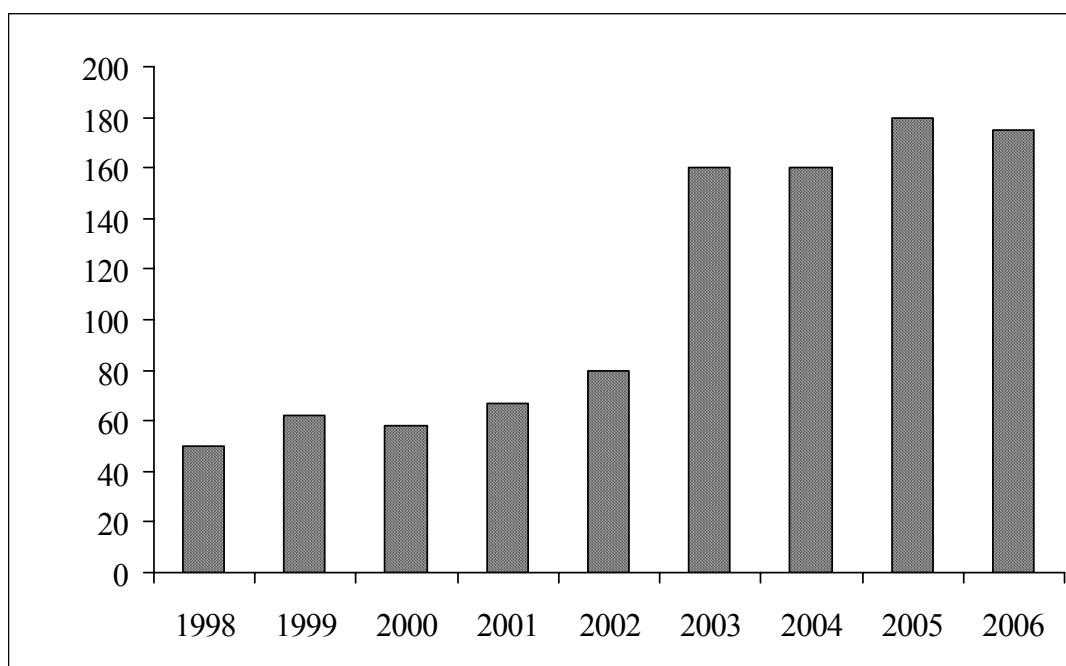

Рис. 4. Количество птенцов огаря, поднявшихся на крыло в г. Москве

До последнего времени мы считали, что московские огари не улетают за пределы города, проводя зиму в зоопарке. Однако заметная разница между расчётной численностью популяции к окончанию сезона размножения и её реальной численностью следующей за данным сезоном зимой (рис. 5), которая вряд ли объяснима естественной смертностью, позволяет сделать предположение о том, что некоторая часть птиц покидает город осенью. К сожалению, какие бы

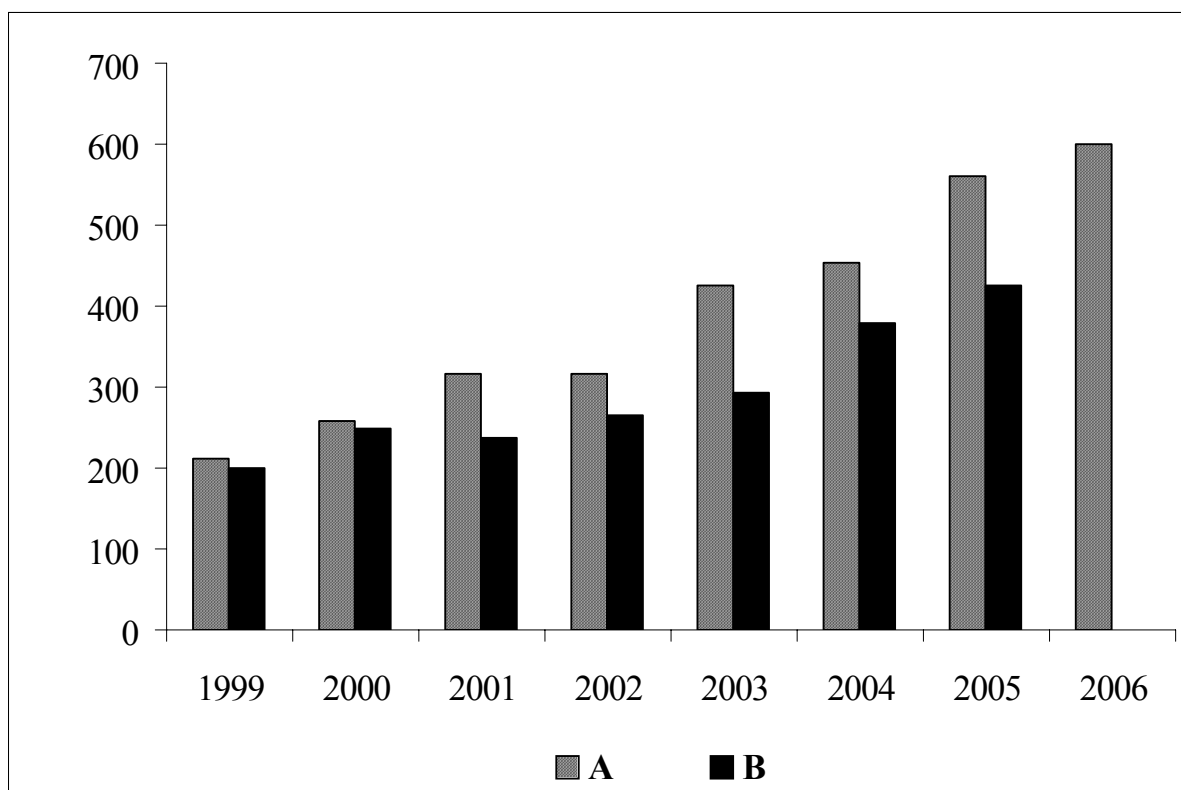

Рис. 5. Сезонная динамика численности огарей в г. Москве.

A – ожидаемая численность огаря в конце сезона размножения.

(август);

B – реальная численность следующей зимой (январь).

то ни было предположения о направлении их миграции (разлётов) вряд ли имеют смысл без массового мечения птиц.

В последние годы огарей неоднократно встречали в Московской области, на расстоянии до 60 км от города: в г. Раменском, в окрестностях г. Пушкино, в г. Дедовске, в Серпуховском и Рузском районах. Не менее 10 лет пара огарей гнездится и успешно выращивает птенцов на пруду в г. Юбилейном, в 2004-2005 гг. этот водоем посещали еще несколько огарей, а в 2006 г. там появился второй выводок. Пока мы уверены, что это наши «зоопарковские» птицы; опровергнуть такую уверенность смогут только дальнейшие находки в зоне, лежащей между Московской областью и границей ареала вида (современная северная граница ареала огаря в Европейской части России проходит через Ульяновскую область (52°50' с.ш.), т.е. примерно в 800 км к юго-востоку от Москвы).

Для выяснения возможных путей перемещения огарей за пределами города, а также особенностей биологии огарей урбанизированной популяции (постоянство пар, фенология размножения, гнездовой и территориальный консерватизм и т.д.) в 2003 г. было начато индивидуальное мечение огарей, отлавливаемых в Московском зоопарке, цветными пластиковыми кольцами. На на-

стоящий момент помечено 60 птиц; хотя это лишь небольшая доля популяции, результативность мечения очевидна: 22 окольцованные птицы были встречены за пределами зоопарка, четыре из них на протяжении нескольких лет гнездились в одних и тех же местах и выращивали птенцов на одних и тех же водоёмах. Любая информация об огарях в Москве и, тем более, в Подмосковье представляет большую ценность, поэтому авторы очень просят сообщать о встречах огарей – как с кольцами, так и без них – по адресам *tadorna@mail.ru* и/или *nastya@soil.msu.ru*.

Жизнь в мегаполисе заставляет огарей, как и любых других животных, постоянно приспосабливаться к меняющимся условиям среды. Судя по продолжающемуся росту численности московской популяции этого вида, размножающиеся в городе огари достаточно хорошо адаптировались к огромному количеству неблагоприятных факторов, неизбежно сопровождающих их существование в городе. Насколько нам известно, никаких специальных мер по охране огарей в Москве или привлечению их на водоёмы города не предпринималось. Благополучие этой уникальной популяции во многом зависит от возможностей зоопарка обеспечить благоприятные условия для их зимовки.

Авторы благодарны всем жителям Москвы, сообщающим о встречах огарей в городе. Все работы, связанные с отловом и мечением огарей в зоопарке, проводились при непосредственном участии сотрудников отдела орнитологии, за что авторы им очень признательны, особенно Н. И. Скуратову, Р. Штарёву и И. Сметанину. Мы благодарны также членам Кружка юных биологов зоопарка за помощь в ежегодных зимних учётах огарей. В 2003 и 2006 гг. работа была частично поддержана грантами Министерства сельского хозяйства, природопользования и рыболовства Королевства Нидерланды.

Литература

- Авилова К.В., Стоцкая Е.Э.** 1988. Результаты учета зимующих водоплавающих птиц в Москве. – Нов. аспекты исслед. биол. флоры и фауны СССР. Докл. МОИП, 1986, зоол. и ботан. М.: 61-64.
- Благосклонов К.Н.** 1976. Некоторые новые и редкие гнездящиеся птицы Москвы. – Бюллетень МОИП, отд. биол., 81 (4): 15-23.
- Дубровский И.В.** 1997. Свободноживущие утки прудов Московского зоопарка. – Научные исследования в зоологических парках, вып. 9. М.: 163-169.
- Кудрявцев С.М.** 1967. Утки Московского зоопарка, живущие на полной свободе. – Животное население Москвы и Подмосковья, его изучение, охрана и направленное преобразование (Мат-лы совещания 27-28 апреля 1967 г.). М.: 86-89.
- Орленева О.Г., Кудрявцев С.М.** 1988. Популяция огаря в городе Москве. – Экология популяций (Тез. докл. Всес. совещ. 4–6 октября 1988 г.). Новосибирск: 104-105.

- Остапенко В.А., Виноградов С.И., Березина М.Ф., Курилович Л.Я.** 1989. Свободноживущие утки Московского зоопарка. – Экология и охрана диких животных. М.: 39-48.
- Поповкина А.Б., Зарубина Т.А.** 2005. Особенности размножения огаря (*Tadorna ferruginea*) в г. Москве и возможные пути изменения репродуктивной стратегии птиц интродуцированной популяции. – Гусеобразные птицы Северной Евразии: Тезисы докладов Третьего международного симпозиума (6-10 октября 2005 г., Санкт-Петербург, Россия). Санкт-Петербург: Картофабрика ВСЕГЕИ: 214-215.
- Результаты XIV ежегодного январского учета зимующих водоплавающих птиц города Москвы. Информационный бюллетень. 1988. М.: 1-8.
- Avilova K.V., Eremkin G.S., Popovkina A.B.** 2003. Current status of urban wildfowl populations in Moscow. – Abstr. Volume, 4th Conference of the European Ornithologists' Union, Chemnitz, Germany 16–21 August 2003. – Die Vogelwarte, 42 (1-2): 11-12.
- Kelcey J. G., Rheinwald G.** (eds.). 2005. Birds in European cities. Ginster-Verlag, St. Katharinen: 1–450.

Summary

A.B. Popovkina, T.A. Zarubina. *Ruddy Shelduck Population in Moscow: The Role of the Moscow Zoo in its Establishment and Maintenance*

The population of Ruddy Shelducks (*Tadorna ferruginea*) has been existing in Moscow for more than half a century, originating from a few birds left free in the Moscow Zoo in 1948. After a period of relatively stable numbers, rapid increase of the population has started from the late 1990s; it has reached 425 individuals in 2006 and continues to grow. In 1956, a pair of Ruddy Shelducks nested in the city for the first time; at present, more than 20 broods are reared annually on the city ponds. Territorial conflicts in the brood-rearing period often result in brood amalgamation; egg dumping has been also observed in Moscow Ruddy Shelducks. The birds prefer to nest in the attics of multistory buildings rather than in the Zoo, but all of them spend winter on the Zoo ponds. Considerable difference between the calculated population numbers in autumn and the actual numbers in the subsequent winter allows us to assume that some dozens of birds may leave the city in autumn, though the directions of their migrations (if any) are unknown. In the last years, Ruddy Shelducks have been several times observed in the Moscow Region, up to 60 km away from the city. In 2003, a colour-marking project was launched; the authors would be grateful for any information on the records of Ruddy Shelducks marked with green plastic leg rings with 3-digit code. Please send such information at tadorna@mail.ru and/or nastya@soil.msu.ru.

О ГНЕЗДОВАНИИ РЕЧНЫХ КРАЧЕК (*Sterna hirundo*) НА ПРУДАХ МОСКОВСКОГО ЗООПАРКА.

И.С. Сметанин
Московский зоопарк

Впервые речные крачки загнездились на Большом пруду Московского зоопарка в 2001 году. До этого над зоопарком изредка появлялись только пролётные и летние бродячие птицы. Пара крачек появилась на пруду в мае, а в июне на «кормовой полосе» (искусственном каменном мысу, на берега которого высыпаются корма для водоплавающих птиц) был найден подросший пуховой птенец, в возрасте приблизительно 12-15 дней. Нет никакого сомнения, что выведен он был не здесь, а на одном из островов пруда – кормовая полоса посещается сотрудниками минимум 2 раза в день, гнезда на ней не было и быть не могло. Значит, птенец приплыл сюда с острова, так как там его что-то беспокоило. Возможно, это были крысы. К сожалению, потом его обнаружить не удалось – очевидно, он погиб.

На следующий год на пруду появилась уже не одна, а две пары речных крачек, а во время обследования с лодки островов пруда в июле на одном из них найдено было гнездо с кладкой из 3 яиц. Птенцы из этих яиц, однако, так по-видимому и не вывелись. Остров, облюбованный крачками, представлял собой низкую, едва возвышающуюся над поверхностью воды косу, абсолютно лишённую растительности, шириной примерно 1,5 метра, длиной около 8. На нём, как и на всех островах зоопарковских прудов, установлено несколько утиных и гусиных домиков – их крыши крачки использовали в качестве присад.

В следующие 2 года – 2003 и 2004 – крачки появлялись на пруду, но только одна пара, да и те не делали попыток загнездиться. К середине лета они исчезали.

В 2005 году крачки снова появились, как обычно, в середине мая, и вскоре одна из птиц села на гнездо на том же самом острове, что и в 2002 году – это было хорошо видно с берега пруда. Однако с середины июня насиживающую птицу мы уже не видели – вероятно, первая кладка погибла от тех же крыс. 30 июня на том же острове найдена кладка из 2 яиц, на которых снова сидела крачка. Птенцы появились, вероятно, во второй половине июля, 5 августа они переплыли на соседний остров, 13 августа – совершили первый полёт, а уже 15 августа крачки исчезли из зоопарка. Взрослые крачки активно защищали потомство, нападая на пролетающих мимо ворон и на людей, стоило тем перелезть через забор, ограждающий пруд, вблизи гнездового острова. На посетителей, гуляющих за этим забором, они не обращали никакого внимания.

В 2006 году крачки появились на пруду 13 мая, а 21 мая птица уже сидела на гнезде на том же самом месте, что и в прошлом году. 30 мая при обследовании островов с лодки гнездо было осмотрено – в нём была кладка из 3 яиц. На этот раз первая кладка не погибла, и в 10-х числах июля у крачек были уже лётные птенцы – опять двое. Соответственно, и исчезли крачки раньше – в конце июля.

Зимой 2006/2007 гг. на остров, облюбованный крачками, было завезено несколько кубометров щебня – для того чтобы обеспечить крачкам более ком-

фортные условия для гнездования (остров настолько низок, что в случае внезапного повышения уровня воды в пруду, например, из-за дождей, гнезда крачек, устроенные там, вполне могли быть смыты).

Гнездо речной крачки на острове Большого пруда Старой территории Московского зоопарка

Взрослая крачка на утином домике, внизу слева оперяющийся птенец

Речная крачка в полете. Общими усилиями крачки отгоняют ворон от островов, спасая выводки свои и утиные

Два пуховых птенца на острове

Начинающий оперяться птенец и взрослая птица

Выросшие птенцы крачек на острове

Весной 2007 года крачки появились 10 мая – но уже не одна, а снова 2 пары, а 12 мая их было целых 3. В дальнейшем количество птиц продолжало возрастать, максимальное число крачек, которое удалось насчитать над прудом, было 13. Поскольку на старом острове, который крачки облюбовали изначально, места на всех, очевидно, не хватало, одна пара поселилась отдельно на ма-

леньком островке диаметром всего около полутора метров. Там 21 мая было найдено гнездо с кладкой из 3 яиц. 30 мая в нём уже шёл процесс вылупления (по наблюдению Н.И. Скуратова). 3 июня на старом острове как минимум 2 крачки сидели на гнёздах, а 14 июня с берега было видно, что там бродят три маленьких пуховичка (вторая птица продолжала насиживать). 18 июня в процессе поездки на острова на лодке было обнаружено: на старом острове 3 пуховичка (при нашем приближении сошли на воду и уплыли, как только мы уехали с острова – приплыли обратно) и 3 гнезда с кладками (две по одному яйцу и одна с двумя), на маленьком островке – 2 пуховичка с трубочками маховых перьев и один мёртвый, погибший по непонятной причине. Во время следующего обследования островов (5 июля) выяснилось, что все три кладки, найденные 18 июня, разорены крысами (найдена скорлупа со следами зубов, затащенная в утиные домики). А все 5 птенцов к этому моменту уже благополучно поднялись на крыло.

Пищей крачкам служит мелкая рыба, которую они добывают здесь же, на прудах зоопарка. Причём, судя по всему, они предпочитают ловить рыб с узким, вытянутым телом – верховку на пруду новой территории и уклейку на Большом. Хотя, вероятно, в меньшем количестве добывается также молодь карася и карпа. Запасы подобного корма на зоопарковских прудах таковы, что без труда могут прокормить гораздо большее число крачек, чем то, что загнездились в этом году. Таким образом, основным, если не единственным, фактором, лимитирующим дальнейший рост колонии является хищничество серых крыс, свободно переплывающих с берегов пруда на острова и живущих там в летнее время. В отличие от крыс, серые вороны не представляют угрозы для колонии крачек, даже если она состоит всего из 2-3 пар: в 2007 году они настолько успешно отгоняли ворон от пруда, что это сказалось положительно на выживаемости птенцов других водоплавающих – кряквы и хохлатой чернети. Если в прошлые годы птенцы последнего вида на прудах не выживали, то в этом одна самка благополучно вырастила 3 птенцов. Известно, что и в природе нырковые утки часто предпочитают гнездиться в непосредственной близости от колоний чайковых птиц, и в частности крачек.

Помимо пользы, которую крачки приносят, служа своеобразной «противовоздушной обороной» пруда, несомненно, что они также украшают и оживляют его своим присутствием. Так что дальнейшее существование колонии этого вида на прудах зоопарка представляется весьма желательным.

Summary

I.S. Smetanin. On nesting of Common Terns (*Sterna hirundo*) at the ponds of Moscow Zoo.

Free flying Common terns began breed in Moscow Zoo since 2001. Author wrote about short history of breeding the birds. They are nesting on some islands of big pound. Tern's chicks are succesfully grows and start to fly. Terns eat the small fish which living in pounds. Terns defend waterfouls chicks from crows but can't do anythink against the rats.

ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ СТЕРХОВ (*Grus leucogeranus*) МИГРАЦИИ С ПОМОЩЬЮ СВЕРХЛЕГКОЙ АВИАЦИИ

К.А. Постельных¹, Э.В. Антонюк¹, С.А. Бобкова¹, Н.С. Пустовит²

¹ Питомник редких видов журавлей Окского государственного природного биосферного заповедника, ² ВНИИ охраны природы

Работы по реинтродукции стерха ведутся с 1991 г. с применением разных методов и подходов (Сорокин и др., 2000). За это время было выпущено более 100 птиц выращенных в Питомнике редких видов журавлей Окского заповедника (Кашенцева, 2005). К сожалению, о судьбе реинтродуцированных птенцов имеются очень скудные сведения. Кроме того, численность стерха в Западной Сибири вот уже около десяти лет колеблется в пределах десяти птиц. Сложившаяся ситуация подвела к поиску и применению новых методов внедрения птиц, выращенных в искусственных условиях, в природную среду обитания.

С 2001 г. американские ученые успешно применяют сверхлегкие летательные аппараты - дельталеты для обучения новому пути миграции искусственно созданной популяции американского журавля (*Grus americana*) (Ильяшенко, 2002; Арчибальд, 2003). Птенцов, воспитываемых костюмным методом, с самого рождения приучают к дельталету. Звук работающего мотора транслируют даже эмбрионам в яйцах перед вылуплением. Постепенно аппарат становится для птенцов лидером и ведет их на зимовку. Опыт первых лет показал, что достаточно один раз показать птенцам путь полета. Обрато на зимовку птенцы возвращаются самостоятельно.

Первая попытка выращивания импринтированных на дельтаплан птенцов стерха для обучения их миграции была предпринята в России в 2002 г. на территории Окского заповедника. Однако провести птенцов за дельтапланом запланированный путь миграции не удалось по разным причинам, прежде всего из-за несоответствия технических возможностей летательного аппарата, а также ландшафтно-климатических условий Сибири.

Весной 2006 г. были продолжены работы по выращиванию птенцов для моторизированной миграции. Тренировки с 4 птенцами стерха и 2 птенцами серого журавля были начаты в начале июня в Питомнике редких видов журавлей Окского заповедника. Птенцов, родившихся в конце мая – начале июня, воспитывали изолированным методом (Панченко, Кашенцева, 1995). Суть метода в том, что птенцов воспитывает человек, облик которого максимально приближен к виду белого журавля за счет специального костюма и муляжа клюва. Территория выращивания птенцов изолирована от посещения посторонних. Первое время – 15-20 дней после вылупления, птенцов приучали к звуку работающего мотора. Дельталета в этот момент еще не было, и при кормлении рядом с птенцами запускали электродвигатель газонокосилки, имитируя звук мотора летательного аппарата. Некоторое время в течение ежедневных прогулок птенцов водили возле работающего двигателя. Поскольку пуховики журавлей

боятся потерять родителей, они следовали за костюмом, несмотря на громкий шум двигателя.

19 июня в Питомник был доставлен дельталет, который установили на поляне возле вольерного комплекса. Первые дни птенцов подводи́ли для кормления и во время прогулок к неработающему аппарату. Если птенец вел себя спокойно, «родитель» садился в кресло пилота и угощал его лакомством из клюва. Лишь после того, как птенцы привыкли к виду дельталета, те же манипуляции проводили возле него с запущенным двигателем. В течение всей работы в Питомнике птенцы видели дельталет без крыльев, которые первое время могли мешать тренировкам. После того, как птенцы начали спокойно воспринимать дельталет, их стали приучать следовать за ним, поощряя при этом кормом. Неоднозначной оказалась первая реакция птенцов разных видов на дельталет. Поскольку работающий аппарат птенцам показали не с самого рождения, их первой реакцией был страх. Птенцы серых журавлей во время испуга бежали к костюмированному родителю, а поскольку костюм находился в непосредственной близости от дельталета, то птенцы привыкли к аппарату быстро и фактически сразу стали следовать за ним. Стершата же в момент паники бежали прочь от дельталета и костюма, пытаясь спрятаться. Их привыкание протекало дольше и с переменным успехом.

Тренировки проводили два раза в день, как правило, в утренние и вечерние часы. Днем птенцы страдали от жары, аппетит был снижен, и они неохотно выходили из вольер даже за лакомством. Для тренировок был установлен специальный манеж из металлической сетки в форме круга площадью 30 м², чтобы избежать травм и попадания птенцов под колеса дельталета. Также, в целях безопасности винт дельталета был закрыт специальным ограждением. Птенца заводили в манеж, дельталет начинал движение по кругу снаружи ограждения. Один человек в костюме управлял аппаратом, а другой шел следом, увлекая за собой птенца. Птенцов стерха тренировали индивидуально из-за специфичной агрессивности. Птенцов серых журавлей удалось объединить в месячном возрасте, после чего их тренировали одновременно. Тренировка с каждым птенцом длилась 15-20 минут. Для полноценного роста и развития птенцов, с ними совершали часовые прогулки в пойменный лес два раза в день.

Во второй декаде июля птенцов перевезли на кордон Липовая гора. Здесь вдали от поселка на пойменном лугу для них были устроены стационарные вольеры, перед которыми располагалась взлетно-посадочная полоса для дельталетов. Птенцы могли видеть взлет и посадку аппарата и постепенно привыкали к новому поведению и виду будущего лидера. На новом месте тренировать птенцов начали на дельталете с крылом, к которому птенцы привыкли в первый же день. Тренировки проводили ежедневно – утром и вечером. Сначала они проходили по той же схеме что и в Питомнике. Костюмированные родители водили птенцов по взлетной полосе за дельталетом. При этом скорость движения аппарата была разной. Птенцы могли тренироваться как в спокойном темпе прогулки, так и на повышенных скоростях, когда их стимулировали к пробеж-

ке, а позже и к взлету. Для того чтобы птенцы считали дельталет за единственного и главного лидера, участие второго «костюма» в тренировке постепенно сводили к минимуму. Выведя птенцов из вольеры, второй участник тренировки либо прятался, либо садился в дельталет пассажиром. После каждой тренировки птенцов отводили к ближайшему пойменному озеру, где обучали добывать естественные корма и проводили работу по объединению их в группу. Стершата продолжали демонстрировать агрессивное поведение до последних чисел июля. Только в возрасте около 40 дней птенцов объединили в группу и тренировали вместе. Однако вне тренировок и прогулок птенцы содержались, по-прежнему, в индивидуальных вольерах.

В возрасте 60 и 62 дней птенцы серого журавля совершили первые полеты во время тренировок. Сначала птенцы начали подлетывать за аппаратом, пролетая по несколько метров. Потом, во время разгона дельталета птенцы взлетали, делали небольшой круг и садились к аппарату. В связи с этим тренировку общей группы пришлось прекратить, так как стершата еще не начали летать. Они не могли догнать серых журавлят, и быстро теряли интерес к тренировке. Следует заметить, что птенцы стерха демонстрировали меньшую привязанность к воспитателю, чем птенцы серого журавля. Во время тренировок стершата часто отвлекались и уходили со взлетной полосы на луг, гуляли самостоятельно.

Перед отправкой в Ямало-Ненецкий А.О. у двух птенцов стерха была замечена прогрессирующая хромота, поэтому тренировки с ними были прекращены. Эти птенцы выбыли из проекта.

10 августа 2 птенца стерха и 2 птенца серого журавля на автомашине были перевезены сначала в Москву, а затем на самолете в г. Салехард, откуда всю экспедицию забросили вертолетом на 250 км к югу, в поселок Кушеват – район гнездования стерха. Птенцов перевозили в специальных транспортных ящиках размером 90x70x35 см. На поляне до приезда экспедиции была устроена взлетно-посадочная полоса, возле которой и разместили походную вольеру для птенцов из полипропиленовой пленки площадью 7 м².

На новом месте тренировки и прогулки проводили в старом режиме. Птенцы стерха еще не достигли летной формы, но уже подлетывали за аппаратом, пролетая за ним всю взлетную полосу. А птенцы серого журавля уже оттачивали летные навыки в небе. В начале тренировки они сразу взлетали, делали круг и либо садились к аппарату, либо улетали к водной протоке. 21 августа состоялись совместные полеты стерхов и серых журавлей вместе с аппаратом. Но возникли сложности. Минимальная скорость отрыва аппарата от земли составляет 54 км/ч, а скорость птенца начавшего летать – 35 км/ч. Эти данные получены с помощью оборудования дельталетов (УС-150). Из-за несоответствия скоростей птенцы быстро отставали от дельталета и приземлялись. Продолжительность самого долгого совместного полета за все время тренировок составило 18 минут.

Места гнездования стерха – это водно-болотные угодья с большим количеством озер, проток, рек. Проведение миграции по таким местам на дельталетах с колесами невозможно, так как найти удобное место для посадки с твер-

дым грунтом крайне сложно. Поэтому птенцов также приучали к аппарату на поплавках – гидроплану (тот же аппарат, но с поплавками вместо колес). Изменение внешнего вида лидера стаи не смутило птенцов. И в первый же день знакомства с гидропланом птенцы совершили плановый полет.

В конце августа экспедиция двинулась водным путем вверх по рекам Обь и Иртыш на двух катерах до г. Уват. Из-за плохой погоды и транспортных сложностей за время движения тренировочные полеты с птенцами совершали только дважды. Птенцов везли на катере в транспортных коробках. Утром и вечером с ними проводили непродолжительные прогулки. Ночевали птенцы на берегу в походной вольере. Экспедиция закончилась в Белозерском заказнике Тюменской области 21 сентября, после чего все 4 птицы были доставлены обратно в Питомник.

Выращивание и воспитание птиц, способных следовать за летательным аппаратом – сложное и дорогостоящее дело (Lishman at al., 1996). В ситуации со стерхом работа усложняется многими факторами. Необходимо получить птенцов с ранними сроками вылупления. Они должны как можно раньше встать на крыло, чтобы на активную фазу миграции было достаточно времени. Поведенческие особенности птенцов стерха также удлиняют процесс обучения. От рождения и до 1-2 месячного возраста специфичная агрессивность стерха не позволяет объединять птенцов, что требует дополнительного времени и пространства (индивидуальные вольеры). В подростковом возрасте птенцы стерха демонстрирует независимое от «родителя» – костюмированного человека поведение, что также отсрочивает время наступления совместных полетов.

Участие птенцов серых журавлей в работе имело положительное значение. Птенцы серого журавля были немного старше стершат, поэтому служили примером для подражания младших. Своим «послушным» птенцовым поведением они стимулировали стершат следовать за аппаратом. Птенцы серого журавля, как правило, всегда охотно следовали за аппаратом, по-видимому, получая удовольствие и от полета. Для стерхов же приходилось каждый раз менять тактику и мотивацию, поощрять кормом или направлять дельталет к их излюбленному месту на болоте.

Техническая часть такого сложного проекта требует больших финансовых вложений и участие большого коллектива. Соблюдение изоляции требует больших усилий, а зачастую становится невозможным при транспортировке. Необходимо также усовершенствование стационарных вольер на кордоне, которые не защищали в полной мере от палящей жары и низких температур в ночное время. К тому же, в период снижения агрессивности нужна общая просторная вольера, в которой могла бы проходить социализация —установление иерархических связей в стае. Как показала практика, для летных тренировок на первой стадии нужны более легкие аппараты с большей площадью крыла, которые способны поддерживать минимальную скорость полета. Предстоит еще много работы по организации мест остановок во время миграции и эколого-просветительскому образованию местного населения.

*Молодые стерхи следуют за мотodelьтопланом
как за собственными родителями*

Но все эти сложности преодолимы. И мы надеемся, что, проведение работы по осуществлению миграции с дельталетом, привлечение к этому более широкого круга участников и организаций, приведет к пополнению Западно-Сибирской популяция стерха молодыми птицами, которых научил летать человек.

Литература

- Арчибальд Дж.*** Миграция американских журавлей из Флориды в Висконсин // Бюллетень РГЖЕ, 2003. Вып. 6. С. 20-21.
- Ильяшенко Е.*** Результаты обучения американских журавлей миграции с помощью мотodelьтаплана // Бюллетень РГЖЕ, 2002. Вып. 4-5. С. 31-33.
- Кащенко Т.А.*** Питомник редких видов журавлей: прошлое и настоящее // Окский заповедник: история, люди, природа. Рязань. 2005. сс.138-169.
- Панченко В.Г., Кащенко Т.А.*** Размножение журавлей в питомнике Окского заповедника // Тр. Окского биосф. гос. прир. запов., вып 19, Рязань. 1995, сс.256-270.
- Сорокин А.Г., Маркин Ю.М., Панченко В.Г., Шилина А.П.*** Современное состояние и работы по сохранению западной и центральной популяций стерха // Научный вестник. Вып. 4, Салехард. 2000, с. 74-84.
- William A. Lishman, Tighe L. Teets, Joseph W. Duff, William J.L. Sladen, Gavin G. Share, Kirk M. Goolsby, Wayne A. Bezner Kerr, and Richard P. Urbanek.*** A reintroduction technique for birds: leading Canada gees and isolation-reared

Sandhill with ultralight aircraft // Proceeding of the seventh North American Crane Workshop 1996. Chelsea, Michigan. P. 96-104.

Summary

K.A. Postelnykh, E.V. Antonjuck, S.A. Bobrova, N.S. Pustovyt. *Experience of Teaching Siberian Cranes (Grus leucogeranus) to Migrate with the Use of Ultralight Aircrafts*

The project of the reintroduction of the Siberian cranes has been implemented since 1991, based on different methods and approaches (Sorokin et al, 2000). By now, over 100 birds bred and raised at the Breeding Station for Rare Crane Species of the Oka Natural Reserve have been released into the wild (Kashentzeva, 2005). In the experiment conducted in 2006, two young Siberian cranes and two young common cranes imprinted on dressed (in special overall, imitating adult crane) human were used. On August 10, the car brought the cranes to Moscow, from where they were transported by plane to the city of Salekhard. Then, the whole expedition was taken to the Kushevatskiy village, located 250 km to the south from Salekhard. This area presents nesting grounds of the Siberian cranes in Western Siberia. Young Siberian cranes in the experiment were a little older than young common cranes, and therefore served an example to follow. Methods of teaching young cranes to follow a hang glider and a hydroplane have been described. The expedition came to end on September 21, in Belozerskoye hunting lease of Tumen region, and all the birds had been transported back to the Breeding Station. The expedition was aimed at the perfection of the methods of teaching young cranes to follow ultralight aircrafts in order to lead the birds by migration routes to the wintering grounds. This time, the release of the cranes was not attempted because of some unexpected problems.

КОРВИАРИЙ: МАЛОБЮДЖЕТНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРК КАК АЛЬТЕРНАТИВА ТИПОВОМУ ЗООПАРКУ

А.В. Коткин

Независимый центр изучения зоопарков и аквариумов
«ИНТЕРЗОО-XXI» имени С.М. Кудрявцева

Любому современному городу как воздух требуется озелененная территория, где его жители могли бы не просто бесцельно гулять или сидеть на скамейках, а получать положительные эмоции в общении с природой и ее обитателями и уходить домой полными добрых чувств и приятных впечатлений. Это тем более необходимо в каждом областном центре, население которого, в отличие, например, от сельского населения, испытывает серьезный дефицит такого общения.

Выполнять эту роль, безусловно, может и должен (там, где он есть) зоопарк – самое популярное место во всяком городе. Сегодня в России насчитывается 32 зоопарка и зоосада, не считая менее масштабных учреждений зоологической направленности. Цифра для нашей страны далеко не достаточная, и вполне закономерно, что процесс возникновения новых зоопарков не прекращается. Идет активная работа по созданию зоопарков в Ижевске и Ярославле, возможность их строительства рассматривается в Барнауле, Волгограде и Ульяновске... В то же время многие города, желающие обладать зоопарком, не могут себе этого позволить, и прежде всего по материальным причинам: зоопарк в общепринятом российском понимании этого явления, с так называемыми «обязательными» животными – слоном, жирафом, зебррой, медведем, львом, тигром, обезьянами – объект, дорогой и в строительстве, и в дальнейшем обслуживании. Например, по данным Международной организации проектирования зоопарков *ZooLex*, строительство экспозиции бурых медведей в соответствии с требованиями Евросоюза сегодня обходится европейскому зоопарку в среднем в 1 миллион евро. Но построить мало. Большинству «обязательных», привлекательных животных в условиях российского климата необходимы зимние помещения, что означает огромные затраты на тепло. Корма для этих животных также обходятся очень дорого. В результате требующий больших текущих расходов зоопарк тяжким грузом повисает на его владельце, кем бы он ни являлся – частным лицом или государственной структурой. Закономерный итог, как правило, печален: либо владелец разоряется, либо зоопарк влачит нищенское существование. Последнее более вероятно, и мы можем наблюдать это в большинстве зоопарков России.

Означают ли приведенные выше аргументы, что зоопарк как достопримечательность – непозволительная роскошь для районного или не крупного областного центра? Совсем нет, и выход видится в идее небольших специализированных зоопарков, которые с учетом современных веяний правильнее называть экологическими парками.

Жалкое существование – удел любого зоопарка, создаваемого просто «для развлечения детей», без определенной концепции. В итоге подобный зоопарк становится не гордостью, а позором города. Организовывать его для такой перспективы, по меньшей мере, бессмысленно. Сегодня зоопарк (экологический парк) обязан иметь собственное лицо, непохожее на другие зоопарки, свою, только ему присущую концепцию создания и развития.

Если зоопарк в городе с миллионным и более населением может художественно существовать за счет интереса горожан, то современный зоопарк в небольшом городе не имеет права быть интересным только для детей или даже только для жителей своего региона. Он также должен работать и на туристический потенциал города, в котором находится, обязан быть объектом, привлекательным с точки зрения туризма. Однако зоопарк «как у всех», к тому же построенный с минимумом затрат, скорее всего, не привлечет ни одного туриста. Турист XXI века совершенно справедливо не станет тратить время и деньги на осмотр еще одного безликого зоопарка, к тому же копирующего зверинец XIX столетия. Совсем другое дело – парк с «изюминкой», подобного которому нет больше нигде. Такой «тематический» парк, пусть даже маленький, в силу своей неповторимости невольно станет работать не только на местную экономику, но и на престиж города и местной власти, в том числе международный престиж.

Варианты могут быть разные, в зависимости от фантазии и финансовых возможностей организаторов парка. Например, зоопарк местной природы – явление, широко распространенное за рубежом, но пока не нашедшее своего адекватного воплощения в России. Или тропический зал под прозрачным куполом, подобные которому служат образовательными центрами и туристическими аттракционами в целом ряде городов и городков Европы и Северной Америки. Или моновидовой зоопарк, в котором содержатся, скажем, только волки или только бурые медведи. Другим примером парка такого типа являются открытые (безвольерные) обезьяньи парки, где люди наблюдают естественную жизнь большой (до 100 особей) группы японских макаков или маготов, гуляя среди этих «холодоустойчивых» приматов. Такие без затей устроенные зоопарки «с погружением» всегда производят большое впечатление на посетителей.

Значительное распространение получили за рубежом специализированные орнитологические, или птичьи, парки, где посетителям демонстрируют преимущественно или исключительно птиц, привлекающих внимание яркостью оперения, выдающимися размерами, особенностями поведения. Обычно такие парки отличаются хорошо продуманной, разнообразной флористической составляющей. Сочетание коллекции декоративных пернатых с коллекцией красиво цветущих растений работает на повышение привлекательности учреждения. В России сегодня успешно реализован всего один такой проект – парк птиц «Воробьи» в Калужской области, пользующийся посетительским вниманием именно благодаря своей нестандартности. Положительный опыт «Воробьев» дает повод надеяться на успех и других подобных учреждений в нашей стране.

В парке птиц «Воробьи», как и в большинстве орнитопарков мира, содержатся представители разных систематических групп. В то же время мировая практика знает примеры и узкоспециализированных птичьих парков и питомников, в основном, частных, где внимание уделено всего одной группе пернатых: попугаям, водоплавающим, фазанам, соколообразным, журавлям, совам. Разумеется, их посещаемость несравнима с посещаемостью ведущих зоопарков мира. Тем не менее, не конкурируя с последними и занимая свою собственную нишу в сфере познавательного и семейного туризма, эти малые парки также пользуются стабильным посетительским вниманием. Крайне важно, что общий уровень таких учреждений легче приблизить к мировым стандартам, а их содержание обходится во много раз дешевле по сравнению с зоопарками общего типа.

Перспективной формой специализированного птичьего парка как альтернативы типовому зоопарку в небольшом городе может стать корвиарий – еще одна разновидность учреждения эколого-воспитательной направленности для всей семьи, объединяющего в себе зоологическую, ботаническую и фольклорно-этнографическую составляющие. Предлагаемое нами название «корвиарий» – производное от латинского слова *Corvus* (ворон) и английского *aviary* (большой птичий вольер).

Кто не помнит «Воронью слободку» из всеми любимого романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок»? Это название давно стало крылатым выражением, обозначающим «дружное» сообщество, коммунальную квартиру, пестрое население общежития. Но приходило ли кому-нибудь в голову воссоздать подобную слободку в реальности? А ведь сделать это вполне возможно, причем так, чтобы свое бессмертное название слободка оправдывала не в переносном, а самом прямом смысле. Для этого нужно всего лишь населить ее самыми настоящими воронами, а также сороками, сойками, галками и прочими представителями семейства врановых, или вороновых, птиц.

Возможно, эти пернатые могут показаться не очень перспективными для создания отдельной экспозиции. Однако в семействе врановых более 120 разных видов, и не только черных, а синих и зеленых, рыжих и пестрых, больших и маленьких, степенных и проворных, но самое главное — необычайно сообразительных и общительных. Врановые, как и попугаи, способны умело подражать человеческой речи и точно так же, как и попугаи, являются интеллектуальной вершиной мира пернатых. В основе интереснейшего поведения ворон и их родственников лежат природное любопытство, неистощимое стремление к исследовательской деятельности. Не будет преувеличением назвать их артистами среди птиц. По большому счету, эти создания давно заслужили, чтобы люди лучше узнали и полюбили их, перестав относиться к ним по большей части как к вредителям. А где это можно сделать лучше всего, как не в специализированном экологическом парке – своеобразном «птичьем зоопарке»?

Врановые содержатся в большинстве зоопарков мира, где при хорошо продуманном показе вызывают интерес у посетителей. Однако специализированных (тематических) коллекций, где бы демонстрировались исключительно

или преимущественно врановые, сегодня не существует. Таким образом, эта ниша в сфере экспонирования диких животных до сих пор не занята, и именно это обстоятельство немаловажно для мирового престижа как самого учреждения, так и города, в котором оно находится.

По сведениям международной системы ISIS зоопарки мира содержат не более 45 видов врановых. Данные информационного сборника зоопарков СССР/СНГ/Евро-Азиатской региональной ассоциации зоопарков и аквариумов говорят о том, что отечественные зоопарки за последние 22 года демонстрировали 26 видов и подвидов этих птиц, причем для отдельных видов удалось добиться периодического размножения (Петухова, 2003). В Московском зоопарке, имеющем наиболее полное в России собрание как животных в целом, так и врановых в частности, в 2005 году их было представлено 12 видов. Крупнейший в мире птичий парк Вальсроде (Германия) в 1994 году демонстрировал 14 видов врановых в количестве 29 особей.

А в коллекции корвиария могут быть представлены до 50-60 видов птиц, то есть около половины современного разнообразия этой группы. Начавшись с 15 видов отечественных врановых птиц, коллекция в течение нескольких первых лет работы предполагает удвоение за счет представителей зарубежной орнитофауны умеренного климатического пояса. Уже на этом этапе корвиарий станет уникальным, доступным для публичного обозрения собранием врановых, равного которому пока нет во всем мире. В течение последующего десятилетия коллекция может выйти на максимальный уровень – с учетом нескольких конструктивно несложных павильонов для содержания тропических пернатых.

Однако цель современного зоологического (биологического, экологического) парка не должна ограничиваться пассивным показом его обитателей. «В дизайн экспозиций, воспроизводящих естественные места обитания животных, следует вводить элементы человеческой культуры, имеющие отношение к демонстрируемому виду, а также растения, источники звуков и компоненты искусственного климата. Все это даст посетителям более наглядное представление как о биоразнообразии и взаимозависимости видов, ареалов и экосистем, так и об эффектах воздействия человека на природу», говорится в Природоохранной стратегии Всемирного сообщества зоопарков и аквариумов (2005). С просветительской точки зрения посетители корвиария получают непременно информацию о разнообразии и экологических приспособлениях врановых птиц, их значении для природы и человека и необходимости специальной охраны некоторых из них. Но здесь также будет представлена тема врановых (преимущественно ворона) в мифологии и прикладном творчестве народов мира – от тотемов североамериканских индейцев до знаменитой поэмы Эдгара По «Ворон», в фольклоре народов России, в современной литературе и искусстве.

Помимо этого, корвиарий способен выполнять функцию научного стационара, поскольку его коллекция явится уникальной базой для осуществления программ по изучению поведения, биологии и таксономии врановых силами заинтересованных специалистов-орнитологов академических институтов, пре-

подавателей и студентов местного вуза, рабочей группы по врановым Союза охраны птиц России.

Вне всякого сомнения, корвиарий займет свое место в международных программах по созданию вольерных популяций врановых, находящихся под угрозой исчезновения. Другой важный природоохранный момент найдет свое отражение в реабилитации раненых и пострадавших иным образом птиц (не только врановых) и подготовке их для возвращения в природу.

Образовательно-воспитательная деятельность корвиария подразумевает показ обитателей парка в школах и детских садах (уроки на местах), проведение тематических праздников с театрализованными представлениями для детей на темы литературных и фольклорных произведений, посвященных врановым птицам, а также участие в общегородских праздниках.

Выращенные с юного возраста врановые легко приручаются, и их можно научить выполнять различные действия по командам: отыскивать предметы, различать их форму и цвет, подавать их в определенной последовательности, прилетать на руку и т.д. Способность врановых к обучению используется для демонстрации посетителям в своеобразном «Птичьем театре». Представления такого рода всегда привлекают дополнительное внимание к зоологическим учреждениям, с одной стороны способствуя более полному эмоциональному насыщению посетителей, а с другой – повышению посещаемости парка.

Наконец, некоторые врановые в силу их эффектного внешнего вида и интересных особенностей пользуются спросом в зооторговле – для зоопарков, живых уголков и домашнего содержания. Поэтому одной из целей корвиария может и должно быть разведение таких видов в небольшом закрытом для посещения питомнике.

При этом содержание построенного парка будет обходиться во много раз дешевле обычного (даже маленького обычного) зоопарка, поскольку врановые – всеядные птицы, они не требуют специфических кормов, к тому же редко болеют, долго живут и уход за ними довольно прост. Большинство представленных в «Вороньей слободке» птиц смогут круглый год проводить в вольерах на открытом воздухе. Простые конструкции вольеров не потребуют специального проектирования и значительных затрат при строительстве, которое, в свою очередь, целесообразно проводить не разом, а в 4-5 (или более) этапов. Ориентировочная стоимость создания первой очереди корвиария может составить порядка 3-4 млн. рублей. На этом этапе строительство ограничивается несколькими вольерными блоками для отечественных видов, домиком для персонала с кассой и продажей сувениров при входе, площадкой для демонстрации ручных птиц, хозяйственным блоком с карантинными вольерами и летнего кафе как части дополнительной инфраструктуры парка. Кроме того, необходимо огородить территорию с перспективой развития комплекса и проводить ее постепенное благоустройство и декоративное озеленение, поскольку корвиарий должен быть не просто популярным познавательным учреждением, но и местом приятного отдыха.

При этом озеленение следует проводить с учетом представленных на данном участке птиц (дальневосточные деревья и кустарники рядом с вольерами голубых сорок и большеклювых ворон, горная растительность у вольеров клушиц и альпийских галок, американские дубы и клены возле поселений врановых Северной Америки и т.п.).

Через специальный тамбур посетители смогут пройти внутрь самого большого – «контактного» – вольера и там ходить непосредственно среди птиц, кормя их с рук специальным кормом, приобретенным при входе в парк. Такая экспозиция важна не только с точки зрения посетительской привлекательности корвиария. Непосредственный контакт людей и птиц будет служить делу воспитания добрых чувств по отношению к врановым, которых человек зачастую несправедливо преследует.

В качестве дополнительных элементов экспозиции нелишними окажутся вольеры с мелкими певчими птицами, характерными для местности, где будет построен корвиарий, поскольку врановые тоже относятся к группе певчих птиц. Разумно было бы представить здесь и отдельных некрупных млекопитающих, которые «встречаются» с врановыми в сказках и других литературных произведениях (например, «Ворона и лисица» и т.д.). Для украшения и насыщения визуального ряда территории в корвиарии предусмотрено широкое использование скульптур, представляющих разные виды врановых птиц и фольклорные сюжеты с их участием. Наконец, важной интерактивной частью общей экспозиции станут установленные здесь жилища коренных народов Северной Азии и Северной Америки: индейский вигвам, ненецкий чум, монгольская юрта, чукотская яранга и т.д. Короче говоря, корвиарий — отличный полигон для реализации идеи о комплексном представлении каждого животного в экспозиции зоопарка, которую в свое время ярко выразил Уильям Конвэй в ныне хрестоматийной для зоопарковских работников статье «Как экспонировать лягушку-быка» (Conway, 1973).

Важно отметить, что разумно спроектированный, стратегически выгодно расположенный и умело управляемый корвиарий способен стать не просто яркой местной достопримечательностью, известной далеко за пределами своего региона и даже страны. Он может быть и коммерчески выгодным учреждением, поскольку затрат по сравнению с типовым зоопарком требует намного меньше, а сопутствующая инфраструктура при нем может действовать та же самая, что и при большом зоопарке, – кафе, ресторан, автостоянка, магазин сувениров и т.п. Последнее обстоятельство должно содействовать привлечению потенциального инвестора (инвесторов) еще до начала строительства парка.

Не вызывает сомнений, что реализация подобного проекта при сравнительно малых затратах даст любому городу новую достопримечательность и престижный туристический объект, достойный внесения во всевозможные международные каталоги. А с течением времени экологический парк-корвиарий может послужить отправной точкой для создания зоопарка с более разнообразной и вместе с тем качественно представленной коллекцией.

Литература

- Информационный сборник зоологических парков СССР. Вып. №№ 5-10. М., 1985-1990 гг.
- Информационный сборник зоологических парков. Вып. №№ 11-14. М., 1991-1995 гг.
- Информационный сборник зоологических коллекций. Вып. №№ 15-18. М., 1996-1999 гг.
- Информационный сборник Евро-Азиатской региональной ассоциации зоопарков и аквариумов. Вып. №№ 19-24. М., 2000-2005 гг.
- Московский государственный зоологический парк. 2005. Ежегодный отчет. Информационно-справочный материал о работе Московского зоопарка в 2004 году. -М., с. 246-247.
- Обеспечивая будущее для диких животных планеты. Природоохранная стратегия Всемирного сообщества зоопарков и аквариумов (WZACS – the World Zoo and Aquarium Conservation Strategy). На рус. яз. М., 2005.
- Петухова, Т.И.** 2003. Разведение кедровок в Новосибирском зоопарке. Орнитологические исследования в зоопарках и питомниках. -М., с. 114-117.
- Conway, W.G.** 1973. How to exhibit a bullfrog: a bed-time story for zoo men. International Zoo Yearbook 13, p. 221-226.
- Vogelpark Walsrode. Jahresbericht 1994. P. 34-35.

www.isis.org/
www.zoolex.org/

Summary

A.V. Kotkin. *The Corviary: a Unique Ecological Park as an Alternative to the Standard Zoo.*

The author presents the conception of a new public zoo-collection type based on different species of the *Corvidae* family. A number of crows, magpies and jays, mostly from temperate climate regions, could be shown there, surrounded by typical vegetation and such cultural elements as fine arts, ethnographical details and folk motives (legends, myths, tales, etc.). Some targets for the Corviary hypothetical creation are examined, as well.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ О XXIV МЕЖДУНАРОДНОМ ОРНИТОЛОГИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ

М.Я. Горецкая

МГУ им. М.В. Ломоносова,
Московский зоопарк

13-19 августа 2006 г. в городе Гамбурге (Германия) прошел XXIV Международный орнитологический конгресс, один из основных международных орнитологических форумов, проходящих раз в четыре года. На конгресс было послано 1100 сообщений, более 500 орнитологов, представителей разных стран и континентов приняли в нем участие. В 12 пленарных сообщениях, 48 симпозиумах, 32 секциях, в 800 стендовых сообщениях и в дискуссиях на круглых столах были затронуты практически все вопросы современной орнитологии, как теоретические проблемы, так и прикладные аспекты. В работе конгресса можно было выделить две основные тематики:

Первая – Развитие интегративной (комплексной) биологии. Благодаря развитию современных методов и новых технологий в различных областях знаний оказалось возможным при проведении исследований комбинировать области знаний, по которым раньше проводились отдельные работы. Это такие области как систематика, физиология, экология, эволюция и исследования поведения. Новый подход часто затрагивал и разные уровни рассмотрения проблемы, от молекулярного до экосистемного.

Вторая – Сохранение биологического разнообразия. Эта область знаний с каждым годом становится все обширней из-за непрекращающегося роста техногенного оснащения стран и континентов, что неминуемо приводит к сокращению численности ранее массовых видов животных и исчезновению редких видов. К сожалению, птицы не являются исключением. И около 13 симпозиумов, один пленарный доклад и дополнительное совещание были посвящены этой проблематике.

Одним из аспектов сохранения птиц является сохранение местообитаний, исследование влияния частичного и/или полного разрушения соответствующих местообитаний, а также влияния их фрагментации.

Отдельно были рассмотрены вопросы сохранения птиц в тропиках, вопросы генетического разнообразия и устойчивости популяций.

Среди проблем, затронутых в ходе работы конгресса, также были: циркадные ритмы и фотопериодизм, эндокринная основа размножения, сравнительная иммунология, нейроэндокринный контроль поведения, строение и функционирование мозга в связи с пением, молекулярная систематика и эволюция, магнитная ориентация и рецепторы магнитного поля, поведение во время миграции и многие, многие другие.

На симпозиумах и с пленарными докладами выступали ведущие, а, зачастую, и выдающиеся в данной области знаний ученые.

Практически все исследования были проведены на высочайшем уровне с применением различных методических подходов и новейших технических разработок.

Работа конгресса начиналась в 8.30 утра и заканчивалась в 21-22 часа. Один день был выделен для экскурсий, среди которых были и визиты на станции кольцевания.

Проведение следующего конгресса запланировано на 22-28 августа 2010 г., а местом проведения будет Campos do Jordao, Бразилия.

Summary

M.Ya. Goretzkaya. *Brief Review of the 24th International Ornithological Congress*

Over 1,100 papers were presented at the Congress, and more than 500 ornithologists from all over the world took part in the activities of the Congress. Almost all the problems of modern ornithology, including both theoretical and applied aspects, were approached during the 12 plenary sessions, 48 symposiums, 32 section workshops, and 800 poster presentations. One of the most important aspects of the conservation of birds is the preservation of species habitats, which includes studies of the effects of the complete or partial destruction, and fragmentation of habitats on the wild populations of birds. The 25th International Ornithological Congress will take place from 22 to 28 of August, 2010 (Campos do Jordão, SP, BRAZIL).

Учредительный Съезд-Конференция «СОХРАНЕНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ»

Г.Ю. Максудов¹, Н.В. Хорольская², Т.В. Воробьева¹
Московский зоопарк, ² Институт биофизики клетки РАН, Пущино

Учредительный Съезд–Конференция Общества сохранения генетических ресурсов им. Б.Н. Вепринцева состоялся в Москве 14-17 ноября 2006 г. на базе Института экспериментальной ветеринарии им. Я.Р. Коваленко РАСХН. Главной целью проведенного 14 ноября Учредительного Съезда было оформление *de facto* существующего содружества специалистов в общественную некоммерческую организацию. На научной Конференции, которая следовала за Съездом, обсуждали современные проблемы, направления и методы сохранения генетических ресурсов Природы России с помощью подходов *ex situ*, и в особенности в низкотемпературных генетических банках, в соответствии со статьей 60 Закона Российской Федерации “Об охране окружающей среды” (от 10 января 2002 г. N. 7-ФЗ), а так же Стратегией сохранения редких видов России и Стратегией сохранения биоразнообразия.

Программа съезда включала:

1. Учреждение Российского общества «Сохранение генетических ресурсов», принятие Устава Общества, избрание президиума и секретариата Общества, секций и региональных отделений;
2. Предложения по организации работы Общества;
3. Принятие Приветствия - Обращения к Зарубежным и Международным организациям соответствующего профиля.

Основные направления работы Конференции были следующими:

- Современное состояние исследований по криоконсервации гамет, клеток, тканей и органов животных и растений на постсоветском пространстве.
- Отбор и получение материалов для криобанков.
- Использование криоконсервированных биообъектов, в том числе методами биологии развития, клеточной инженерии, клонирования, в научных и практических целях.
- Возможности и роль криобанков в сохранении биоразнообразия флоры и фауны России, особенно генофонда редких и исчезающих видов.
- Использование криобанков в медицине, ветеринарной медицине и производстве биопрепаратов.
- Современные проблемы функционирования и формирования генофондных коллекций и криобанков.
- Обсуждение перспектив развития российского и международного сотрудничества в этой области.
- Возможности и создание международных, общероссийских, региональных программ по сохранению генетических ресурсов *ex situ*.

- Представление и обсуждение оборудования для криоконсервации и сопутствующих исследований.

На конференции были организованы: выставка современного оборудования для криобанков и научных лабораторий и выставка–персоналия трудов Б.Н. Вепринцева из фондов ЦНСХБ РАСХН. В выставке оборудования принимали участие фирмы ИРЕА-2000, Экрос, Видео-Тест, ЛабМетод, ЛААКС, АВТ, Биовитал.

Культурная программа включала посещение Московского зоопарка, Зоопитомника, выставки "Криоген-Экспо 2006", другие мероприятия. Огромную помощь в проведении Съезда-Конференции оказал Московский зоопарк. Он, в частности, бесплатно поселил в своей гостинице 23 участника Съезда. Очень запомнились коллегам экскурсии по зоопарку и выезд в Зоопитомник.

В силу того, что авторы этой заметки были весьма загружены работой в оргкомитете и не смогли прослушать все доклады, а их было заявлено около 80, мы не рискуем выделить из них наиболее интересные. Отметим только, что материалы Конференции опубликованы в журнале "Ветеринарная Патология", № 1 за 2007 год. В электронном виде они есть у Г.Ю. Максудова, (georgemaksudov@yandex.ru). Документы Съезда и Устав Общества можно запросить у президента Общества Л.П. Дьяконова и также у Г.Ю. Максудова. Резюмируя общее мнение, можно сказать, что эта была очень плодотворная и конструктивная встреча единомышленников, которая, как хочется верить, будет способствовать дальнейшему расширению работ в этой крайне актуальной сегодня области.

О важности создания этого общества свидетельствуют, например, последние данные экспертов ООН. Исполнительный секретарь конвенции ООН по биологическому разнообразию Ахмед Джоглаф заявил: "Мы присутствуем при самой сильной волне вымирания (фауны), с тех пор, как исчезли динозавры. Каждый час исчезают 3 вида, а каждый день мы теряем по 150 видов". (Интерфакс, 22.05.2007). На его взгляд нет никаких сомнений, что это последствия деятельности человека.

Представляем здесь полный текст Решения Учредительного Съезда. Он в полной мере отражает современную ситуацию в указанной области науки и конкретных людей, болеющих за сохранение биоразнообразия нашей планеты и Евроазиатского региона.

Решение Учредительного Съезда Межрегионального (Международного) Объединения "Общество Сохранения Генетических Ресурсов им. Б.Н. Вепринцева."

14 ноября 2006 года, г. Москва

В работе съезда участвовали специалисты из 11 регионов России, представители Украины, Молдавии и Германии, всего свыше 110 человек. После активного обсуждения вынесенных на Съезд вопросов, было решено:

1. Создать Международное Общественное Объединение – "Общество Сохранения Генетических Ресурсов", как добровольное общественное объединение специалистов и организаций в области сохранения генетических ресурсов *ex situ*. А именно: в низкотемпературных генетических банках, в банках клеточных и

тканевых культур, в банках семян, а равно и путем разведения животных и растений, в зоопарках, питомниках, ботанических садах с использованием сохраненного генетического материала и с помощью методов биологии развития.

2. Присвоить вновь созданному Обществу имя Бориса Николаевича Вепринцева и именовать данное Международное Общественное Объединение "Общество Сохранения Генетических Ресурсов им. Б.Н. Вепринцева".
3. Утвердить Устав Международного Общественного Объединения "Общество Сохранения Генетических Ресурсов им. Б.Н. Вепринцева" с поправками и дополнениями, сделанными на Учредительном Съезде.
4. Избрать Президентом Международного Общественного Объединения "Общество Сохранения Генетических Ресурсов им. Б.Н. Вепринцева" (далее Общество) заслуженного деятеля науки РФ, доктора биологических наук, профессора Дьяконова Льва Петровича, зав. отделом клеточной биотехнологии и питательных сред ВНИИ Экспериментальной ветеринарии им. Я.Р. Коваленко (ВИЭВ РАСХН).
5. Установить местонахождение действующего руководящего органа, Совета Общества, в г. Москва, по адресу: Рязанский проспект, д. 24. кор.1, комн. 271. тел. (495) 970-03-64, 8-926-338-85-50.
6. Избрать Вице-президентами Общества
 - кандидата биологических наук Ананьева Валентина Илларионовича, Ихтиологическая Комиссия МСХ РФ, г. Москва.
 - кандидата биологических наук, зав. лабораторией консервации генетических ресурсов Гахову Эдит Николаевну, Институт Биофизики клетки РАН, г. Пущино-на-Оке.
 - доктора биологических наук, в.н.с. Какпакова Виталия Туяковича, Институт Общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН. Москва.
 - кандидата биологических наук Максудова Георгия Юрьевича, Московский зоопарк.
 - доктора биологических наук, профессора Пароняна Ивана Амаяковича, Институт генетики и разведения животных РАСХН, г. Пушкин. Ленинградская обл.
 - доктора биологических наук, профессора Попова Александра Сергеевича, Институт физиологии растений им. К.А. Тимирязева РАН, г. Москва.
7. Избрать Совет Общества в составе:
 - доктора биологических наук, профессора Борончука Георгия Васильевича, Институт физиологии и санкreatологии АН Молдовы, г. Кишинев.
 - доктора биологических наук, профессора Глазко Валерия Ивановича, Национальная Академия Аграрных наук, г. Киев.
 - доктора биологических наук, профессора Гузева Игоря Викторовича, Украинский ВНИИ Разведения и Генетики Животных, г. Киев.
 - доктора биологических наук, профессора Егорова Михаила Алексеевича, Астраханский государственный университет, г. Астрахань.
 - доктора биологических наук, профессора Пинаева Георгия Петровича,

Институт цитологии РАН, Президента Ассоциации специалистов по клеточным культурам (АСКК), Санкт-Петербург.

- доктора биологических наук, Раутиан Марию Сергеевну, Санкт-Петербургский государственный университет, биологический факультет.
- доктора биологических наук, Трувелера Кирилла Алексеевича, Московский государственный университет, биологический факультет.
- доктора биологических наук, профессора Тинаеву Елену Алексеевну, институт кролиководства и пушного звероводства РАСХН, п. Удельная, Московская обл.
- ведущего инженера Хорольскую Наталью Викторовну, Институт Биофизики клетки РАН, г. Пущино-на-Оке.

8. Избрать Ревизионную Комиссию Общества в составе:

- кандидата биологических наук, ведущего научного сотрудника Гальнбек Татьяну Валериевну, ВИЭВ РАСХН, г. Москва.
- доктора ветеринарных наук Герасимова Виктора Николаевича, Институт защиты животных РАСХН, п. Юрьевец Владимирской обл.
- кандидата биологических наук Манохину Маргариту Степановну ВНИИОРХ, г. Санкт-Петербург.
- кандидата биологических наук Никиткину Елену Владимировну, Институт генетики и разведения животных РАСХН, г. Пушкин, Ленинградская обл.
- кандидата биологических наук Столповского Юрия Анатольевича Институт Общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН, г. Москва.

9. Поручить Совету Общества решить вопрос о назначении исполнительного директора Общества.

Документ подписали Президент Международного Общественного Объединения «Общество Сохранения Генетических Ресурсов им. Б.Н. Вепринцева» профессор Л.П. Дьяконов и секретарь Н.В. Хорольская.

Summary

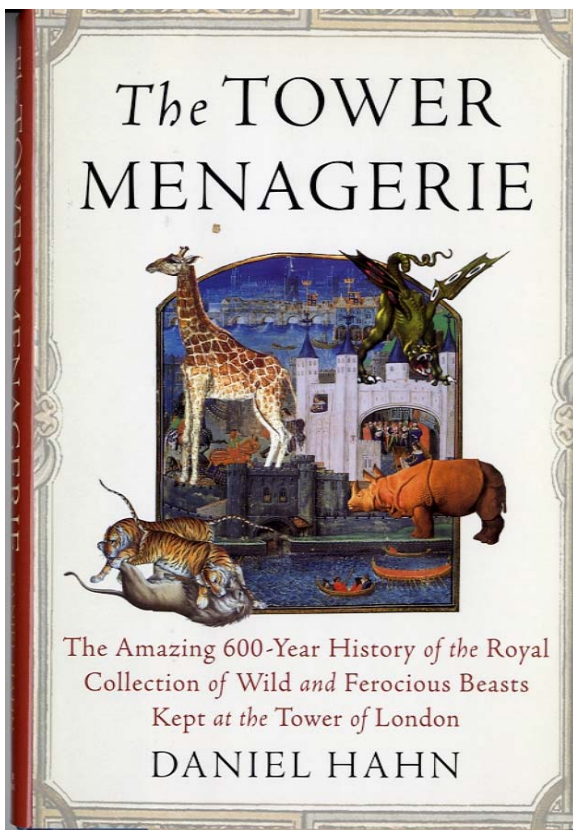
G.Yu. Maksudov, N.V. Khorolskaya, T.V. Vorob`eva *Constituent Congress and Scientific Conference «Conservation of genetic resources» Moscow, November 13-17, 2006.*

Constituent Congress and Scientific Conference «Conservation of genetic resources» took place in Moscow, at November 13-17, 2006. All-Russian Kovalenko Institute of experimental veterinary medicine RAAS (VIEV) was the host. This Congress was dedicated to creation of the Russian Genome Conservation Society (RGCS). There were more than 110 participants from 11 regions of Russian Federation and from Ukraine, Moldavia and Germany. Charter (regulations) of RGCS was ratified. President and vice-presidents were elected. In a memory of Great Russian scientist B.N. Veprintsev, the founder of rare species cryobanking idea, RGCS named Veprintsev`s Genom Conservation Society. At the Scientific Conference participants made more that 80 reports.

Даниэль Хан. «Зверинец Тауэра. Удивительная 600-летняя история Королевской коллекции диких и страшных животных содержащихся в Лондонском Тауэре». Джереми Тарчер/Пингвин. 260 с. Daniel Hahn. “The Amazing 600-Year History of the Royal Collection of Wild and Ferocious Beasts Kept at the Tower of London”. Jeremy P.Tarcher/Penguin a member of Penguin Group (USA) Inc. New York. ISBN 1-58542-335-1. (Рецензия)

Е.Э. Шергалин

International Wildlife Consultants, P.O.Box 19, Carmarthen, SA33 5YL. Wales, UK.
zoolit@hotmail.com

Мировая коллекция литературы по истории зоопарков пополнилась интересной книгой, охватывающей 6-вековую историю зверинца в Лондонском Тауэре. Автор книги — молодой писатель, исследователь, переводчик и редактор, проживающий в Лондоне, Даниэль Хан в увлекательной форме повествует о необычных историях, связанных с обитателями этого зверинца и истории их приобретения, каждая из которых сама заслуживает отдельного рассказа. Читатель узнает и о постоянной диете для страусов из ржавых гвоздей, и о слонах вынужденных пить только вино, и о львах согласно жалобам зрителей способных поведать является ли женщина девственницей. Книга написана живым и увлекательным языком содержит 18 цветных иллюстраций на 8 цветных

вкладках и 27 черно-белых рисунков и карт в тексте.

Общее представление о ней дает оглавление переведенное ниже:

Пролог

1. Королевские подарки.

В которой король Англии получает три неловких подарка и изгоняет их в Лондонский Тауэр, монах приезжает в столицу нарисовать первого слона в стране и Норвежский полярный медведь учится охотиться на лососей чуть ниже по течению от Лондонского моста.

2. *“Страшная симметрия” (цитата из стихов Уильяма Блейка описывающая тигра).*

В которой королевская коллекция животных растет и посмотреть на живые создания в ней приходят первые посетители; мы встречаем Джорджа Штабса и Уильяма Блейка и Леонардо да Винчи и видим картины животных самых разнообразных и книги о тварях замещаются реальными живыми созданиями.

4. *Сказки путешественников.*

В которой все животные Тауэра умирают внезапно, но их хранитель еще получает свое жалованье; Колумб совершает его знаменитое путешествие, как это же делает и Хернандо Кортес и Марко Поло (вероятно), привозя назад экзотические сувениры и Война Роз приходит наконец к кровавой развязке.

5. *Веселье и игры.*

В которой мы становимся свидетелями борьбы между львами и медведями и собаками, но Португальский слон очень благоразумно отказывается участвовать в схватке со злым носорогом хотя бы единожды; очень важная речь первой королева Элизаветы прерывается в некоторой степени королевскими львами; и Гуй Фоукс, Вальтер Ралех, Король Чарльз первый и слон-алкоголик все вместе заканчивается весьма плачевно.

5. *Собираясь посмотреть слонов.*

В которой два великих летописца знакомят нас с прелестями Лондонской жизни; мы посещаем Континент в компании королевского садовника; мы встречаем толстого мужчину, забальзамированную женщину и испепеленного додо и Сэр Христофер Врен совершает удивительное открытие.

6. *Посетители, романисты, проповедники, журналисты, дураки и шпионы.*

В которой животные Тауэра посещается множеством романистов и журналистов и других подобного рода; знаменитый беловолосый человек в рясе играет на флейте львам короля Георга; журналист, владеющий пабом замирает в восхищении от большого мужского достоинства; старые львы учатся некоторым неудобным новым трюкам и Первоапрельская шутка появляется на свет.

7. *Наука и чувствительность.*

В которой комната больших обезьян открывается, затем закрывается; многие книги публикуются; мы узнаем как раздражительный житель Глазго порубил на куски королевских животных у себя дома в Эрл Курте; и Гуманизм дает дорогу Просвещению, которое является положительным для животных, но вызывает проблемы для нашего зверинца.

8. *Сравнение и соревнование и последние дни зверинца.*

В которой мы встречаемся с вмешивающимся Дьюком Веллингтона и больной король очарован глазами его Нубийского жирафа; коллекция Тауэра пополняется зверями и аллигаторами, и кенгуру и ламами, беспокойными змеями и обреченными птицами, и неожиданно инцидент происходит и наш зверинец закрывает свои двери раз и навсегда.

Эпилог.

Примечания по источникам.

Указатель.

Книга несомненно удалась и доступна во многих книжных магазинах в системе «амазон» за относительно низкую цену 26.95 USD. Мы рекомендуем ее читателям, интересующимся историей зоологических парков.

Summary

Y.E. Shergalin *Book review: “The Amazing 600-Year History of the Royal Collection of Wild and Ferocious Beasts Kept at the Tower of London”. Daniel Hahn. Jeremy P.Tarcher/Penguin a member of Penguin Group (USA) Inc. New York.* Book contains many episodes for 6-years hystory London Zoo. The book was recommended for wide readers who have interest to history of zoos.

ОПЫТ КОРМЛЕНИЯ ЖУРАВЛЕЙ

Т.А. Кашенцева

Питомник редких видов журавлей Окского государственного природного биосферного заповедника, tk.ocbc@mail.ru

Бесспорно, что оптимальным для кормления животных является тот рацион и его компоненты, которые используются в природной среде. Однако при содержании животных в искусственных условиях обеспечение каждого конкретного вида набором кормов, используемых в природе, невозможно, поэтому естественные корма все чаще заменяются суррогатными, что в значительной мере облегчает и удешевляет процесс кормления.

Журавли - всеядные птицы, в естественном рационе которых присутствуют корма, как животного, так и растительного происхождения. Детально питание журавлей разных видов не изучено в силу невозможности наблюдений в природе из-за осторожности этих птиц. Научный отстрел и исследование содержимого желудков не представляется возможным из-за статуса большинства видов этого семейства.

Питомник редких видов журавлей Окского заповедника успешно содержит и разводит журавлей российской фауны в течение многих лет. В первые годы его работы были сделаны попытки кормления птиц по рекомендациям Международного фонда охраны журавлей, США. Кормление журавлей в зарубежных центрах давно ограничивается сбалансированными комбикормами, которые в зависимости от возраста журавля разделяются на три типа: для птенцов, для размножающихся и для птиц вне сезона размножения. Состав этих кормов, а также витаминно-минеральных премиксов приведены в книге "Журавли: биология, разведение и охрана" (eds. Ellis et al., 1996), переведенной и изданной Московским зоопарком на русском языке в 2003 г.

Сухие гранулированные комбикорма очень удобны в применении, однако, срок годности некоторых ингредиентов ограничен. Не рекомендуется хранить их более месяца. Получение комбикормов зарубежного изготовления было и остается связанным со многими трудностями (запреты на поставки кормов и отдельных их компонентов из-за эпидемиологической обстановки, высокая цена комбикормов, регулярность поставок и т.п.), которые помешали воплощению делового сотрудничества. Птиц надо было кормить, невзирая на субъективные трудности, поэтому Питомник приобрел собственный опыт в кормлении журавлей разных видов и возрастов, сочетая кормление комбикормами и доступными натуральными продуктами.

Поскольку отечественные комбикормовые заводы пока не владеют технологиями производства комбикормов необходимого качества, российским зоопаркам приходится приобретать комбикорма, производимые для домашней

птицы. Основу кормления взрослых журавлей составляет комбикорм отечественного производства ПК-1. Кроме того, оборудование и процесс производства отечественных комбикормовых заводов не позволяют изготавливать малые партии корма с тем, чтобы ежемесячно снабжать зоопарки свежеприготовленными кормами. Как правило, комбикорма закупаются два-три раза в год. Чтобы компенсировать недостаток витаминов в кормах с истекшим сроком годности в рацион журавлей добавляли витаминный премикс. Его состав приведен в Книге рационов Московского зоопарка (Горваль, 2000). Ежедневно журавли получают творог с добавками из витаминного премикса (если срок годности комбикорма подошел к концу), проращенной пшеницы, тертой моркови. Кроме того, в больших вольерах Питомника журавли сами ловят насекомых, собирают их личинок, выкапывают червей и других беспозвоночных, ловят мышевидных грызунов (мыши, полевки), собирают дикие (земляника, малина, ежевика) и культурные ягоды (смородина, облепиха).

В упомянутой книге (Эллис и др. ред., 2003) акцентируется внимание на тип белков, используемых в приготовлении комбикорма для птенцов журавлей. По словам авторов, в них должно быть минимальное количество серных аминокислот - цистеина и метионина, содержащихся в белках животного происхождения, поскольку установлено (Serafin, 1982), что конечности птенцов имеют отклонения от нормы при высоком содержании этих аминокислот в комбикормах.

Однако небольшой опыт наблюдений питания журавлей показывает, что в период роста корм птенцов составляют объекты животного происхождения, чаще всего наземные, водные и околоводные беспозвоночные: насекомые и их личинки, моллюски, черви. Состав пищи, которую потребляли птенцы в семьях журавлей в Питомнике, был определен косвенным путем, а именно по помету и при вскрытии погибших птенцов. При выращивании птенцов под родителями мы предлагали семьям разнообразный набор кормов, но в первую очередь родители скармливали птенцам свежую рыбу, лишь после нее вареное яйцо и творог. Сухой комбикорм журавли скармливали птенцам в последнюю очередь, если те оставались голодными после поедания натуральных кормов. В последние годы использовали сухие гранулированные корма для щенков, содержащие до 30% протеина. Их птенцы ели более охотно, чем птичий комбикорм. Не получая достаточного количества рыбы, птенцы были беспокойны от голода, плохо набирали массу, болели. Доказана прямая связь темпа роста птенца и его здоровья (Панченко и др., 2000; Постельных, Кашенцева, 2005). До половины рациона птенца журавля составляла свежая речная рыба. В последние годы у Питомника появились проблемы с этим кормом, поэтому начали скармливать морскую свежемороженую рыбу, в основном путасу.

Для нормального развития журавлей большое значение имеет двигательная активность. В природе высохшие после вылупления птенцы следуют за родителями по обширному гнездовому участку в течение всего периода роста, практически не возвращаясь к гнезду. Имитируя образ жизни вольных журавлей, персонал Питомника ежедневно выгуливает птенцов в пойменный лес и

болото. Во время ежедневных 1-2-часовых прогулок птенцам скармливают, а затем они сами начинают добывать естественные корма: зеленые части растений (одуванчик, клевер, подорожник, щавель и др.), ягоды (малина, земляника), моллюсков, мелких лягушек и рыб.

Регулярно журавли получали ракушечник в качестве минеральной добавки и мелкие камешки, которые используются ими как гастролиты. Журавли, особенно птенцы 1-2 месячного возраста с жадностью поедают ракушечник, поскольку в этом возрасте больше едят кормов, требующих механической переработки в желудке. Для журавлей с травмой клюва, т.е. неспособными брать мелкие кусочки корма с земли, ракушечник регулярно добавляли в творожные шарики.

В качестве кормушек для взрослых журавлей используют пластиковые 3-5-литровые ведра, подвешенные в помещении или под навесом от дождя на высоте 0,5 м. В кормушках всегда должен быть сухой гранулированный комбикорм. Добавки натуральных кормов птицы получают один раз в день - творог, сформированный в шарики, которые журавль может проглотить, бросают в кормушку поверх комбикорма или на землю. Последний способ применяется в тех случаях, если есть риск поедания этого любимого корма одной доминантной особью. Пророщенное зерно пшеницы большинство видов журавлей (кроме серых, канадских, красавок) с удовольствием едят из ведер-поилок.

В качестве кормушек для птенцов используют наземные площадки. Птенцов журавлей, выращиваемых человеком, кормили с 6 часов до 21 часа каждые три часа натуральными кормами, измельченными соответственно возрасту птенца. В качестве кормовых инструментов использовали пинцеты, чайные ложки и собственные руки. При изолированном воспитании журавлей для выпуска в природные популяции, используют макет головы взрослой птицы, действующий как пинцет. Это необходимо для правильного импринтинга на свой вид. В природе журавленок получает корм из клюва родителя, поэтому некоторое время его нужно приучать поедать корм из кормушки. На это может уйти от одной до двух недель. Даже научившись поедать корм из кормушки, птенцы предпочитают получать его из "клюва родителя". Акт кормления имеет значение для связи птенца с родителями, которые сохраняются в журавлиных семьях в течение всей первой зимы. Неоднократно отмечено наблюдениями на зимовках, что родители продолжают кормить птенцов вплоть до весенней миграции.

Семьям журавлей до достижения птенцами двухмесячного возраста свежие порции натуральных кормов давали 3 раза в день, чтобы избежать порчи и загрязнения продуктов.

Птенцы журавлей, выкормленные людьми, долго остаются ручными. Уход за этими птицами не только прост (легко поймать для осмотра, пересадки и т.п.; легко лечить, если заболит; нет стресса от антропогенных факторов), но и доставляет удовольствие персоналу. Крупные птицы аккуратно берут корм с рук, следуют за человеком, как за родителем. Многие взрослые журавли в Питомнике, выращенные людьми, продолжают брать корм из рук, если их территориальность в данный момент не превосходит их голод.

Литература

Горваль В.Н. Книга рационов. 2000. М., 394 с.

Журавли: биология, разведение и охрана. Ред. Эллис и др. Перевод с англ. -М.: Московский зоопарк, 2003. 202 с.

Панченко В.Г., Кашенцева Т.А., Антонюк Э.В. Темпы роста и смертность птенцов стерха при вольерном воспитании // Современ. состоян.прир. компл. и объект. Окского зап-ка и некот. район. Европ. части России. Тр. Окского зап-ка, 2000, вып. 20, с.309-314.

Постельных К.А., Кашенцева Т.А. Проблемы роста стерхов // Cranes: their biology, husbandry, and conservation. Eds. Ellis et al., 1996. USA. 308 pp.

Serafin J.A. The influence of diet composition upon growth and development of Sandhill Cranes // Condor. 1982. 84. P. 427-434.

Summary

T.A. Kashentzeva. *Practical Experience of the Feeding of Cranes*

The article presents the experience in the use of natural foods of animal and vegetable origin for the feeding of cranes. These types of food items are fed to the cranes in addition to pellets that are commonly used for cranes in the zoos and breeding stations of Europe and the United States.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БИОЛОГИИ БЕЛОЩЕКНОЙ КАЗАРКИ (*Branta leucopsis*) В МОСКОВСКОМ ЗООПАРКЕ, ВЫЯВЛЕННЫЕ БЛАГОДАРЯ ИНДИВИДУАЛЬНОМУ МЕЧЕНИЮ

М.А. Тарханова
Московский зоопарк

1. Чем вызвана необходимость кольцевать птиц цветными кольцами?

Содержание и разведение водоплавающих птиц – одно из традиционных направлений специализации Московского зоопарка. Условия содержания многих видов можно считать в некотором роде приближенными к естественным: большая площадь прудов, естественные климатические условия, частичное питание естественными кормами, наличие меж- и внутривидовой гнездовой и пищевой конкуренции и даже присутствие естественных врагов (прежде всего ворон, а также крыс), угрожающих их потомству. Спецификой Московского зоопарка является наличие крупных летных популяций огарей и крякв (по несколько сотен каждая), а также небольших летных популяций некоторых других видов гусеобразных (хохлатая чернеть, гоголь и др.).

В настоящее время в Московском зоопарке содержится чуть больше 50 видов гусеобразных, причем некоторые из них относительно большими группами (сухоносов - около 50 особей, горных гусей и белошеких казарок – по 30, белолобых и белых гусей, а также краснозобых казарок – по 15, серых гусей и канадских казарок – по 10 и т.д.) Многие из этих видов ежегодно размножаются.

Все эти особенности содержания водоплавающих птиц в Московском зоопарке создают значительные сложности при попытках контролировать их поголовье. Практически возможно лишь проведение учетов численности каждого вида и определение успеха размножения (да и то, чаще не у конкретных пар, а у видов в целом, поскольку существует практика изъятия большей части яиц). При этом мы получаем очень мало информации о птицах и практически ничего не можем сказать о том, что происходит внутри больших групп, и какие там взаимоотношения между отдельными особями.

Эту проблему легко можно решить, если научиться распознавать птиц индивидуально. Некоторые виды (например, тундровых лебедей) можно различать по рисунку на клюве или каким-то другим признакам, но у большинства гусеобразных такие четкие индивидуальные признаки отсутствуют, поэтому птиц приходится метить. Наш опыт показывает, что наиболее простой и доступный метод – кольцевание цветными кольцами. Количество получаемой при наблюдениях информации неизмеримо возрастает, и самое главное: индивидуальное мечение дает возможность проводить многолетний мониторинг.

При этом очень важно учитывать эмоциональный момент: как только птицы из безликой толпы превращаются в группу индивидуальностей, ситуация

меняется самым кардинальным образом. У каждой птицы постепенно вырисовывается определенный характер и начинает выстраиваться собственная жизненная история, полная самых захватывающих и невероятных поворотов – и тогда довольно утомительный процесс наблюдения превращается в захватывающий сериал.

2. Результаты

Исследование поведения белошеких казарок в Московском зоопарке было начато в 1998 году. Сначала цветными кольцами были окольцованы три выводка 1998 года рождения (птенцы и родители), а затем и все остальные казарки. Без преувеличения можно сказать, что почти вся эта работа была бы невозможной без индивидуального распознавания птиц.

За это время нам удалось выяснить следующее.

Весной при распределении гнездовых территорий между парами белошеких казарок наблюдается большое число агрессивных взаимодействий. По всей вероятности, интенсивная внутривидовая конкуренция связана с дефицитом гнездовых территорий (гнездовые домики располагаются гораздо ближе, чем гнезда казарок в природе). Также наблюдается межвидовая конкуренция с белыми гусями.

Пары, гнездящиеся несколько лет подряд, в которых связи между партнерами очень прочны и поддерживаются на протяжении всего года, обычно приступают к гнездованию раньше остальных и имеют преимущества при распределении гнездовых территорий. Молодые птицы, как правило, приступают к гнездованию позже, им не всегда удается отвоевать территорию, и их самки либо не гнездятся вообще, либо устраивают гнезда на земле.

Новые пары обычно формируются в апреле или даже в мае. Зимой половая активность казарок очень низка, и нам ни разу не удавалось увидеть образование новой пары в зимний период (как об этом сообщается в литературе). Такие вновь образованные пары тоже часто не размножаются в текущем году.

В основном белошекие казарки гнездятся в домиках, но иногда их гнезда располагаются на земле. В таких гнездах птенцы, как правило, не вылупляются (хотя самки добросовестно насиживают кладки). Однако, изредка это все же происходит, но только при наличии у самки постоянного самца.

Агрессивность у казарок и гусей, гнездящихся в соседних домиках, сохраняется даже после того, как их самки приступают к насиживанию. Столь долгое сохранение как внутри-, так и межвидовой агрессивности не характерно для природных популяций.

Перед началом откладки яиц пары появляются на своих гнездовых территориях в сопровождении подросших прошлогодних птенцов. В это время родители не проявляют к ним агрессивности и позволяют исследовать домики и гнездовые территории (во время инкубации их туда уже не допускают). На следующий год кто-то из этих птенцов может загнеститься поблизости от родителей.

При наблюдении за казарками мы фиксировали все агрессивные взаимодействия, а затем строили социограммы, при помощи которых определялся ранг (или статус) каждой птицы (по соотношению количества конфликтов, которые инициировал сам самец, и конфликтов, в которых он являлся объектом агрессии). Выяснилось, что среди самцов казарок существует определенная иерархия, однако, ранг самцов может меняться в течение жизни. Это зависит от целого ряда факторов, среди которых: возраст, опыт, смена партнера, изменения в составе группы или физиологическом состоянии птицы. (Например: самец образует пару с новой активной самкой, сам становится очень агрессивным – и, как следствие, его ранг повышается; либо, наоборот: в случае болезни у ослабленного самца падает агрессивность – соответственно понижается и ранг). Высокий ранг самца дает ему преимущество при распределении гнездовых территорий, однако, не дает практически никакого преимущества в межвидовой конкуренции за пищу. Более крупные, сильные и агрессивные белые гуси доминируют над казарками, отгоняя их от корма, вне зависимости от их социального ранга (то же делают и лебеди, но численность их низка, поэтому влияние меньше). Во время кормежки для казарок становится важен не ранг, а умение использовать ситуацию: иногда низкоранговые казарки смело внедряются в «толпу», состоящую из птиц разных видов, и умудряются кормиться рядом с более сильными конкурентами, в то время, как высокоранговые, особенно, если они с птенцами, вообще не приходят на кормовую косу. Пищевая конкуренция, по всей вероятности, может приводить к росту смертности среди казарок, особенно в зимний период. По крайней мере, больше всего молодых и ослабленных птиц гибнут зимой.

Безусловным доминантом среди белошеких казарок был самец 1 – он занимал совершенно исключительное положение в социальной структуре группы. Этот самец был самым старым и опытным (в Московский зоопарк он попал в 1985 г.) Единственный из всех белошеких казарок самец 1 практически никогда не подвергался агрессии со стороны других самцов и сам инициировал все внутривидовые конфликты, что позволяет говорить о его особом, наивысшем статусе. При этом общий уровень его агрессивности не превышал таковой у других самцов, но в отличие от них он сохранял агрессивность в течение всего года, а не только в период размножения (Тарханова, 2000). Создавалось впечатление, что ему не нужно было демонстрировать какую-то сверхагрессивность, поскольку все казарки итак прекрасно знали о его «положении в обществе». В межвидовых конфликтах самец 1 также вел себя гораздо более активно, чем остальные белошекие казарки, он мог противостоять даже агрессии белых гусей, обеспечивая своим птенцам и самке наилучшие условия для кормежки осенью и зимой. Пожалуй, можно говорить даже о некотором подобии «организации деятельности стаи» этим самцом. Мы неоднократно наблюдали, что большинство казарок старались держаться поближе к нему, ориентировались на него и часто повторяли все его действия.

Общеизвестно, что в стаях некоторых хищников обычно размножается только одна доминирующая пара животных. Нечто похожее обнаружил известный этолог К. Лоренц при изучении полувольной стаи серых гусей: выяснилось, что основное число гусят было произведено очень небольшим числом производителей. Это же явление оказалось характерным и для белошеких казарок в Московском зоопарке. Здесь большая часть птенцов была произведена парой 1 (самец 1 – самка 1). Эта пара единственная ежегодно размножалась с 1998 по 2002 года и вырастила «до взрослого состояния» 15 птенцов. К 2002 г. трое из них уже сами принимали участие в размножении.

На втором месте по плодовитости стоит пара самец 10 – самка 13. Правда, в отличие от образцовых родителей, пары 1, самка 13 постоянно использовала совершенно особую стратегию размножения – почти каждый год часть яиц она подкладывала в гнезда других белошеких казарок, часть высиживала сама. У всех остальных пар успех размножения ниже, и «до взрослого состояния» доживали лишь единичные птенцы, хотя попытки размножения они делают почти каждый год.

Успех размножения у белошеких казарок в Московском зоопарке был ниже, чем в природных популяциях, причем большинство потерь происходило на одной из стадий развития зародыша. Возможно, это связано с загрязнением среды или с ухудшением генетического состояния птиц, в связи с отсутствием притока свежей крови. Интересно то, что отрицательные свойства среды, казалось бы, должны действовать на всех птиц одинаково, тем не менее, только отдельные пары размножаются успешно каждый год.

Считается, что белошекие казарки – моногамы, но благодаря индивидуальному мечению выяснилось, что смена партнера у взрослых птиц – не такое уж исключительное явление. По нашим предварительным подсчетам смена партнеров в парах белошеких казарок в Московском зоопарке происходит не реже, а, возможно, и чаще, чем в природных популяциях. Смена партнера может повлиять на поведение птицы, ее статус и размножение.

В первый и второй год жизни большинство белошеких казарок не размножаются, гнездиться же они начинают, как правило, в возрасте 3-5 лет. Процесс образования пары жизненно важен и достаточно сложен. Стабильные пары у казарок могут формироваться уже на вторую зиму жизни, но перед этим примерно 1/3 всех птиц вступают во временные союзы. В выборе партнера принимают участие оба пола, и каждая птица может поменять нескольких потенциальных партнеров прежде, чем образует стабильную пару.

Среди белошеких казарок довольно часто наблюдаются не только пары, но и «тройки» птиц: обычно это две самки и один самец. Такие тройки могут существовать в течение нескольких лет, и между самками могут быть разные взаимоотношения: конкурентные, дружественные (например, когда эти самки – родные сестры) или нейтральные. Иногда самец имеет одну основную самку – и охраняет только ее кладку, а с другой лишь спаривается, пока его самка сидит на кладке (причем такое положение дел может сохраняться на протяжении не-

скольких лет). Самки могут гнездиться по соседству, и тогда самец невольно охраняет обе кладки. Дважды самки откладывали яйца в одно гнездо и конкурировали за него: обе пытались насиживать совместную кладку, что крайне отрицательно сказалось на вылуплении птенцов (1 птенец за 2 года).

Исходя из всего вышеизложенного, мы полагаем, что для успешного размножения белошеких казарок и у взрослых, и у молодых птиц должна быть возможность выбора, для чего необходимо содержание некоторого количества «резервных» особей. Они не участвуют в размножении в данный момент, но могут занимать «вакансии» по мере их появления. Таким образом, помимо 7-8 сложившихся пар, в группу белошеких казарок, содержащихся в Московском зоопарке, желательно включить еще 10-12 птиц разного возраста (включая часть приплода текущего года).

В осенний и зимний период казарки часто держатся одной стаей. Однако при внимательном наблюдении внутри этой стаи можно заметить пары и некие более крупные группировки птиц. Оказалось, что эти группировки образуются не случайным образом. Мы выяснили, что связи между птенцами и родителями могут поддерживаться, по крайней мере, до шестилетнего возраста, причем преимущественно по мужской линии (сыновья стараются держаться поближе к отцу). Дочери тоже могут держаться рядом с отцом, но обычно это продолжается только до того момента, пока они не обзаводятся партнером – после чего «переходят в его семью». Как это ни удивительно, практически никаких связей по материнской линии обнаружено не было – в том случае, когда отец погибал, дети не проявляли никакой привязанности к матери.

Наиболее важное значение для успешного размножения белошеких казарок в неволе имеют условия, в которых они содержатся в зоопарках. Мы полагаем, что высокий уровень социализации белошеких казарок позволяет и даже делает обязательным совместное содержание всех имеющихся птиц в течение всего года. В отдельных вольерах нуждаются только птенцы сразу же после вылупления, причем их желательно отсаживать вместе с родителями. Согласно нашим данным, птенцы, выращенные родителями, гораздо жизнеспособнее «инкубаторских», которые испытывают большие сложности с адаптацией в группе, зимой часто плохо питаются и при низких температурах могут гибнуть от истощения. Обычно в Московском зоопарке птенцы вылупляются у 3-4 пар белошеких казарок. Как показал опыт, все выводки лучше всего содержать вместе в достаточно обширной вольере с водоемом и травяным покрытием. Присутствие в вольере выводков других, более агрессивных видов гусеобразных может отрицательно сказаться на выживании выводков белошеких казарок.

Summary

M.A. Tarkhanova. *Some Features of the Biology of Barnacle Goose (Branta leucopsis) at the Moscow Zoo Revealed Due to Individual Marking of Birds.*

Experience shows that ringing birds with color rings presents one of the most simple and accessible methods of studying nesting success and nesting behavior of waterfowls. Individual marking helps to significantly increase the volume of information received in the course of observations, and, which is most important provides possibilities for the long-term monitoring. The author presumes that for successful breeding, both adult and young barnacle geese should be provided with the choice of partners, which implies a need of keeping a number of the “reserve” specimens. Such specimens of geese do not participate in the breeding process for a period of time but they may take up the “vacant positions” as the ones appear.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ В РАННЕМ ПОСТЭМБРИОГЕНЕЗЕ СЕРОГО ГУСЯ (*Anser anser*) В УСЛОВИЯХ АСКАНИИ-НОВА

А.С. Мезинов, В.Н. Зубко

Биосферный заповедник “Аскания-Нова” им. Ф.Э. Фальц-Фейна

Введение. За годы своего существования в полувольных условиях зоопарка “Аскания-Нова” серый гусь – *Anser anser* L., 1758 адаптировался к жизни в поливидовом сообществе гусеобразных (лебедей, казарок, гусей, уток), которые завезены из разных зоогеографических зон. В условиях высокой плотности и конкуренции сложились определенные межвидовые взаимоотношения, жизненный ритм сообщества. В некоторых публикациях наши предшественники приводили общие данные о весе и размерах яиц (Андриевский, Треус, 1963; Треус, 1968; Стрельченко, 1995). О росте и развитии птенцов серого гуся имеется публикация В.И. Стрельченко (1995), в которой изложены данные, относящиеся к периоду его исследований (до 1975 г.) В нашем сообщении мы представляем некоторые данные изучения ооморфологических показателей, а также показателей развития раннего постэмбриогенеза серого гуся в условиях Аскании-Нова.

Материал и методика исследований. Материалом для этой статьи послужили данные изучения ооморфологических и экстерьерных показателей серого гуся, собранные нами за период 1978-2006 гг. К анализу привлечены также некоторые данные из архивных материалов за период с 1948 г. Определялось влияние разных факторов на ооморфологические показатели и развитие птенцов. Полученные данные сравнивали с таковыми птиц в природных условиях.

Длину и наибольшую ширину яиц в мм измеряли штангенциркулем, вес яйца – на электрических весах ВЛК с точностью до 0,01 г. Индексы определяли по формуле А.Л. Романова $I=100*W/L$ (Справочник..., 1971). Начальный вес яйца после его откладки определяли по формуле: $W_0=K*L*V^2$, где W_0 – первоначальный вес яйца во время его откладки, L – длина яйца в мм, V – ширина его в мм, K – эмпирический коэффициент, который равняется 0,555 (Нойт, 1979).

Изучение общего развития птиц проводили по их весовым и основным экстерьерным показателям (длина клюва, крыла, хвоста, цевки, размах крыльев, см) при вылуплении, в 5, 10, 15, 20, 25, 30, 35, 40, 45, 50, 60-суточном и в 3, 6, 12-месячном возрасте, а также взрослых птиц. На основании взвешивания определяли среднесуточные приросты и темпы роста птенцов. Для определения относительной скорости роста использовали формулу Майнота в модификации С. Броди (Свечин, 1976). До 10 суток птенцов взвешивали на электрических весах ВЛК с точностью до 0,01 г, а далее – на медицинских с точностью до 5 г. Линейные промеры брали мягкой мерной лентой и штангенциркулем.

Изучение роста и развития внутренних органов, в т.ч. желудочно-кишечного тракта, проводили на фоне общего весового роста по методике Шварца (1968). При этом учитывали:

а/ вес сердца, легких, почек, печени, селезенки, мускульного и железистого желудков взвешиванием на электронных весах, мг;

б/ длину отдельных участков желудочно-кишечного тракта (тонкого, толстого, слепых кишок) измерением мерной лентой при естественном наполнении без натягивания, мм.

Определяли абсолютную и относительную (по отношению к длине туловища) длину кишечника, а также соотношение его частей. Развитие внутренних органов и желудочно-кишечного тракта ампутированных и летных птиц, а также самцов и самок изучали в сравнительном аспекте. Материал брали от физиологически здоровых, полноценных животных.

Обработка материалов проводилась стандартными статистическими методами.

Таблица 1. Ооморфологические показатели серого гуся в природе и в Аскании-Нова

Показатели	М±m в природных условиях по данным			М±m в Аскании-Нова по данным	
	Лысенко, 1991	Гудина, Гудина, 1995	Triebel, 1984	Андриевский, Треус, 1963; Стрельченко, 1995	Наши данные
n	92	–	–	–	296
Вес, г	175,0±6,5 (161,5-183)	–	–	136-210 (167±2,34)	165,61±0,92 (108,1-198,2)
Длина, мм	88,09 (73-95)	87,4±0,57 (80,4-98,3)	87,99 (77,9-98,8)	79,4 (59-98,4), (85,6±0,4)	84,6±0,18 (72,2-91,0)
Ширина, мм	60,25 (52,8-66,0)	59,7±0,25 (56,8-64,1)	59,13 (55,1-61,81)	59,7 (49,7-61,3), (57,8±0,3)	58,7±0,13 (50,0-63,0)
Цвет	матовый грязно-кремовый	–	белый	белый, иногда палевый или матовый	белый

Результаты исследований.

По литературным данным, яйцо серого гуся имеет удлинённую форму, окраску от чисто белого до палевого цвета (Андриевский, Треус, 1963; Лысенко, 1991; Triebel, 1984) (табл. 1). В условиях Аскании-Нова в период наших исследований (1978-2006 гг.) яйца были белого цвета без оттенков. Свежеснесенные гладкие и блестящие с блеском яйца позднее приобретали матовый оттенок.

Вес яиц серого гуся в природных условиях, по данным авторов (Лысенко, 1991; Triebel, 1984; Гудина, Гудина, 1995 та др.), составляет от 161,5 до 183 г. Длина яиц равняется 73-98,8 мм, а наибольшая ширина - 52,8-66,0 мм. В условиях Аскании-Нова (Андриевский, Треус, 1963; Стрельченко, 1995; наши данные – Зубко, Мезинов, отчет, 2006) вес яиц колебался от 108,1 до 210 г. Длина яиц была в пределах от 59 до 98,4 мм, а ширина – от 49,7 до 63,0 мм. Таким образом, ооморфологические показатели серого гуся асканийской группировки были в границах природных показателей. Однако, в некоторых случаях они имеют меньшие значения ($P < 0,001$; $F = 27,27$), что на наш взгляд, можно объяснить большей выборкой, в которую вошли показатели молодых особей.

Размер яиц в полных кладках разной величины существенно не отличались (табл. 2), хотя тенденция к несколько большим показателям у птиц с большей кладкой прослеживалась.

Таблица 2. Средние показатели размеров яиц серого гуся в разных по величине кладках.

Количество яиц в кладке	Количество кладок	Размеры яиц					
		длина, мм			ширина, мм		
		M±m	δ	Lim	M±m	δ	Lim
3	6	85,3±0,81	3,42	75,5-89,0	59,5±0,47	2,00	54,5-62,7
4	8	83,3±0,54	3,04	74,0-88,4	58,3±0,36	2,05	52,5-61,5
5	8	84,9±0,47	2,99	78,0-91,8	58,5±0,19	1,24	55,1-60,3
6	5	85,2±0,43	2,38	81,6-90,7	58,5±0,28	1,53	55,2-62,1
7	4	86,9±0,45	2,41	80,5-92,3	59,5±0,20	1,08	57,8-61,4
8	1	86,9±0,50	1,42	84,4-88,6	58,4±0,45	1,28	55,5-59,5
9	2	85,7±0,96	4,10	81,5-96,9	58,6±0,33	1,40	55,0-60,0

Изучение влияния ампутации фаланги одного крыла на величину яиц показало, что у летных птиц яйца были меньше, чем у ампутированных (табл. 3). Так, средняя длина яиц отложенных самками первой группы, была на 6,09 % ($P < 0,001$) больше в сравнении со второй; ширина яйца – на 1,01% ($P < 0,01$). То есть по размерам, а значит и по весу, яйца у самок с ампутированным крылом были больше, что свидетельствует о компенсаторности питательных веществ яйца для будущего приплода

Изменчивость размеров яиц серого гуся в условиях Аскании-Нова зависит от проведения отдельных мероприятий прямо или опосредствованно. Известно, например, что иногда для реализации отлавливали весь молодняк, или он по каким-либо причинам улетал (Андреевский, Треус, 1963; Треус, 1968). Вследствие этого искусственно изменялся состав птиц в популяции в сторону ее взросления. И наоборот, желая омолодить популяцию, отлавливали больше

взрослых птиц. Соответственно с этим уменьшалась продуктивность популяции, поскольку к гнездованию приступали молодые птицы из резервной ее части. Выше мы отмечали, что тенденция к увеличению ооморфологических показателей наблюдалась у птиц с большими кладками (табл. 2), а такие кладки присущи более взрослым самкам. Следовательно, с колебаниями состава популяции должны были колебаться как величина кладки, так и размеры яиц в них.

Таблица 3. Влияние ампутации фаланги одного крыла на ооморфологические показатели серого гуся в зоопарке “Аскания-Нова”.

Показатели	Самки с ампутированным крылом		Самки летные	
	M±m	Cv	M±m	Cv
n	52		52	
Вес яйца, г	170,07±1,73*	7,33	164,41±1,57	6,89
Длина яйца, мм	86,94±0,64**	3,77	84,39±0,40	3,41
Ширина яйца, мм	58,71±0,22	2,69	58,59±0,21	2,57
Индекс округленности	67,61±0,36**	3,87	69,47±0,31	3,26

Примечания: * – P<0,05;

** – P<0,001

Вылупление птенцов из яиц происходило на 28-30 сутки (в зависимости от плотности насиживания самки). Вес суточных гусят в условиях Аскании-Нова составлял 4,1-4,5% веса взрослой птицы и в среднем равнялся 123±1,51 г (n=31), колеблясь от 98 до 135 г (табл. 4).

Таблица 4. Возрастные изменения роста серого гуся в раннем постэмбриональном периоде.

Возраст, сутки	Показатели роста				
	Вес, г	Клюв, см	Крыло, см	Голень, см	Хвост, см
1	123,0±1,51	1,93±0,01	3,15±0,04	3,10±0,03	–
5	106,8±3,66	2,09±0,03	4,11±0,05	3,12±0,04	–
10	168,6±5,86	2,34±0,04	3,94±0,13	3,34±0,05	3,05±0,06
15	213,0±7,11	2,56±0,04	4,31±0,07	3,88±0,05	3,39±0,06
20	343,6±11,77	2,87±0,07	4,66±0,06	4,17±0,07	3,87±0,13
30	588,6±20,31	3,53±0,06	6,07±0,24	5,46±0,12	6,10±0,25
40	964,3±31,98	4,06±0,08	8,18±0,17	6,51±0,13	6,41±0,37
50	1660±49,95	4,74±0,09	14,85±0,31	7,24±0,15	8,51±0,19

В условиях Аскании-Нова весовой рост птенцов серого гуся протекал неравномерно (табл. 4, рис. 1). В период до 5-6 суток они в основном держались за счет содержания желточного мешка, и в первые 2-6 суток отмечен даже отрицательный абсолютный прирост, т.е. птенцы теряли в весе до 20 г, а потом наблюдался незначительный привес. С 10-12 дня, и особенно с 15 начинается интенсивный прирост веса тела.

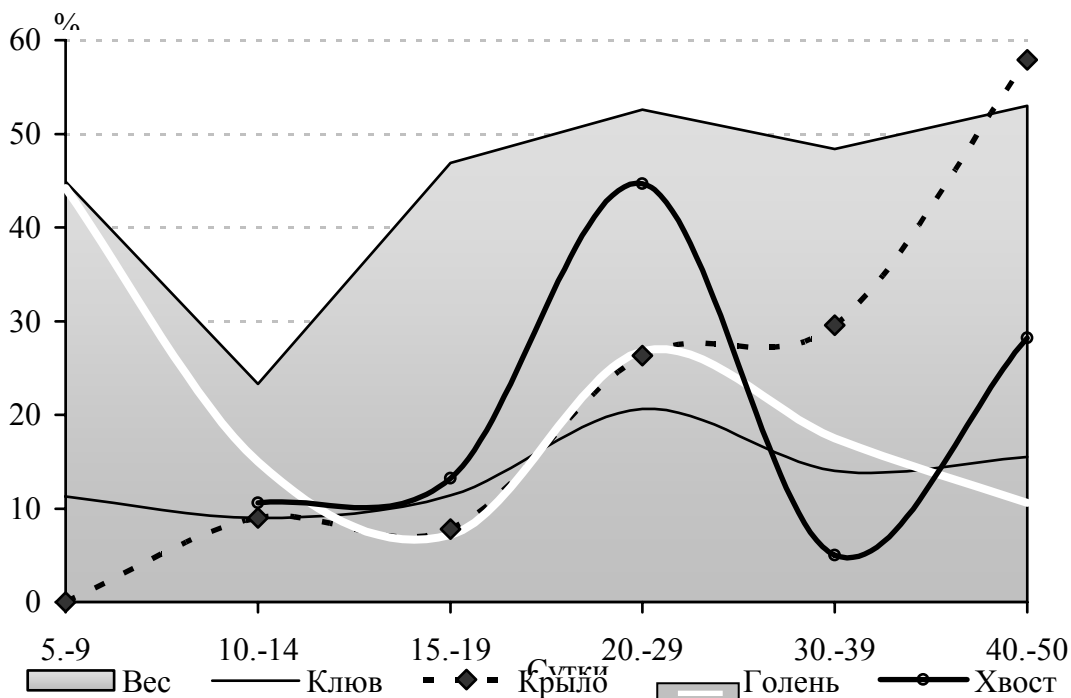

Рис. 1. Относительный прирост веса и некоторых основных промеров серого гуся в раннем постэмбриональном периоде

Максимальный абсолютный среднесуточный прирост веса гусят отмечен в период от 10 до 20 суток, он оставался большим и в период до двух месяцев. В это время вес птенца составлял около 65-70% веса взрослой птицы. Затем рост веса постепенно замедлялся, достигая (или почти достигая) к годовалому возрасту 95-100% величины взрослых особей. Поэтому, именно в эти периоды (с 10 до 20 и с 30 до 60 суток) необходимо создавать особенно благоприятные условия содержания, так как именно в эти периоды организм наиболее чувствителен.

В природных условиях вес взрослого серого гуся колеблется от 2,5 до 4,4 кг, изредка достигает 6 кг (Дементьев, Гладков, 1952; Лысенко, 1991 и др.). При последнем завозе (в 1959 г.) птиц этого вида в Асканию-Нова, по данным И.В. Андриевского и В.Д. Треуса (1963), взрослые птицы весили от 2,24 (март) до 3,69 кг (октябрь, n=49). По нашим данным, вес взрослых особей колебался в пределах 2,3-3,9 кг (n=17). То-есть, в условиях полувольного содержания птицы этого вида развивались нормально, достигая показателей, характерных таковым в природных условиях.

Постэмбриональный период животных характеризуется периодизацией роста и развития организма как в целом, так и его отдельных органов (Свечин, 1976; Добринский, 1981). С возрастом проходят резкие изменения в пропорциях тела. Причиной этому может быть лишь степень развития разных органов и тканей, частей тела животного к моменту его рождения, а также неодинаковая скорость развития в постэмбриогенезе. С.С. Шварц с соавторами (1968) в основу качественно разных этапов развития организма положили именно неодинаковую скорость относительного роста органов. Эта величина не является постоянной. Она изменяется, и, как правило, уменьшается с возрастом птицы.

У серого гуся соответственно весовому росту наблюдался и линейный рост (рис. 1). У суточного птенца наиболее развита голова, которая составляла 42,5-49% размера головы взрослой птицы. Значительно меньше была относительная длина клюва, голени, с колебанием в пределах 25-31,5% от длины таковых показателей взрослых птиц. Слабее развитые крылья, их длина составляла лишь 6,6% соответственно. Рулевые перья хвоста в этот период вообще отсутствуют (на их месте пух). Исходя из вышеизложенного, гусенок первого дня жизни – с относительно большой головой, высоконогий, с короткими крыльями.

В 20-суточном возрасте длина головы составляет 56% размера головы взрослой птицы, клюв и голень – 65-70%. Крылья хоть и начинают интенсивный рост, но все еще развиты слабо: длина крыла составляет 16% показателя взрослой птицы. Как правило, рост птенцов приближался к завершению к 2-месячному возрасту, когда большинство показателей равнялось 83-88%, а клюва – около 100% такового взрослой птицы. Большинство абсолютных экстерьерных показателей хоть и продолжали увеличиваться до 3-месячного возраста, но относительная скорость их роста изменялась незначительно.

Свидетельством нормального роста и развития серого гуся в условиях Аскании-Нова есть и то, что на крыло молодняк становится в возрасте 50-65 суток, близкого такому у птиц естественных популяций (Лысенко, 1991). По данным Я. Витковского (Witkowski, 1983), молодняк этого вида из наибольшей популяции Польши (вблизи р. Барич) становится на крыло в возрасте 55-65 суток. Гуси серые асканийской группировки способны нормально осуществлять миграции и выживать в природных условиях, обогащая фауну как Украины, так и других стран (Зубко, 1998; Зубко, Гавриленко, 2002; Navrylenko, Zubko, Mezinov, 2004; Зубко, 2005). Это также является подтверждением того, что эти птицы нормально развиты, имеют крепкую конституцию, способны жить в природных условиях.

С целью использования шкалы изменений весового и линейного роста в раннем постэмбриогенезе серого гуся для контрольных показателей развития птенцов в условиях неволи и полувовли, а также установления периодизации развития, были исследованы внутренние органы и желудочно-кишечный тракт 15 особей. По предварительным данным, птенец серого гуся имеет хорошо развитую печень, которая составляет 6,82% от таковой взрослой птицы. Сердце

соответственно составляет 1,6 %, легкие и селезенка – по 1,04%, почки – 0,52, мускульный желудок – 3,9, в то время, как железистый желудок – 2,2 %. Скорость роста была наибольшей у органов, связанных с двигательной активностью птицы. В процессе роста (до величины взрослой особи) легкие увеличились в 96,3 раза, сердце – в 62,5, в то время, как почки – в 40, а печень – в 14,7 раза. Железистый желудок опережает рост мускульного желудка почти вдвое.

Приведенные данные изменения весового и линейного роста в раннем постэмбриогенезе можно использовать как контрольные показатели при выращивании их в вольерных и полувольерных условиях, а также использовать при изучении периодизации развития серого гуся.

Выводы

Ооморфологические показатели серого гуся асканийской группировки существенно не отличаются от таковых природных популяций. Отмеченная достоверная разница размеров яиц у самок с ампутированным крылом в сравнении с летными (средняя длина – $P < 0,001$, ширина – $P < 0,01$, вес – $P < 0,05$) свидетельствует о компенсаторности питательных веществ для будущего приплода.

Учитывая то, что темп роста гусей протекает более интенсивно в первый месяц жизни, в этот период необходимо особенно усилить контроль соблюдения условий содержания и кормления птенцов.

Птицы, выращенные в Аскании-Нова, имеют нормальное развитие, крепкий экстерьер, морфологические показатели взрослых птиц близки показателям птиц из природных популяций.

Литература

- Андриевский И.В., Треус В.Д.** Охотничье-промысловые и декоративные птицы зоопарка Аскания-Нова // Работы по акклиматизации и гибридизации диких копытных и птиц. Научные труды, УНИИЖ Аскания-Нова. – Т. 13. – 1963. – С.30-86.
- Гудина А.Н., Гудина В.В.** Об Орельско-Самарской группировке серого гуся (*Anser anser*) // Нов. исслед. по гусям Палеарктики – Запорожье, 1995. – С.66-69.
- Дементьев Г.П., Гладков Н.А.** Птицы Советского Союза. – 1952. – Т. 4. – С. 276-280.
- Добринский Л.Н.** Динамика морфо-физиологических особенностей птиц. М., "Наука", 1981. – 124 с.
- Зубко В.Н.** Роль заповедника "Аскания-Нова в восстановлении численности серого гуся в Украине и за ее пределами // Роль охоронюваних природних територій у збереженні біорізноманіття – Канів. – 1998. – С.185-186.

- Зубко В.Н., Гавриленко В.С.** Итоги столетнего кольцевания птиц, выращенных в зоопарке “Аскания-Нова” // Кольцевание и мечение птиц в России и сопредельных государствах 1988-1999 гг. – М., 2002. – С.117-134.
- Зубко В.Н.** О разлетах серого гуся (*Anser anser*) заповедника «Аскания-Нова» // Гусеобразные Северной Евразии // III Международный симпозиум С-Петербург – 2005. – С.127-129.
- Лысенко В.И.** Фауна Украины. Том 5. Птицы. т. 5, вып. 3. Гусеобразные. – Киев: Наукова думка, 1991. – 203 с.
- Свечин К.Б.** Индивидуальное развитие сельскохозяйственных животных. – К.: Урожай, 1976. – 287 с.
- Справочник по инкубации яиц сельскохозяйственной птицы. (Под ред. Ю.Н. Владимировой). – М.: «Колос», 1971. – 224 с.
- Стрельченко В.И.** Биология гнездования серого гуся в Нижнем Приднепровье // Нов. исслед. по гусям Палеарктики – Запорожье, 1995. – С.131-134.
- Треус В.Д.** Акклиматизация и гибридизация животных в Аскании-Нова. / К.: Урожай, 1968. – 314 с.
- Шварц С.С., Смирнов В.С., Добринский Л.Н.** Метод морфофизиологических индикаторов в экологии наземных позвоночных. – Свердловск, 1968. – 387 с.
- Hoyt D.F.** Practical methods of estimating volume and fresh weight of bird eggs // Auk. – 1979. – № 96. – P. 73-77.
- Triebel R.** Brutbiologisches von Neusiedlersee Graugans (Anser anser) // Aquila. – 1984. – Vol. 91. – P.109-113.
- Witkowski J.** Population studies of the grey-lag goose *Anser anser* breeding in the Barysz valley, Poland // Acta ornith. (PRL). – 1983. – № 7-11. – Vol. 19. – P.179-216.
- Havrylenko V.S., Zubko V.N., Mezinov A.S.** Autumn-winter concentrations of geese at the Askania Nova biosphere reserve reservoirs // 8th annual meeting of the goose specialist group (Abstracts 5-10 March 2004, Odessa, Ukraine). – Odessa. – 2004. – P. 37-42.

Summary

A.S. Mezinov, V.N. Zubko. *Oomorphological Parameters and Features of the Early Postnatal Development of the Gray Lag Goose (Anser anser) in the Environment of Askania-Nova*

The article provides results of the study of oomorphological and exterior parameters of the Gray lag goose. The data were collected in the period from 1978 to 2006. Under the conditions of semi-captive management of Gray geese in multi-species associations of Anseriformes from the water reservoirs of Askania-Nova, the Gray geese manage to find necessary living environment, demonstrate high adaptive capability, and show reproductive results similar to those of the wild Gray geese. Statistically significant differences have been found between the sizes of the eggs

laid by the females with amputated wings and by flying females (average length - $P < 0.001$, width - $P < 0.01$, weight - $P < 0.05$). These findings are indicative of the compensation of nutrition components for future offspring. The growth of the geese is more intensive during the first month of life. Maintaining optimal husbandry protocols and nutrition of the chicks is extremely important during this period. The geese from Askania-Nova population demonstrate normal development, strong exterior, sounded individual and age parameters, though their sex signs are not expressed fully. Morphological parameters of adult birds are close to those of the birds from the wild populations.

ОПЫТ СОДЕРЖАНИЯ И РАЗВЕДЕНИЯ ПОПУГАЕВ

Т.Р. Белявская, К.В. Беляков, Т.Ю. Белякова
НП Парк птиц «Воробьи», Калужская область

Парк птиц «Воробьи» был основан 22 сентября 2003 года (дата государственной регистрации учредительных документов), открыт для посещений в июне 2005 года. Создатели – семья Белявских, чья коллекция попугаев и других экзотических птиц стала основой Парка.

Площадь – 11,5 га. Делится на две зоны – экспозиционную, оснащенную необходимой инфраструктурой для приема посетителей (кафе, сувенирный магазин, детская площадка), и хозяйственную, в которой расположены карантин, инкубаторы, ветеринарная служба, помещения для сотрудников и вольеры для размножающихся пар попугаев.

Юридический статус – некоммерческое партнерство. Парк находится на территории Калужской области в 75 км от Москвы. Целью деятельности является организация семейного отдыха и образовательного туризма.

Коллекция подразделяется на три группы – дикие птицы России, породы домашних и сельскохозяйственных птиц, попугаи и другие экзотические птицы. Сейчас в Парке 147 видов и более 80 пород птиц.

Изначально Парк задумывался таким образом, чтобы его работа окупала содержание всех животных, коммунальные платежи и зарплату сотрудников. Поэтому основные виды деятельности, – экспонирование различных видов птиц, организация и проведение экскурсий должны обеспечить получение необходимых средств. В 2005 году Парк посетили по билетам около 12 000 человек (без учета дошкольников и льготных категорий посетителей), было проведено 270 экскурсий, а в текущем году, не считая октябрь, продано около 20 000 билетов и проведено 375 экскурсий.

Разведение и реализация разведенных птиц – также необходимое условие финансовой самостоятельности Парка (около 25 % дохода).

В Парке птиц содержатся 52 вида попугаев.

Разведение попугаев, в свою очередь, делится на:

I – разведение мелких и среднего размера попугаев. В 2005 году было получено 18 карелл, 4 пестрых розеллы, 7 розовощеких неразлучников, 40 неразлучников Фишера, 9 масковых неразлучников, 7 малых кольчатых попугаев, 3 яндайи, 5 воробьиных попугайчиков. В этой группе птицы сами, в большей части случаев, справляются с выкармливанием потомства. Участие человека сводится к наблюдению за парами, своевременном вывешивании гнезд и обеспечению кормящих родителей специальным кормом, богатым белком.

II – разведение крупных попугаев – в 2005 году было получено 2 кубинских amazона, 14 больших кольчатых попугаев, 3 жако, 9 благородных двухцветных попугаев, 2 розовых какаду, 3 малых желтохохлых какаду.

В текущем году было получено девятнадцать птенцов александрийских

(больших кольчатых) попугаев (от трех размножающихся пар), девять птенцов розовых какаду (от одной пары), три птенца малых желтохохлых какаду (от одной пары), два самца и две самки благородного двухцветного попугая (от двух пар) и один какаду Гоффина.

В сезон размножения (с февраля) подобранным парам ставятся гнезда. Наблюдение проводится ежедневно.

Опыт показывает, что поведение каждой пары при размножении разное. Есть проверенные «надежные» птицы, которым можно спокойно оставить яйца. Есть птицы, которые свои яйца не насиживают или просто расклеивают. Тогда яйца могут быть подложены самке другого вида, или, только в крайнем случае, – в инкубатор. В гнездо ставится воронка для яиц.

В случаях, когда птенец высиживался не «родной матерью» при появлении наклева яйцо забирают и помещают в брудер с температурой 36,6°С.

По нашему опыту крупные попугаи, содержащиеся в неволе, крайне редко благополучно выкармливают своих птенцов.

Это подтверждается и данными многочисленных зарубежных питомников, где применяется технология ручного выкармливания птенцов.

Наши многолетние наблюдения за имеющимися у нас разводными парами позволили определить безопасный для птенцов срок нахождения их с родителями. Кормление птенцов родителями в первые дни их жизни позволяет избежать проблем с пищеварением в дальнейшем, поэтому у проверенных пар мы оставляем птенцов до 5-7 дней, при этом осуществляется ежедневный контроль состояния птенца.

Если приходится выкармливать птенца с первых часов его жизни, очень важно предотвратить последствия обезвоживания птенца и подготовить пищеварительный тракт к перевариванию пищи.

Для создания микрофлоры пищеварительного тракта мы применяем следующую состав: 1 часть (2 мл) раствора Рингера, 1 часть соевого молока + 1 капля «Хилак Форте», нагретый примерно до 38°. В первые сутки птенца нужно кормить этим раствором каждые два часа (ночной перерыв четыре часа). Далее кормим специальным кормом для птенцов всех попугаев фирмы Katye (порошок разводится сперва 1/6, затем 1/5, концентрация ежедневно увеличивается до 1/3 с кипяченой водой).

С ростом попугаев увеличивается интервал между кормлениями и уменьшается их число (табл. 1).

Очень важно следить за весом птенца. Объем корма увеличивается постепенно, с увеличением времени между кормлениями должен увеличиваться и объем зоба. Здесь существует следующая опасность – если сразу растянуть зоб, потом он может перестать работать. Возникает «атония зоба». Птенец может погибнуть!

Таблица 1. Интервалы кормления птенцов попугаев по мере их роста.

Возраст	Интервал между кормлениями	Количество кормлений в сутки	Ночной интервал
1-8 дней	2 часа	9-10	4 часа
8-14 дней	3,5-4 часа	5-6	7-8 часов
14-24	5 часов	4	-
24-30 дней	8 часов	3	
потом		2	

Важной составляющей успеха наряду с режимом кормлений является создание оптимальных температурных условий. Режимы температур достаточно освещены в специальной литературе. В своей практике мы помещаем только что вылупившегося птенца в брудер с температурой 37 градусов и влажностью 50% и снижаем температуру на 1 градус в неделю.

Ручное вскармливание заканчивается в то время, когда птенец может питаться самостоятельно. Этот срок различен для разных видов попугаев от 50 дней для розовых какаду до 110 дней для молуккского какаду.

В таблице 2 указано по видам соотношение птенцового возраста (возраста, в течение которого родители заботятся о птенце) и веса.

Таблица 2. Изменение массы тела птенцов попугаев по мере их взросления.

Вид	Птенцовый возраст (в днях)	Вес
Розовый какаду	45-55	330
Желтохохлый какаду (малый)	62-84	400-500
Благородный попугай	72-80	380-410
Жако	77-84	390-500

Всех птенцов мы кольцуем, возраст кольцевания и диаметр колец указаны в литературе.

Например, для благородного двухцветного попугая, розового какаду – диаметр кольца составляет 10 мм и кольцуется птенец на 12-14 день жизни. Соответственно, большой кольчатый попугай – 8 мм, на 13-15 день, жако – 12 мм, на 12-14 день, кубинский амазон – 8 мм на 12-14 день.

Полностью оперившегося птенца постепенно переводим на самостоятельное кормление. Когда приходит время и птенца нужно кормить два раза в сутки, ставим ему корм (проращенную смесь – 4 части кукурузы, 2 части семечек, по 1 части пшеницы, овса, гороха + порезанное мелко яблоко) и воду. Птенец начинает

самостоятельно питаться, – можно переводить его в клетку, а затем и в вольеру.

Все мы знаем, что многие виды попугаев находятся под угрозой исчезновения. В данной ситуации то, что происходит с изъятием попугаев из природы для продажи, становится серьезным фактором риска для выживания многих видов. Однако известно, что во многих странах контрабанда животных существует. Есть спрос – есть предложение, причем деятельность эта очень выгодна, иначе бы нелегальные торговцы животными не стали этим заниматься. Не будем сейчас останавливаться на проблемах государственного регулирования, лучше предложим свой способ борьбы с контрабандой.

Разведение редких попугаев в искусственных условиях, выкармливание их человеком позволит предложить желающим приобрести попугайчика в личное пользование совершенно ручного, ориентированного на человека. Наши птенцы, по отзывам многих, начинают «говорить» довольно быстро, становятся любимыми членами семьи. Как же иначе – за всю свою жизнь они не видели от людей ничего плохого. Этого нельзя ожидать от птицы, изъятый из природы.

Мы будем рады поделиться своим опытом разведения попугаев.

Так, в Парке птиц на каждого разведенного птенца выдается «Паспорт», в котором указан номер кольца. Пока в России нет законодательно установленных требований для выдачи подобных документов (хотя эти предложения обсуждаются уже не первый год). Это – инициатива нашего Парка. Возможно, такой способ подтверждения происхождения животного поможет найти цивилизованный путь торговли ими.

Summary

T.R. Belyavskaya, K.V. Belyakov, T.Yu. Belyakova. *Husbandry and Breeding of parrots*

There are 52 species of parrots kept at the Bird Park “Vorobjee” (“Sparrows”). The article presents chick-raising methods. All the chicks are ringed. For instance, the diameter of the ring for the Eclectus parrot and the Rose-breasted cockatoo is 10 mm, with the chicks of these species being ringed at the age from 12 to 14 days. For the Alexandrine parakeet, the African gray parrot, and the Cuban amazon, the ring diameters are 8, 12, and 8 mm, and the ages of the chicks at ringing are 13-15, 12-14, and 12-14 days, correspondently. Marking of parrots at the early stages of life helps to confirm the origin of the birds and serves as one of the methods of the control of smuggling.

СОДЕРЖАНИЕ И РАЗВЕДЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ КУЛИКОВ (*Charadrii*) В НОВОСИБИРСКОМ ЗООПАРКЕ

Т.И. Петухова

Новосибирский зоопарк

Впервые кулики (подотряд *Charadrii*) поступили в Новосибирский зоопарк в 1995 году – шилоклювки (*Recurvirostra avosetta*), ходулочники (*Himantopus himantopus*), чибисы (*Vanellus vanellus*), травники (*Tringa totanus*). При работе с ними мы столкнулись с некоторыми трудностями: не было опыта работы с этими видами птиц, к тому же, мы не располагали подходящими помещениями для их содержания. Несмотря на это, большинство птиц нам удалось сохранить.

В последние годы к этим видам добавились: кречетка (*Vanellus gregarius*), большой веретенник (*Limosa limosa*), большой кроншнеп (*Numenius arquata*), работы по разведению велись в основном с более многочисленными видами: ходулочник, травник, шилоклювка.

В зимнее время все кулики содержатся в двух смежных вольерах площадью 40 м², где имеется два водоема. Площадь водного зеркала составляет 15 м², глубина водоема 0,1-0,5 м. Температура воды поддерживается не ниже + 10°С. В качестве грунта используется речной песок, который застилаем слоем 10-20 см. Небольшие участки вольер выстилаем дерном, который также используется при строительстве гнезд. Для локального обогрева в вольерах установлены инфракрасные лампы. При понижении температуры в помещении или после купания, птицы собираются на обогреваемых участках.

В первые годы у шилоклювок и ходулочников часто появлялась хромота. Причиной являлись трещины или мозолевидные наросты на лапках. Для устранения причины появления хромоты мы использовали различные типы грунта: земля, деревянные полы и речной песок, а также в вольеры устанавливались поддоны с раствором питьевой соды или поваренной соли (около 100 г соли, или соды на 10 л воды) для имитации природного состава воды в местах обитания птиц. С применением содо-солевых растворов количество заболевших птиц резко сократилось.

Весной при дневной температуре воздуха + 5 – +10°С все кулики переводятся в летний вольер, площадью 150 кв. м, с двумя бассейнами на разных уровнях, площадь водного зеркала 52 м². Вокруг нижнего бассейна расположен естественный заливной лужок с обильным травостоем. Траву 2-3 раза за лето скашивают, т.к. кулики предпочитают открытые пространства. На верхнем уровне вольера расположена кормовая площадка и два деревянных навеса, которые птицы используют в непогоду. Весенние заморозки до – 6°С при отсутствии осадков птицы переносят хорошо.

В течение года основным кормом для всех видов куликов является смесь, состоящая из следующих кормов, в расчете на одну птицу: фарш из отварного мяса – 50 г, крупно протертое отварное яйцо – 20 г, творог – 10 г, гаммарус – 15 г.

Данная смесь дается 2 раза в сутки и приготавливается непосредственно перед скармливанием. Приготовленная смесь должна иметь чуть влажную, рассыпчатую консистенцию. По мере наличия, и особенно в период подготовки птиц к размножению, кулики получают живой корм – мотыль живой или свежемороженый, личинки мучного хруща.

В качестве витаминно-минеральной подкормки используются премиксы для промышленного птицеводства “Рябушка”, “Бройлер”, “Птичка“. В вольерах постоянно находятся кормушки с мелом и яичной скорлупой, которую предварительно прокаливают и измельчают. При подготовке к сезону размножения мел или скорлупу добавляют в основную мешанку один раз в сутки.

Уже в первые дни мы столкнулись с межвидовой агрессией куликов. Доминировали всегда ходулочники, которые не конфликтовали только с травниками. Постепенно среди птиц проявилась определенная иерархия – все самые лучшие участки для гнездования занимали ходулочники. Травники для гнезд выбирали уединенные места. Шилоклювки в это время держатся на небольшом участке все вместе, несмотря на то, что часть территории оставалась не занятой и некоторые гнезда пустовали. И только после того, как у ходулочников закончилось гнездование, шилоклювки начинали строить гнезда в той же части вольеры, где гнездились ходулочники.

Пара ходулочников занимает гнездовую площадь минимум 5 м² и ни одна птица не может приблизиться к их гнезду, защищая свою территорию, они наносят травмы птицам, вторгшимся на их территорию. Поскольку у нас птицы к размножению приступают в зимних помещениях, мы используем для устройства гнезд небольшие каркасы из дерева размером 20х20 см на дно насыпаем опилки, сверху песок, землю, вокруг эти каркасы декорируются дерном. Кулики с удовольствием занимают такие импровизированные гнезда. С 1998 года мы регулярно получали приплод от ходулочников, травников и шилоклювок. Количество яиц в кладке у ходулочников – 4, у травников – 3-4, у шилоклювок – 4.

Не имея изолированных площадей и возможности отделить от группы птиц родителей с птенцами, птенцов приходилось забирать и доразвивать искусственно.

За период с 1997 года по 2005 год получено и выращено 43 ходулочника, 14 травников, 38 шилоклювок, 2 чибиса.

Половая зрелость у куликов наступает в возрасте 2-х лет.

В настоящее время мы можем сказать, что продолжительность жизни ходулочников, травников и шилоклювок не менее 9 лет. В нашем зоопарке данные птицы, поступившие в 1995 году, принимали участие в размножении и в 2005 году.

Summary

T. I. Petukhova. *Husbandry and Breeding of Some Species of Charadrii at Novosibirsk Zoo*

For the first time Novosibirsk Zoo had received a number of species *Charadrii* in 1995. The species included Pied avocet (*Recurvirostra avosetta*), Blackwinged stilt (*Himantopus himantopus*), Lapwing (*Vanellus vanellus*) and Red shank (*Tringa totanus*). In the following years there the zoo's collection of *Charadrii* was added with Sociable plover (*Vanellus gregarius*), Black-tailed godwit (*Limosa limosa*) and Curlew (*Numenius arquata*). All the year round, the main component of the diet for all species of *Charadrii* is presented by feeding mixture containing (per bird): minced cooked meat – 50 g, grated boiled egg – 20 g, cottage cheese – 10 g, Gammarus – 15 g. Poultry farming commercial premixes are used as vitamin and mineral supplement. All the enclosures are always provided with trays filled with chalk and burned and crumbled egg shells.

The article describes the methods of the husbandry of *Charadrii* in winter and summer times. 43 blackwinged stilts, 14 red shanks, 38 pied avocet, and 2 lapwings bred at the Zoo from 1997 to 2006.

БОЛЕЗНИ ДЕКОРАТИВНЫХ И ПЕВЧИХ ПТИЦ ИНФЕКЦИОННОЙ ЭТИОЛОГИИ

Б.Ф. Бессарабов
МГАВМиБ⁴ им. К.И. Скрябина

На основании собственных многолетних исследований и данных других авторов приводим краткий обзор основных болезней декоративных и певчих птиц.

Орнитоз – вирусное заболевание человека, животных и птиц. Вирус, выделяемый от попугаев, принято называть возбудителем пситтакоза, они более патогенны для человека; выделяемый от голубей называют вирусом орнитоза. В настоящее время насчитывается 125 свободноживущих видов птиц, у которых отмечено заболевание орнитозом.

Заражение птицы чаще происходит аэрогенно – пылевым способом. Высушенные частички помета от больной птицы, пушинки, слущенный эпителий кожи могут попадать в легкие и воздухоносные мешки птиц и вызывать заболевание. Молодая птица, находящаяся в гнезде, может заражаться при контакте с взрослой. Снижение резистентности у птицы (транспортировка, негигиеническое содержание) могут обусловить вспышку болезни. Вспышки орнитоза могут отмечаться при массовой транспортировке импортных птиц.

Клинические признаки болезни малохарактерны: отсутствие аппетита, сонливость, конъюнктивит, слабость, профузный понос, приводящий к истощению и гибели. Чем неблагоприятнее условия содержания птицы, тем сильнее клинические признаки.

У молодой птицы острое течение инфекции часто отмечается в период формирования оперения. Возникает двусторонний конъюнктивит, истечение экссудата, светобоязнь, расстройство кишечника с выделением помета зеленого цвета. У взрослых, кроме этих признаков, отмечается воспаление воздухоносных мешков, параличи крыльев, ног.

Лечение. Применяются антибиотики широкого спектра действия, и в частности тетрациклин, который вводят условно здоровой птице, находящейся в контакте с больной. Для крупных попугаев можно приготовить кашу из риса, овса и воды в соотношении 2:2:3. После остывания к ней добавляют тетрациклин и сахар для лучшего вкуса. Если птица не принимает корм, следует рекомендовать инъекцию препаратов.

Волнистым попугаям 5 дней подряд внутримышечно вводят растворы, содержащие 5-10 мг тетрациклина, взрослым попугаем – до 300 мг.

⁴ Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Профилактика и меры борьбы. Вновь завезенных птиц в хозяйство карантинуют в течение 3х месяцев.

Грипп птиц – остропротекающее заразное заболевание, сопровождающееся расстройством функции кишечника и поражением респираторных органов. Декоративные и певчие птицы подвержены этому заболеванию и могут заражаться от человека, который болеет гриппом или является вирусоносителем, так как возбудитель общий для человека и птиц. Вирус гриппа обладает высокой контагиозностью, к нему восприимчивы все виды птиц.

При спонтанном заражении наблюдаются следующие клинические признаки: птица сидит нахохлившись, безучастная к окружающим, теряет аппетит, из клюва, из носовых отверстий вытекает экссудат. Птица часто чистит клюв лапкой или о свое оперение. В 60% случаев у больных наблюдается расстройство функции кишечника с выделением грязно-серо-зеленого помета. Перо вокруг клоаки запачкано пометом, часто склеено, происходит обезвоживание организма. У отдельных птиц наблюдаются нервные симптомы в виде атаксии, парезов, периодические судороги шейной мускулатуры и крыльев.

Диагноз основывается на выделении вируса. У крупных попугаев можно провести серологические исследования в специализированной диагностической лаборатории.

Лечение не всегда успешно, можно провести курсовое лечение противогриппозным гамма-глобулином, интерфероном. С целью профилактики можно привить птицу инактивированной вакциной.

Болезнь Ньюкасла. Заболевание вирусной этиологии, может поражать все виды попугаев, а также некоторые виды зерноядных птиц (перепелов, фазанов и др.).

Свободноживущие птицы восприимчивы к болезни Ньюкасла и могут быть источником инфекции. Заболевание было зарегистрировано у воробьев, галок, дроздов, скворцов, клестов, щеглов, снегирей, зеленушек, зябликов, синиц-московок, различных сов, воробьиного сыча, пустельги, ястреба перепелятника. Вирус болезни Ньюкасла общий для сельскохозяйственных и декоративных птиц. Заражение птиц происходит с кормом, водой, аэрогенным способом. Вирус от больной птицы выделяется со слизью верхних дыхательных путей и ротовой полости, с пометом.

Клинические признаки заболевания разнообразны в зависимости от вирулентности вируса, возраста птицы и условий ее содержания, влияющих на течение заболевания. При типичном течении наблюдается повышение температуры у заболевшей птицы на 1-2 С°, уменьшение аппетита, вялость, сонливость. Поражение органов дыхания в виде удушья отмечается у 40-70% больных птиц, расстройство кишечника у 88%, с выделением жидкого помета, окрашенного в зеленый цвет. Часто из ротовой полости выделяется тягучая слизь, птица чихает, делает глотательные движения. Нервная форма может протекать у попугаев, воробьев и галок в виде расстройства движения, судорог. При подозрении на

болезнь Ньюкасла необходимы специальные ветеринарные исследования по выделению вируса.

Для профилактики можно использовать все виды живых и инактивированных вакцин, применяемых в птицеводстве.

Парамиксовирусная инфекция (ПМВ – 2 и ПМВ – 3). В литературе описаны случаи серологических исследований сыворотки крови попугаев, у которых обнаружены антитела к вирусу ПМВ – 2 и ПМВ – 3. По клиническим признакам заболевание напоминало болезнь Ньюкасла, при острой форме течения у погибших обнаружены изменения, характерные для геморрагической септицемии. При транспортировке попугаев и ослаблении естественной резистентности может произойти вспышка заболевания в том случае, если имеются латентные носители вируса.

Оспа. У канареек оспа известна очень давно и протекает в тяжелой форме. В естественных условиях оспа была зарегистрирована у цесарок, фазанов, павлинов, декоративных и певчих птиц. Из свободноживущих птиц инфекция обнаружена у воробьев, горлицы, лесной завирушки, страусов. Наибольшие экономические убытки оспа причиняет канароводам, приводя к массовой гибели птиц. К оспенному вирусу канареек оказались чувствительными воробьи и зяблики. Через 10-14 дней после инкубационного периода возникают клинические признаки болезни, протекающие в различной форме. Птица часто погибает внезапно, без видимых клинических признаков. На вскрытии в легких и сердечной мускулатуре выявляют точечные кровоизлияния. Острая легочная форма сопровождается тяжелой одышкой, конъюнктивитом, блефаритом и ринитом. Птицеводы называют это заболевание болезнью одышки. Отмечаются утолщения кожи в углах клюва, под клювом, на шее и голове, слизистые оболочки носовой полости и гортани сильно покрасневшие и воспаленные. У самцов происходит образование на клюве, глазах, крыльях и ногах наложения эпидермиса. На веках глаз образуются пузырьки, содержащие прозрачную жидкость, которая в дальнейшем окрашивается в кровавокрасный цвет.

Диагноз следует проводить на основании клинических признаков, гистологических исследований кожи, легких, трахеи. В качестве профилактического средства рекомендуют активную иммунизацию, которую проводят слабым гомологичным канареечным вирусом. Инактивированные штаммы вируса оспы не создают напряженного иммунитета.

Лечение. При тяжелом течении заболевания, больных птиц отделяют и лечат. Пораженные места на коже прижигают 3-5%-ным раствором марганцевокислого калия, палочкой ляписа, неразведенным креолином, дегтем и другими дезинфицирующими средствами. Слизистую оболочку ротовой полости после снятия дифтеритического наложения промывают раствором перекиси водорода, 0,5%-ной оксолиновой мазью.

Профилактика и меры борьбы. При появлении в питомнике больной оспой птицы (по заключению ветеринарной диагностической лаборатории) проводят следующие мероприятия.

Очищают и дезинфицируют помещение и предметы ухода. Для дезинфекции вольер применяют горячий 3-4%-ный раствор едкого натрия, аэрозоль формалина, 20%-ный раствор свежегашеной извести. На следующий день дезинфекцию повторяют. Помещение хорошо проветривают и белят хлорной известью, весь инвентарь и гнезда моют горячей водой с добавлением каустической соды.

Вирусный гепатит. В зоопарках часто встречаются вирусный гепатит у вновь импортируемых птиц. Вспышки заболевания объясняются латентной вирусной инфекцией, которая активизируется после транспортного стресса.

Клинические признаки. Заболевание сопровождается нехарактерными клиническими признаками и внезапной гибелью птицы. Перед смертью у птицы пропадает аппетит, состояние угнетенное, брюшная стенка в результате увеличения печени напряжена, возможна водянка брюшной полости.

Особенно часто подвержены этому заболеванию птенцы. Они становятся вялыми, отказываются от корма, в отдельных случаях наблюдались судорожные движения, вытягивание конечностей, позевывание, сужение глазной щели.

Патологоанатомические изменения. У павших птенцов наиболее характерные изменения обнаруживают в печени. В большинстве случаев размер печени увеличен, цвет ее варьирует от рыжевато-красного до коричневого. Желчный пузырь переполнен, в некоторых случаях участок печени, прилегающий к желчному пузырю, приобретает зеленоватую окраску.

Диагностика. Для постановки диагноза необходимо учесть внезапность и быстроту появления и распространения инфекции, возрастную восприимчивость птицы, характерные клинические и патологоанатомические изменения. В зоообъединениях и зоопарках, где заболевание регистрируется впервые, необходимо провести лабораторные исследования для выделения вируса и его типизации.

Для лечения и профилактики болезни применяют гипериммунную сыворотку крови, имеется вакцина против вирусного гепатита, которую используют в соответствии с инструкцией по указанию ветеринарного врача.

Инфекционный синусит. Заболевание протекает в виде катарального воспаления слизистых оболочек верхних дыхательных путей.

Свойства возбудителя. Синусит вызывает вирус, свободно проникающий через бактериозадерживающие фильтры. Вирусным синуситом заболевают все виды экзотических птиц, в особенности молодняк в первые 30 дней жизни, в редких случаях отмечается инфекция у более взрослых. Степень распространения (до 90%) синусита зависит от предрасполагающих факторов, колебания вирулентности вируса и возрастной восприимчивости птицы.

Клинические признаки. Основными клиническими признаками являются: чихание, постоянное трясение головой, при надавливании на восковицу клюва из носовых отверстий выделяется клейкий экссудат, который вызывает закупорку отверстий, вследствие этого больная птица дышит с открытым клювом. Птица постоянно чистит нос о насест или лапкой. Оперение на голове склеен-

ное. Вследствие заполнения жидкостью подглазничных синусов происходит изменение конфигурации головы, иногда с атрофией глазного яблока.

Диагностика. Для исключения других инфекционных болезней необходимо сделать посевы на питательные среды и провести вирусологические исследования.

Необходимо дифференцировать вирусный синусит от паратифа, пастереллеза, аэроцистита, вирусного гепатита.

При заболеваниях дыхательных органов часто удается выделить из легких и воздухоносных мешков возбудителей колибактериоза, пневмоноза, стрептококкоза, стафилококкоза, пастереллеза. В зоологических парках иногда встречаются случаи туберкулеза среди птиц.

Псевдомоноз. Заболевание вызывает микроб Псевдомонас аэругиноза, который попадает в организм птиц с водой и кормом. Инфекция протекает в виде тяжелой формы септицемии с конъюнктивом, насморком, поносом, анемией, слабостью. У погибших птиц находят увеличенную печень с очагами некроза, слизистая оболочка кишечника воспалена.

Диагноз ставят после микробиологических исследований и обнаружения возбудителя.

Лечение и профилактика основываются на курсовом применении тетрациклина. Дезинфекция питьевой воды служит обязательной мерой профилактики.

Колибактериоз. Заболевание свойственно всем видам птиц, в том числе певчим и декоративным. Зерноядные и насекомоядные виды, как правило, содержат меньше грамметрицательной микрофлоры в кишечнике, в то же время этот микроорганизм преобладает у насекомоядных. Часто бактерии коли вызывают у различных птиц тяжелые энтериты, нередко оканчивающиеся смертельным исходом. Заражение может происходить через воду, корм, а для комнатных птиц источником заражения может быть человек, который является постоянным носителем этих микробов.

Ведущий клинический признак – расстройство кишечника. Возбудитель выделяется с пометом, содержимым яйца, находится в скорлупе.

Диагностика заключается в получении и серологической типизации штаммов. У декоративных и певчих птиц часто выделяют устойчивые к лекарственным препаратам штаммы бактерий.

Лечение. Применяют антибиотики широкого спектра действия. Энтеро-септол в общепринятых дозах в течение 5-7 дней. Необходимо соблюдать общие правила по уходу и содержанию за птицей. Рекомендуют раз в неделю дезинфицировать клетки, кормушки, поилки раствором хлорамина.

Туберкулез. Возбудитель – микобактерия авиа, которая выделяется больной птицей с пометом и длительное время может сохраняться в земле, подстилке. Возбудитель туберкулеза птиц патогенен для человека.

К этому заболеванию при соответствующих условиях восприимчивы все виды птиц, особенно птицы, импортируемые из стран с тропическим климатом. У попугаев встречается своеобразная кожная форма туберкулеза, заражение

может произойти при контакте с человеком. Особенно тяжелые формы заболевания встречаются среди фазанов, разводимых в зоопарках и питомниках. Туберкулез установлен у ворон, коршунов, журавлей, страусов.

Туберкулезный процесс в кишечнике птиц всегда открытого типа, поэтому выделение возбудителя с пометом имеет решающее значение в загрязнении окружающей среды. Второй источник инфекции – инкубационные зараженные яйца.

Клинические признаки. У различных видов птиц клинические признаки могут значительно отличаться. Типичное течение заболевания сопровождается потерей аппетита, постепенным исхуданием, вялостью. У отдельных птиц отмечается расстройство кишечника и поражение суставов ног и костей – хромота. Клиническими обследованиями больных можно обнаружить увеличение печени, наличие узлов в кишечнике.

Диагностика. Диагноз на туберкулез птиц внутри хозяйства ставят с учетом стационарности инфекции, хронического течения, типичных патологоанатомических изменений.

Для лабораторной постановки диагноза в ветбаклаборатории готовят мазки – отпечатки со срезов пораженных органов, окрашивают по Циль-Нельсону и исследуют под микроскопом.

Для диагностики туберкулеза у крупных попугаев можно использовать аллергический метод исследования птичьим туберкулином.

Лечение в запущенных случаях малоэффективно, поэтому необходимо больную птицу уничтожить ввиду опасности заражения для человека. С профилактической целью в некоторых случаях применяют у фазанов медицинские препараты (ПАСК, фтивазин), которые задают с кормом.

Профилактика и меры борьбы. Профилактика заболевания базируется на ликвидации контакта птицы, содержащейся в вольерах, со свободноживущей.

Стафилококкоз – спорадически или энзоотически протекающее заразное заболевание всех видов птиц с клиническими признаками острой септицемии, артритов, реже везикулярного дерматита.

Причины. Возбудитель стафилококкоза – микроорганизм шаровидной формы. Величиной 0,8-1 мк, грамположительный, неподвижный, спор не образует.

Заболевание зарегистрировано в различных странах, восприимчивы попугаи, канарейки, снегирь, чижи, фазаны. Стафилококкоз передается от больных птиц при контакте, а также через корм, подстилку, воду.

Различают заболевание, протекающие в виде септицемии, воспаления суставов и сухожилий, которое особенно часто встречается у канареек. В последние годы у канареек наблюдают массовые случаи стафилококкоза в виде дерматита. Острое заболевание проходит с явлениями септицемии, полиартрита, остита, остеомиелита, тенденита, тендовагинита, параличей конечностей.

Диагноз. Для постановки диагноза делают посевы из пораженных участков и органов на мясо-пептонный бульон и агар. Возбудителя удается обнаружить в суставах конечностей при локализованной форме и во внутренних органах – при септицемической форме.

Лечение и профилактика. Для лечения стафилококкоза птице включают в рацион 2 мг тетрациклина, 2 мг стрептомицина и 10 тыс. ед. пенициллина ежедневно в течение 7 дней. Тетрациклин в дозе 2 г на 1 кг корма обладает превентивным действием. Перед назначением антибиотиков необходимо проверить резистентность выделенных штаммов стафилококков. Вакцинопрофилактика не разработана. Вновь завезенную птицу содержат в течение 30 дней изолированно от основного поголовья.

Стрептококкоз – экзотическое и спорадическое заболевание всех видов птиц, протекающее в острой, подострой и хронической форме с разнообразными клиническими признаками.

Этиология. Заболевание вызывают грамположительные кокки, соединяющиеся в цепочки из нескольких кокков.

В зависимости от формы течения различают острый, протекающий по типу геморрагической септицемии, хронический и локализованный стрептококкоз, обуславливающий поражение отдельных органов.

При остром течении болезни птица угнетена, температура тела повышена, наблюдается резкое посинение клюва, ног. Зарегистрированы случаи желточных перитонитов у попугаев, канареек, при которых удавалось выделить чистую культуру стрептококкоза. У 10-12% заболевших птиц обнаруживают воспаление голеностопных суставов, конъюнктивы. При вскрытии погибшей птицы найдены мелкие кровоизлияния (под кожей грудной стенки, под эпикардом, у основания сердца), наличие фибринозного, слипчивого воспаления перикарда.

Постановка диагноза на стрептококкоз при острой форме инфекции не очень затруднена, так как выделяют культуру из различных внутренних органов птиц.

Лечение, профилактика и меры борьбы. Против стрептококкоза испытано большое количество антибиотиков и сульфаниламидных препаратов.

Пастереллез. Возбудитель пастереллеза может поражать все виды птиц, в том числе декоративных, певчих и свободноживущих. Перенос возбудителя происходит при контакте здоровой и больной птицы. Пастереллез причиняет большие экономические потери при выращивании волнистых попугаев, которые в молодом возрасте особенно к нему чувствительны. Многие мелкие певчие птицы также нередко поражаются пастереллезом. Заболевание было зарегистрировано у воробьев, чижей, клестов, снегирей. Кроме того, пастереллез встречается в виде эпизоотических вспышек у павлинов, лебедей, тетеревов, страусов, воробьев, диких уток. При экспериментальном заражении воробьев они погибают через 13-36 часов от остропротекающей инфекции.

Клинические признаки не характерны и часто не успевают развиться. При подостром течении наблюдают дрожь, слабость, понос, помет окрашен в зеленый и коричневый цвет, затрудненное дыхание. В хронической стадии болезни во внутренних органах образуются абсцессы.

Лечение дает успех только в начальной стадии болезни. Применяют антибиотики широкого спектра действия.

Профилактика пастереллеза основана на предупреждении заноса возбудителя, поэтому не следует забывать и об инсектицидных препаратах, препятствующих нападению на птицу кровососущих членистоногих.

Респираторный микоплазмоз регистрируют у декоративных и певчих птиц. Протекает так же, как и у сельскохозяйственных животных, в виде комплекса респираторных заболеваний с осложнениями возбудителем колибактериоза, с клиническими признаками насморка, синусита, аэроцистита, бронхита. Заболевание широко распространено в зоопарках, где при внезапном переохлаждении и понижении естественной резистентности происходит активация латентного микоплазмозоносительства. Заражение птицы чаще всего происходит при контакте больных со здоровыми. Возбудитель выделяется с пометом, яйцами.

Основные клинические признаки: затрудненное дыхание через открытый клюв, безучастность к окружающему, насморк, синусит. Стенка воздухоносного мешка утолщена, с фибринозными казеозными наложениями, фибринозный перикардит и перигепатит являются показателями осложненной формы течения микоплазмоза.

Диагностика проводится путем выделения и типизации возбудителя из патматериала.

Лечение. Наиболее эффективным препаратом считается тилозин, который задают с питьевой водой из расчета 100 мг на 1,3 л питьевой воды, или 100 мг на 1 кг массы тела внутримышечно.

Сальмонеллез. Этиология и свойства возбудителя. Возбудитель сальмонеллеза – неподвижная палочка длиной 1-2 мк.

Эпизоотологические данные. Сальмонеллез - широко распространенная инфекция, у молодняка наблюдается в острой форме, а у взрослых протекает в виде латентной инфекции.

В литературе описаны случаи массовой гибели соловьев, чижей, дроздов, снегирей, попугаев, канареек. Особенно заболевание свойственно свободноживущим птицам, перекочевывающим в поисках корма. Они легко заражаются через загрязненные объекты среды, при контакте друг с другом.

Вспышки болезни наиболее тяжело протекают у птиц в период ювенальной и сезонной линьки. Источником инфекции могут быть корма, больная птица, выделяющая с пометом возбудителя, загрязняющая подстилку, воду. Быстрое перезаражение часто регистрируется в тех хозяйствах, где птица сгруппирована в общей клетке, при нарушении кормления, ухода и содержания. Однообразный, неполноценный рацион может активизировать латентную инфекцию и привести к острой форме заболевания.

Клинические признаки. После короткого инкубационного периода (3-4 дня) у больной птицы развивается вялость, угнетение, повышение температуры, расстройство кишечника. Часто при острой инфекции возникает посинение клюва, лапок, что указывает на сепсис. Испражнения жидкие, оранжево-зеленого цвета, иногда с наличием крови. При подостром и хроническом тече-

нии болезни отмечаются желтушность слизистых оболочек, истощение птицы, иногда желточный перитонит.

При подостром течении клинические признаки не выражены и протекают в виде угнетения, апатии, артритов, расстройств кишечника, конъюнктивита. Иногда возникают параличи нервов крыльев, ног.

Диагноз. Для бактериологического исследования делают посевы на среду Эндо-агар Плоскирева с последующей серологической и культурально-биохимической типизацией возбудителя.

Лечение основано на рациональном применении антибиотиков. Особенно хорошие результаты дает энтеросептол, который задают с кормом.

Общие сведения о лекарствах, применяемых для лечения птиц

При выборе лекарственных препаратов следует учитывать, в первую очередь, заболевание; нужно быть уверенным в точности диагноза. Неправильно проведенное лечение может причинить вред, так как при заболевании происходит ослабление защитных сил организма, а неправильное назначение препарата приводит к осложнениям. После постановки диагноза и выбора соответствующего препарата немаловажное значение имеет дозировка и кратность введения лекарств.

Дозирование препаратов у певчих и декоративных птиц – ответственная и трудная задача, так как большинство препаратов испытано на животных и домашних птицах. Наиболее точная дозировка препаратов основывается из расчета на 1 кг массы тела птицы. Если препарат рассчитывается на группу птиц, то желательно провести перерасчет на массу всего поголовья. Иногда расчет препаратов производят, исходя из количества потребляемой воды и корма. Этот расчет менее точный, так как могут быть значительные колебания в приеме корма и воды. Однако этот метод ввиду простоты дозирования можно также применять. Выбор дозы препарата зависит от возраста, приема

Лекарственные препараты, рекомендуемые для лечения птиц

Показания к применению	Препарат	Дозировка и способ применения
1	2	3
Расстройства кишечника от кормовых интоксикаций	Активированный уголь	1/16 ч таблетки на прием утром и вечером
	Бисептол	1/8 ч таблетки на прием растворить
	Зоосорб	30 мг на 1 прием с кормом или с водой
Расстройства кишечника бактериальной и вирусной этиологии	Бисептол	50 мг на 1 прием с кормом 2 раза в день

Инфекции дыхательных путей	Ампициллин	50 мг препарата на 0,5 мл воды закапыванием в клюв по 1-2 капли 2 раза в день
Истощение, плохое оперение	Биологоль	1 ампула на 100 мл воды, выпивать 2 дня подряд
	Глюкоза	5%-ный водный раствор для выпаивания
	Витамин С	30 мг на 1 прием
Аллергическое воспаление кожи, гнойничковый дерматит	Фторокорт или преднизол (мазь)	Смазывать пораженные участки кожи 2 раза в день
Некротические поражения кожи	Неомицин	Аэрозольная обработка 5%-ным водным раствором 3 раза в день по 5 сек.
	Неомицин (мазь)	Смазывать пораженные участки кожи
Гиповитаминозы Общий упадок резистентности	Ундевит	Одно драже измельчить на 100 г зерносмеси
Возбуждение, поедание перьев, самоощипывание	Реланиум	Одну таблетку измельчить на 100 г корма
Задержание яйца	Мерказолил	0,1 мл для подкожной инъекции
Чесотка восковицы клюва, ног	Рыбий жир Березовый деготь	Наносить на пораженный участок тела 2-3 раза до выздоровления
Подагра Интоксикация	Неоатофан	Выпаивание 3%-ного водного раствора 3-4 дня

корма, воды. Молодняк более чувствителен к препаратам по сравнению с взрослой птицей, что можно объяснить высоким уровнем обмена веществ, быстрому всасыванию препаратов. Молодняк в период роста потребляет больше кормов, чем взрослые, из расчета на единицу массы тела, поэтому дозирование препаратов с кормом должно быть наиболее точным.

При выборе препарата нужно учитывать биологические особенности того типа птицы, которому назначается препарат, высокую чувствительность к четыреххлористому углероду и четыреххлористому этилену. Сдерживает применение некоторых препаратов с водой их плохая растворимость, кроме того, имеет значение качество воды, загрязнение ее пометом, кормом приводит к понижению эффективности лекарств. При даче препарата с питьевой водой необходимо учитывать, что потребление воды увеличивается в жаркую погоду.

Дача лекарств с кормом имеет некоторые преимущества, так как можно вводить лекарства, нерастворимые в воде, корм задерживается в кишечнике

дольше, чем вода, поэтому лечебный эффект развивается постепенно. Высокие концентрации горьких веществ в корме затрудняют лечение. При введении фуразолидона, фурагина и некоторых других нитрофурановых препаратов, во избежание горького привкуса в питьевую воду необходимо добавлять сахар, глюкозу.

Лучше если препарат задают в утреннее время с кормом или водой, когда наиболее выражен аппетит и потребление воды.

При угнетении и тяжелом состоянии птицы вследствие заболевания происходит понижение аппетита или полный отказ от корма, поэтому лечебный эффект не достигается. В таких случаях желательно индивидуальное введение лекарственных препаратов в виде пиллюль, в капсулах с помощью шприца.

Применяя комбинированные препараты, следует помнить об их совместимости, например, микроэлементы могут разрушать витамины А и Е, особенно высокой разрушающей способностью витаминов обладает перманганат калия. Для предотвращения его побочного действия желательно витамины давать с кормом утром, а затем воду с раствором перманганата калия через 3-4 ч, т.е. когда корм эвакуировался из желудка в кишечник.

Summary

B.F. Bessarabov. *Infectious Diseases of Decorative birds and Songbirds*

Based on personal research of many years and information published by other authors, an article gives a brief description of diagnostic, treatment and prophylactic of ornithosis, bird influenza, Newcastle disease, paramyxoviral infection, smallpox, viral hepatitis, infectious sinusitis, pseudomonas, colibacteriosis, tuberculosis, staphylococcus, streptococcus, pasteurellosis, respiratory mycoplasmosis, and salmonellosis. The article also provides general information on the medications used for treatment of birds.

ЭТИОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ ХЛАМИДИЙ В ПАТОЛОГИИ ДЕКОРАТИВНЫХ И ДОМАШНИХ ПТИЦ

А.В. Кострова¹, О.Т. Муллакаев², Р.Х. Равилов²

¹ МУК «Казанский зооботанический сад»,

² ФГОУ ВПО «Казанская академия ветеринарной медицины
им. Н.Э. Баумана»

Хламидиоз является классическим антропоозом, представляющим постоянную угрозу для человека и животных вследствие полифагизма и выраженного пластицизма ее возбудителя.

Хламидии выделены примерно у 200 видов животных, среди которых, наряду с теплокровными, рыбы, амфибии, моллюски, членистоногие. Среди птиц хламидиоз (орнитоз-пситтакоз) получил широкое распространение, особенно у попугаев, голубей, уток, индюков и гусей, всего заболевание установлено более чем у 130 видов птиц.

Значительное распространение хламидиоза наблюдается среди домашней птицы. Вспышки этого заболевания отмечены на птицефермах США, 1950-1960 гг., в Европейских странах среди уток, гусей, кур и индеек (Johnson, 1984). По данным К.Е. Arzey с соавт. (1990) в Австралии заражение хламидиозом в основном происходит при контакте домашних и диких птиц. Диагноз на хламидиоз подтверждён обнаружением при микроскопировании хламидийных элементарных телец.

Н.С. Евдокимова с соавт. (1975) при изучении орнитоза в Казахстане установили, что сыворотки уток и кур в РСК реагировали с орнитозным антигеном в 7,5-12,7% случаев. Авторы предполагают, что причиной значительного распространения хламидиоза среди домашней птицы связано с тем, что Южный Урал и Северный Казахстан являются местом пересечения путей перелета и частичного гнездования диких птиц.

Тесная этиологическая связь утиных птицефабрик с основными природными резервуаром возбудителя орнитоза – голубями изучали Н.С. Насретдинова с соавт. (1991). Серопозитивность уток и голубей в ИФА составила соответственно 59,9 и 39,1%, в РСК – соответственно 14,9 и 26,1%.

Несмотря на то, что в наше время орнитоз среди людей регистрируется крайне редко, а ввозимые из-за рубежа декоративные птицы подвергаются ветеринарному осмотру и карантинированию, опасность заражения людей хламидиозом от декоративной и домашней птицы остается актуальной проблемой.

Владельцы декоративных птиц не всегда информированы о возможности заражения хламидийными инфекциями от своих питомцев. В последние годы, благодаря большому числу публикаций о хламидиозе декоративных птиц, как в специальной литературе, так и в средствах массовой информации, а также активной просветительской работе ветеринарных специалистов г. Казани, населе-

ние стало чаще обращаться за помощью к ветеринарным специалистам по поводу диагностики хламидиоза.

В качестве лабораторных тестов для диагностики заболевания мы использовали люминесцентную микроскопию мазков-отпечатков, которую выполняли в непрямом варианте, и РСК для выявления хламидийных антител в сыворотках крови животных. РСК проводили с орнитозным антигеном согласно “Методическим указаниям по лабораторной диагностике хламидийных инфекций у животных”.

В этой публикации мы описываем несколько случаев установления этиологической роли хламидий в патологии птиц, владельцы которых обратились за помощью к ветеринарным специалистам Лечебно-консультативного центра Казанской государственной академии ветеринарной медицины (ЛКЦ КГАВМ).

В первом случае поступил волнистый попугайчик, принадлежащий одному из детских дошкольных учреждений. При сборе эпизоотологического анамнеза нами установлено, что птица поступила в детский садик несколько месяцев назад, она содержалась в клетке в живом уголке. Дети очень любят попугая и постоянно с ним контактируют: кормят, берут в руки. За несколько недель до визита в ветеринарную клинику у попугая воспалились глаза, сначала один, затем другой. Птица была угнетена, ее пищевая возбудимость заметно снизилась. Опасаясь за здоровье детей, сотрудники детского садика принесли птицу на прием к ветеринарному врачу.

В период с 2003 с подозрениями на хламидийную инфекцию нами были подвергнуты исследованию более 10 попугаев.

В 2004 г. в ЛКЦ КГАВМ обратился владелец канарейки. У канарейки около года периодически регистрировалась диарея, которая не поддавалась терапии общепринятыми методами. При сборе эпизоотологического анамнеза нам удалось установить, что этого владельца птица живет уже более 13 лет. Три года назад в их доме появился волнистый попугай. Клинически он был здоров. Канарейку из клетки не выпускали, а попугай свободно летал по комнатам, при этом попугай любил подлетать к клетке канарейки. Через некоторое время попугай погиб от случайной травмы, а незадолго до этого у канарейки появилась диарея. За три месяца до визита к нам у канарейки появился конъюнктивит. Характерным было то, что конъюнктивит был односторонний и очень вяло развивался.

В 2005 г. в Лечебно-консультативный центр Казанской государственной академии ветеринарной медицины (ЛКЦ КГАВМ) поступил декоративный голубь, принадлежащий владельцу голубятни (г. Казань).

При сборе эпизоотологического анамнеза нами установлено, что в голубятне содержатся около 100 голубей разных пород. В апреле 2005 г. владелец голубятни приобрел 8 новых птиц, которые без профилактического карантинирования были сразу помещены в общую голубятню. Через 1-2 недели среди вновь поступивших и “аборигенов” появилось заболевание, которое характеризовалось поражением верхних дыхательных путей и конъюнктивитом. Всего

заболело 7 голубей, в том числе 2 вновь поступивших и 5 ранее содержавшихся в этой голубятне птиц.

В феврале 2006 г. в Лечебно-консультативный центр Казанской государственной академии ветеринарной медицины (ЛКЦ КГАВМ) поступил домашний индюк, принадлежащий частному владельцу (г. Казань).

При сборе эпизоотологического анамнеза нами установлено, что у этого хозяина содержатся несколько индюшек. Полгода назад владелец индюшатни приобрел г. Москва годовалого индюка. За неделю до обращения в ЛКЦ КГАВМ у него появились признаки поражения органов дыхания. При клиническом осмотре было установлено, что индюк сильно истощен, у него регистрировались: односторонние катаральные синусит и ринит, а также односторонний же гнойный конъюнктивит.

У всех птиц, подозрительных по заболеванию хламидиозом, были взяты мазки-отпечатки с конъюнктивы глаз и кровь для получения сыворотки.

Люминесцентным методом у четырех попугаев, канарейки, голубя и индюка в клиническом материале было выявлено специфическое свечение хламидийного антигена, которое было оценено на 4 “креста”, в сыворотках крови этих птиц были обнаружены специфические противохламидийные антитела в диагностических титрах.

Ввиду высокой степени опасности заражения зооантропонозной инфекцией, а также согласно инструкции по профилактике и ликвидации орнитоза птиц (лечение больных запрещено), все больные птицы были подвергнуты эвтаназии. При убое больных голубей мы брали кровь для серологических исследований, в сыворотке крови 6 из 7 больных голубей были обнаружены специфические противохламидийные антитела в диагностических титрах.

При вскрытии индюка, кроме перечисленных видимых клинических признаков были зарегистрированы:

- обширное поражение легких;
- множественные очажки некроза в селезенке и печени;
- гнойное воспаление скопления лимфоидной ткани в области гортани и глотки.

Для уточнения патологоанатомического диагноза материал был взят для гистологических исследований, результаты которых позволят установить более точную картину патологического процесса в организме больного индюка. Кроме того, следует отметить, что мы далеки от мысли, что гибель этой птицы могла произойти только от хламидиоза. Злокачественный характер заболевания, скорее всего, говорит о смешанной инфекции.

При бактериологических исследованиях в патологическом материале были выявлены грамположительные и грамотрицательные бактерии, вполне возможно также участие в ассоциации небактериальной микрофлоры (вирусы, микоплазмы, грибы и др.), выявить и идентифицировать которую нам не представлялось возможным.

Представленные данные требуют подтверждения другими лабораторными методами. Исследования в этом направлении будут продолжены. Однако

следует отметить, что значительное инфицирование птиц вызывают у нас серьезную тревогу в плане опасности заражения владельцев.

Summary

A.V. Kostrova, O.T. Mullakaev, R.H Ravilov. *Etiological Role of Chlamydia in the Pathology of Poultry and Decorative Birds*

Luminescent assay of clinical samples collected from four parrots, a canary, a pigeon, and a turkey, detected specific luminescence evaluated at the rate 4. Diagnostic titers for specific anti-Chlamydia antibodies have been revealed in the serum samples of these birds.

КОКЦИДИОЗ У ПТЕНЦОВ СЕРОЙ ВОРОНЫ (*Corvus cornix*), ЕГО ЛЕЧЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА

О.В. Перепелкина, О.Ф. Лазарева

Биологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

В 1998-99 гг. в лаборатории физиологии и генетики поведения (Биологический факультет МГУ) проводились исследования онтогенеза поведения врановых птиц. Мы выращивали птенцов серой вороны, которые попадали к нам в возрасте не более 40 дней. Следует отметить, что в 1970-е годы в лаборатории такая работа проводилась в течение 5-6 сезонов, и около 70% птиц благополучно доживали до года и даже до трех лет (устное сообщение З.А. Зориной). Мы же столкнулись с высокой смертностью молодняка. Причиной оказалась инвазия – кокцидиоз.

Кокцидиоз (эймериоз) – распространенное заболевание птиц, вызываемое простейшими, которые относятся к отряду **Coccydia**, семейству **Eimeriidae**, подсемейству **Eimeriinae**. Кокцидии (эймерии) имеют сложную биологию развития, их цикл проходит через две стадии: эндогенную – протекает в организме птицы и экзогенную – протекает во внешней среде. Паразит строго специфичен, и у каждого вида птиц паразитируют только ему присущие виды эймерий. Виды кокцидий различаются по месту локализации, иммуногенности, репродуктивной способности, вирулентности, чувствительности к антиэймерийным препаратам и тяжести вызываемого ими заболевания. Иногда в кишечнике одной птицы можно обнаружить несколько видов эймерий. Особенно сильно от кокцидиоза страдает молодняк, смертность которого может составить 80-100% поголовья. Источники возбудителя инфекции – больная птица и эймерионосители. Путь заражения – алиментарный. (Диагностика болезней и отравлений птиц, 1966; Артемичев, 1972; Справочник ветеринарного врача, 1996; Справочник ветеринарного врача, 2002).

Наиболее тяжелый период заболевания связан со стадией шизогонии (массового выхода кокцидий из клеток кишечного эпителия). Через 10 дней они образуют ооцисты, которые выходят с пометом во внешнюю среду, где могут сохраняться более года. В помете переболевшей птицы можно обнаружить ооцисты эймерий в течение 7,5 мес.

Симптомы. У вороны симптомы заболевания не отличаются от таковых у сельскохозяйственных птиц. Заболевшая птица быстро худеет, угнетена, плохо ест и испытывает повышенную жажду. Помет ядовитого буро-зеленого или кирпично-красного цвета, заметны сгустки крови.

По нашим наблюдениям, совпадающими с литературными данными о развитии кокцидиоза у домашних птиц (Диагностика болезней и отравлений птиц, 1966; Артемичев, 1972), у ворон можно выделить сверхострое, острое, подострое и хроническое течение болезни. При сверхостром течении гибель

птицы наступает менее чем за 8 часов, симптомы проявляются бурно и непосредственно перед гибелью птицы. В 1998 г. нам не удалось вылечить ни одну птицу со сверхострым течением болезни, возникали затруднения даже со своевременной постановкой диагноза. При остром течении смертность очень высока, гибель может наступить через 1-2 суток. Характерен профузный (не останавливающийся) понос, иногда с небольшой примесью крови, основные симптомы ярко выражены. При подостром гибель может наступить через 3-5 суток. Прогноз осторожный, в половине случаев возможно выздоровление. При хроническом течении заболевание протекает вяло, длится около 14 дней, смертность невысока, но повышается при реинвазии.

У птенцов болезнь, как правило, протекает в сверхострой и острой форме, поэтому среди них переболевших птиц остается немного. Для взрослых характерна подострая и хроническая форма, поэтому они являются основными носителями заболевания. При этом они выглядят здоровыми, но продолжают выделять ооцисты во внешнюю среду.

Диагностика. Для диагностики кокцидиоза мы производили исследование помета методом Фюллеборна (флотационный метод) (Котельников, 1984). Для этого в перенасыщенный раствор поваренной соли (450 г/л) помещали разведенный и процеженный помет, раствор перемешивали и отстаивали в течение 10 минут. Далее с поверхности проволочной петлей брали три капли и размещали их на предметном стекле. Препарат просматривали сначала при увеличении 80х, а при необходимости под покровным стеклом при увеличении 400х.

Поскольку кокцидиоз – высокозаразное заболевание, то для первичной постановки диагноза мы делали общий анализ помета всех птиц, содержащихся в вольере, и, найдя эймерий, для дальнейшего лечения проводили индивидуальную диагностику. При этом подсчитывали количество эймерий в поле зрения микроскопа, стадию их развития, наличие сгустков крови, крахмальных зерен и жировых капель. Обязательно проводили патологоанатомическое исследование. Особое внимание при этом мы обращали на органы пищеварительного тракта.

Из 7 птенцов, погибших от кокцидиоза в возрасте 3 месяцев, в период с 20 июля по 17 августа были воспалены различные отделы кишечника: у 3 были воспалены 12-перстный и тонкий отделы кишечника, у 2 – только 12-перстная кишка, и у 2 птиц были воспалены все отделы кишечника. Это позволяет нам предположить, что мы столкнулись, как минимум, с тремя разными видами эймерий. Также имеются различные патологические изменения печени, желчного пузыря и брыжейки.

Лечение. Лечение мы стали проводить тетрациклином. Выпаивали птенцов антибиотиком в течение трех дней в дозе 12500 ед, но положительного эффекта не наблюдалось. Несмотря на лечение две из девяти птиц погибли. Тогда мы исследовали посевы на мясопептонный агар смывов из кишечника мертвых птиц и смывов помета живых на устойчивость к антибиотикам. Для разделения сапрофитной и патогенной микрофлоры часть посевов инкубировали при

t = 25° С, а другую при t = 37°С. В обоих случаях микрофлора оказалась устойчивой к сульфадиметоксину, тетрациклин оказал очень слабый положительный эффект, наиболее сильное действие оказал левомицитин.

Таблица 1. Патологические изменения органов желудочно-кишечного тракта, наблюдавшиеся у слетков, павших от кокцидиоза, летом 1998 г.

№ птицы	Цвет печени	Внешний вид желчного пузыря	Внешний вид брыжеек	Цвет слизистой 12-перстной кишки	Цвет слизистой тонкого кишечника	Цвет слизистой толстого кишечника
1	задняя доля зеленая	норма	норма	1/3 темно-зеленая	Норма	норма
2	1/2 с дорсальной стороны темно-зеленая	норма	норма	темно-зеленая	Норма	норма
3	зеленый участок d=1,5 см	увеличен в 1,5 раза	дряблые опухшие	бурая	красная	норма
4	1/4 зеленая	увеличен в 0,5 раз	дряблые опухшие	багровая	красная	норма
5	в месте выхода желчных протоков желтая	дряблый, очень мало желчи, желчь светло-желтая	дряблые опухшие	багровая	красная	бурая
6	в месте выхода желчных протоков желтая	дряблый, очень мало желчи	дряблые опухшие	багровая	красная	норма
7	норма	дряблый, очень мало желчи	дряблые опухшие	багровая	красная	бурая

Лечение продолжили левомицитином в следующем разведении – 0,5 г антибиотика растворяли в 20 мл воды. Давали по 2 мл перорально через день, 2-3 дачи; при остром течении болезни каждый день, в течение 2-3 дней. Хороший

эффект оказывают внутримышечные инъекции престимола (иммуностимулятора) в дозе 0,2 мл одновременно с первой дачей антибиотика.

К сожалению, в 1998 году от реинвазии погибло еще 5 молодых птиц и в живых осталось только 2 слетка. Все взрослые птицы благополучно перенесли заболевание.

В 1999 г. мы опробовали швейцарский препарат "Тримонакс" для лечения кокцидиоза у кур, индеек и голубей, любезно предоставленный профессором Института Анатомии в Цюрихе Х.-П Липпом. У всех птенцов, поступивших в конце мая начале июня 1999 г., были обнаружены эймерии и у одного птенца начался сверхострый приступ кокцидиоза: резко ухудшилось состояние, начался профузный кровавый понос, птица сидела нахохлившись, не реагируя на раздражители, отказалась от еды и питья. Для его лечения применили "Тримонакс" в разведении 1:5 (а не 1:10, как рекомендовано в инструкции). Препарат давали четыре раза в день в течение трех дней. Уже через два часа после первой дозы состояние птицы заметно улучшилось, прекратился понос. Отметим, что по данным 1998 г. сверхострая стадия кокцидиоза неизбежно приводила к гибели птенца через 8 часов. Остальным птенцам препарат давали в той же последовательности, но в разведении 1:10, как указано в инструкции. После лечения "Тримонаксом" для стимуляции пищеварения и укрепления иммунитета птенцам давали чесночный сок (2 ст. л. на литр воды в течение 9 дней). Оказалось, что подобное лечение в сочетании с правильным, сбалансированным питанием (см. ниже), приводит к очень хорошим результатам. Хотя на протяжении лета 1999 г. у всех птенцов в помете были обнаружены одиночные эймерии, вспышка кокцидиоза больше не повторялась.

Как показывают наши данные, у птиц, перенесших кокцидиоз, наблюдаются различные расстройства пищеварения. Особенно плохо они усваивают мясо. Мы рекомендуем на время болезни перевести птиц на диету из запаренного геркулеса или вареного риса с морковью или одуванчиками. Также целесообразно провести индивидуальный анализ помета птицы и в зависимости от ее состояния ввести в рацион специальные добавки.

Наличие в пробе жировых капель свидетельствует о плохой работе печени и желчного пузыря. В этом случае целесообразно вводить в рацион аллохол и липоевую кислоту. Если в пробе обнаружены крахмальные зерна, то, вероятно, наблюдается недостаток желудочных ферментов. Чтобы предотвратить брожение из-за избытка крахмала, мы рекомендуем давать активированный уголь. В обоих случаях в качестве общеукрепляющих веществ можно давать препараты, содержащие культуру кишечных бактерий (например, "Хилак"), витамины групп В и С, глюкозу или метионин.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что для лечения кокцидиоза у серых ворон лучше использовать кокцидиостатики ("Тримонакс"). Интересно опробовать отечественные кокцидиостатики (кокцидиовит, химкокцид и т.п.). Для профилактики реинвазии в питьевую воду один раз в три дня мы добавляли перманганат калия до бледно-розового окрашивания.

Профилактика. Для профилактики кокцидиоза весной и летом необходимо добавлять в питьевую воду перманганат калия (до бледно-розового окрашивания) каждые три дня в течение месяца. Можно добавлять в питьевую воду чесночный сок (1 ст.л. на 10 л воды в течение 9 дней), а в корм – чесночное масло (2 ст.л. на 10 кг корма в течение 9 дней).

Таблица 2. Рацион для молодняка ворон на 1 птицу в сутки (6 кормлений)

Корма и добавки	Масса	Примечание
Печень или сердце	150 г	
Творог	150 г	
Глюконат кальция	0,25г	Можно заменить молотой яичной скорлупой
Метионин+цистин	2,5 г	
Лизин	3,5 г	
Витамин А	15000 МЕ	Рыбий жир и подсолнечное масло ¹
Витамин D	1500 МЕ	
Витамин E	0,02 г	
Витамин B1	0,02 г	Не использовать поливитамины, поскольку дозировка в них не совпадает с рекомендуемой
Витамин B6	0,04 г	
Витамин B12	0,025 мг	
Витамин К	0,02 г	
Фолиевая кислота	0,01г	
Ацидил-пепсин	0,5 г	Добавляется в мясо птенцам до 2 мес. за несколько минут до еды

¹ Мы рекомендуем добавлять витамины А, D, E в виде рыбьего жира и нерафинированного подсолнечного масла, поскольку добавление их в чистом виде может легко привести к отравлению птицы из-за передозировки или из-за быстрого разложения на свету. Кроме того, с маслом вводятся жирные кислоты (линолевая, ланолиновая и арахидоновая) необходимые птицы для формирования перьев.

Необходимо раз в неделю тщательно убирать клетки и вольеры и дезинфицировать кормушки и поилки. Мы рекомендуем раз в месяц делать общий анализ на наличие эймерий у птиц в вольере. Для вновь прибывающих птиц обязательно проводить 10-дневный карантин, причем в первый и десятый дни карантина брать пробы помета на анализ.

По мнению ряда исследователей (Klasing, 1998) сбалансированное кормление – один из наиболее эффективных способов профилактики кокцидиоза. В

1999 г. нами был разработан и использован сбалансированный по основным показателям рацион.

Предложенный рацион оказался весьма эффективным - за исключением единственного случая, который, вероятно, связан с исходно тяжелым состоянием птицы, не было отмечено ни одного случая заболевания кокцидиозом у птенцов серой вороны при вольерном содержании.

Однако, несмотря на хороший уход и кормление все девять птенцов погибли от разрыва стенки правого предсердия в середине августа. При вскрытии были обнаружены другие патологии сердца: расслоение миокарда, пузырьки газа под перикардом, истончение стенок желудочков, перегородка в желудочке, недоразвитое сердце (малый объем).

В 1998 году две выжившие после кокцидиоза птицы и годовичок, поступивший позже, погибли по аналогичной причине. Помимо патологий строения сердца нами были обнаружены отклонения в строении других органов: печени, желчного пузыря, желудка. Причины этого явления неясны. Подобная патология может быть связана с ухудшением экологической обстановки в городах, с повышенным содержанием тяжелых металлов в органах и тканях у птенцов (Родзин, Константинов, Федоровский, 2001), с какими-либо врожденными отклонениями, с нарушениями инкубационного периода и т.д. В связи с этим следует обратить внимание на данные орнитологов о снижении численности врановых птиц в г. Москве и других регионах (Рогова, Скрибко, 1999; Корбут, 1999; Чернышов, Орлов, 1999; Козлитин, Лебедев, 1999).

Авторы выражают благодарность Л.Н. Романенко, И.В. Тимерину и Н.В. Вышивкиной за помощь в диагностике заболеваний и лечении животных.

Литература

Артемичев М.А. Рецептурный справочник по болезням птиц. М.: "Колос", 1972.

Диагностика болезней и отравлений птиц. М.: "Колос", 1966.

Козлитин В.Е., Лебедев И.Г. Динамика плотности гнездовой популяции серой вороны в Москве. Экология и распространение врановых птиц России и сопредельных государств: Материалы V конференции орнитологов стран СНГ – Ставрополь: СГУ, 1999. С. 106-107.

Котельников В.А. Гельминтологические исследования животных и окружающей среды. М.: "Колос", 1984.

Корбут В.В. Механизмы урбанизации и депрессия численности врановых. Экология и распространение врановых птиц России и сопредельных государств: Материалы V конференции орнитологов стран СНГ – Ставрополь: СГУ, 1999. С. 112-114.

Рогова Е.В., Скрибко Л.К. Динамика гнездования врановых птиц Бульварного кольца Москвы. Экология и распространение врановых птиц России и

сопредельных государств: Материалы V конференции орнитологов стран СНГ – Ставрополь: СГУ, 1999. С. 130-131.

Родзин Е.В., Константинов В.М., Федоровский Н.Н. Эколого-токсикологический анализ тяжелых металлов в организме серой вороны в Люберецком районе Московской области. Врановые птицы в антропогенном ландшафте. Выпуск 4. Межвузовский сборник научных трудов. Липецк: ЛГПУ, 2001. С. 104-106.

Справочник ветеринарного врача. Алухов Н.М., Афанасьев В. И. и др., 2-е изд., -М.; "Колос", 1996. С. 142-146.

Справочник ветеринарного врача. Г. М. Андреев, В. У. Давыдов, В. С. Злобин и др., -СПб.: "Лань", 2002. С. 802-804.

Чернышов В.М., Орлов А.К. Продолжительность жизни и смертность грача по данным кольцевания на юге Западной Сибири. Экология и распространение врановых птиц России и сопредельных государств: Материалы V конференции орнитологов стран СНГ – Ставрополь: СГУ, 1999. С. 143-145.

Klasing K.C. Nutritional modulation of resistance NJ infectious diseases. *Poult. Sci.* v. 77. 8. p. 1119 – 1125.

Summary

O.V. Perepelkina, O.F. Lazareva. *Coccidiosis in the Chicks of Hooded Crow (Corvus cornix), Its Treatment and Prophylactics*

Various digestion problems have been observed in birds those earlier showed clinical symptoms of coccidiosis. Meat was particularly difficult for the birds to digest. A diet of steamed oats or boiled rice with carrots or dandelion is recommended to be fed to ill birds. It is also advisable to do analyses of dropping samples of individual birds and depending on the bird's condition, to add specific supplements to its diet. Coccidiostatics, such as Trimonax, have been found to produce most sounded therapeutic effect in the treatment of coccidiosis in hooded crows. Nutritionally balanced diet has been developed and tested as a prophylactic measure against coccidiosis.

НОВЫЙ МАЛОТРАВМАТИЧНЫЙ МЕТОД ФИКСАЦИИ КРЫЛА С ЦЕЛЬЮ ОГРАНИЧЕНИЯ ПОЛЕТА У ПТИЦ

В.И. Головин

Киевский зоопарк, (38044) 236-79-05, Golovin2003@ukr.net

Оригинальность метода заключается в простоте, дешевизне, атравматичности и, самое главное, в обратимости функции полета птиц.

Суть метода заключается в продевании проволочного кольца через кожную складку в области верхней трети предплечья; данное кольцо имеет такой диаметр, что вся, ниже расположенная от места прокола часть крыла, находится внутри кольца и, в таком случае, кольцо препятствует раскрытию лучезапястного и запястно-пястного сустава до 180° и ограничивает этот угол в пределах 90° . В таком положении птица может производить взмах крылом, но из-за сильного уменьшения плоскости опоры с одной стороны, полет становится невозможным. Второе кольцо, диаметром (для крупных птиц: лебедь, гусь и др.) не более 3-4 см является ограничителем смещения первого кольца. Оно устанавливается на латеральной поверхности по переднему краю крылышка (запястья) методом продевания через кожно-мышечную складку так, чтобы не травмировать кости пястья, учитывая топографию крупных кровеносных сосудов в этой анатомической области.

Фиксация крыла лебедя проволочным кольцом.

Первые 5-7 дней не рекомендуется выпускать водоплавающую птицу на воду, чтобы исключить инфицирование ран и остановить вовремя возможное кровотечение из-за расклева травмированного места.

В дальнейшем, через 2-3 недели при благополучном заживлении, образуется на месте прокола свищевое отверстие с уплотненными вокруг него тканями, что не отражается на общем самочувствии и поведении птицы.

04.03.2004 г. я впервые поставил данное приспособление на правое крыло двум лебедям-шипунам содержащимся на пруду полувольным методом. У самки после установки колец раны не кровоточат; у самца после установки малого кольца из прокола началось сильное кровотечение, которое частично удалось остановить методом простого сжатия кровеносного сосуда пальпаторно на продолжительное время (25-30 мин).

Хотя потом, когда птицы начали терзать эти места клювом, то и у самца, и у самки проявлялось кровотечение умеренного характера и быстро останавливалось, при этом они находились на «малой воде» (то есть, в огражденной части пруда) до выздоровления.

Аппетит быстро восстановился. На момент осмотра 24.03.04г., птица в весе не потеряла; активная и т.д.

В этих местах у обеих птиц наблюдается и пальпируется локальное утолщение вокруг свищевого отверстия, на ощупь имеющее повышенную местную температуру. Болезненность установить сложно, так как птица очень дикая, активно вырывается из рук и на прикосновение и пальпацию этого места не реагирует. Выделений в этом месте нет (оперение чистое и белое). Хотя видны и пальпируются сухие ткани. У самки малое кольцо оказалось оторвано, за счет разрыва кожной складки переднего края запястья; причиной разрыва явилось чрезмерное натяжение ткани в этой области из-за установки кольца на 10-15 мм дальше, чем было необходимо. У самца место прокола малого кольца имеет сухой струп и повышенную температуру окружающих тканей. Но лебеди, когда их отпустили на «малую воду», активно плавают и держат крылья «шатром» над спиной (то есть, крылья не подвисают).

В июне того же года мной были установлены аналогичные кольца на крыло самки пеликана в Рижском зоопарке с целью ограничения полёта. Птица благополучно пренесла эту манипуляцию. Но в августе 2005 года она оборвала большое кольцо. Осталось малое кольцо. Я сообщил им о том, что достаточно если будет оставаться малое кольцо. Как показали события с лебедями, в марте 2005 года, то есть через год после установки ограничительных колец – самец лебедя потерявший оба кольца, из-за непрочности кожной складки, свободно летал. Но самка, оставшись только с малым кольцом, улететь не смогла и, таким образом, пара осталась на пруду. Я повторил операцию, но на этот раз установил кольца между костями «пальцев». При этом, это были только малые кольца. Через две недели лебедей выпустили на «большую воду», обе птицы больше в воздух не поднимались.

В июле 2005 года мной были установлены такие же кольца паре садовых крякв с целью ограничения полёта, цель была достигнута, птицы не смогли улететь.

В феврале 2006 года мной установлены такие же кольца двум голубям мясной породы «king», весом – 600 и 700 грамм. Но голуби не смогли взлетать только после того, как на кольца был подвешен груз массой по 7 грамм на особь. Через две недели у голубя весом 600 грамм сняли кольцо с грузом. Птицу взвесили - вес остался прежним, общее состояние и поведение сохранились. Птица свободно улетела.

Summary

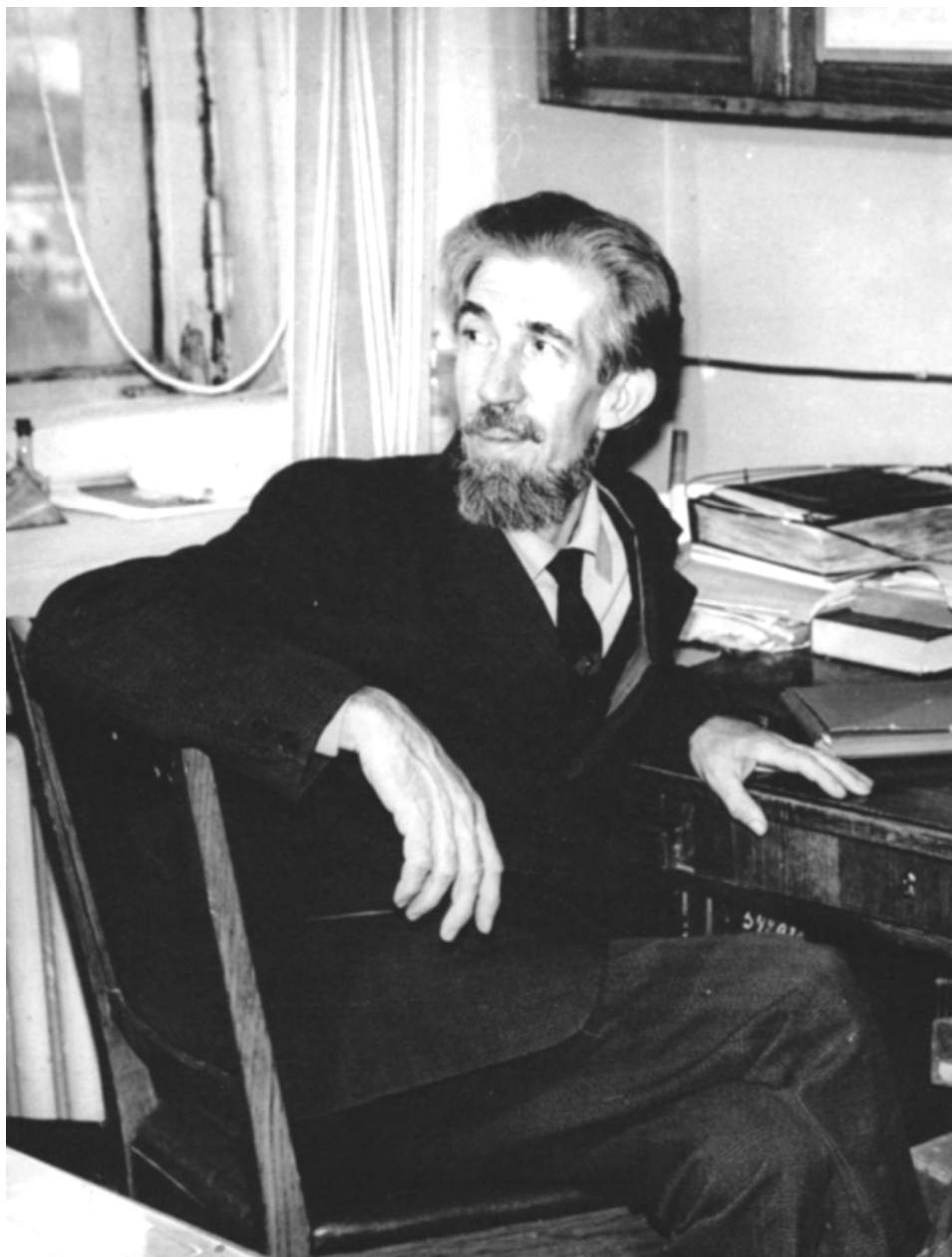
V.I. Golovin. *The Use of a New Non-Traumatic Method of Wing Fixation Meant for Limiting of Birds' Ability to Fly*

The article describes an original method that allows to temporary limit bird's ability to fly. The method is simple, cheap, non-traumatic, and, most important, reversible. In this method, a wire ring is put through the skin fold in the upper part of the bird's forearm. This method has been tested on swans, geese, ducks, pelicans, and pigeons.

Памяти профессора Р.Л. Бёме: к 80-летию со дня рождения

Предисловие

В этом году исполнилось бы 80 лет Рюрику Львовичу Бёме, одному из ведущих орнитологов нашей страны. Он всю свою жизнь посвятил птицам, изучению их экологии, распространению, поведению, особенно его интересовали птицы гор. Птицы были не только объектом исследования, но и

*В своем кабинете на кафедре зоологии позвоночных
Московского университета*

настоящей страстью ученого. В его доме всегда были птицы: и в детстве, и в ссылке в Казахстане, и во время учебы в университете, и до последних дней жизни.

Р.Л. Бёме родился 25 августа 1927 г. в г. Владикавказе в семье известного орнитолога, профессора Льва Борисовича Бёме. Раннее детство будущего ученого прошло в большой и дружной семье. В доме всегда было большое количество птиц, великими знатоками и любителями которых были и дед, и отец.

В 1938 году был арестован отец будущего исследователя. В октябре 1941 г., с началом войны, в село Большая Владимирка Павлодарской области Казахстана были высланы мать, тетя и сам Р.Л. Бёме. В годы Казахстанской ссылки Рюрик Львович прошел трудную школу колхозника от пастуха, бригадира тракторной бригады до забойщика на Майском руднике Кузнецкого металлургического комбината. После возвращения в г. Орджоникидзе (Владикавказ) в 1946 году, Рюрик Львович окончил 9 и 10 классы владикавказской школы (1946-48 гг.) и в 1948 году поступил на Биологический факультет Московского государственного университета. В 1953 году он окончил факультет и был зачислен чертежником в Зоологический музей университета. По рекомендации В.Г. Гептнера занимался систематикой оленей. Статья Р.Л., посвященная этому вопросу, до сих пор не утратила интерес для специалистов. С 1954 г. Р.Л. назначен хранителем отдела герпетологии и переведен на ставку старшего научного сотрудника Зоо-музея. Р.Л. Бёме всю жизнь интересовался и изучал птиц, он был признанным специалистом по систематике и зоогеографии птиц. В Зоо-музее он работал под руководством Г.П. Дементьева. Начиная с 1950-х гг. Р.Л. пополнял коллекцию ЗМ своими сборами птиц. Р.Л. защитил в 1958 году кандидатскую диссертацию по теме «Птицы Центрального Кавказа», и опубликовал ее в виде монографии в том же году. В 1964 г. Р.Л. был переведен ст.н.с. на кафедру зоологии позвоночных биологического факультета МГУ, а с 1976 г. он возглавил Орнитологическую лабораторию МГУ. После защиты кандидатской диссертации в печати появляются работы Рюрика Львовича по птицам высокогорных ландшафтов Альпийской горной системы. Они стали основой его докторской диссертации «Птицы гор Южной Палеарктики», защищенной в 1972 и изданной в виде монографии в издательстве МГУ в 1975 г. Эту работу с полным основанием можно назвать выдающимся событием в отечественной орнитологии.

Исторически очень важны усилия Рюрика Львовича по подготовке и изданию со своими коллегами целого комплекса определителей птиц и словарей. Не будет преувеличением сказать, что эти книги на целые десятилетия стали настольными изданиями и спутниками полевых работ многих поколений российских студентов, аспирантов и профессиональных орнитологов. Среди этих книг - «Птицы Центрального Кавказа» (1958), «Птицы лесов и гор» (1966, 1981) в соавторстве с А.А. Кузнецовым, «Птицы нашего края (средняя полоса Европейской части СССР)» в соавторстве с А.А. Кузнецовым (1968), фундаментальная книга «Птицы СССР» с цветными изображениями всех видов в соавторстве с В.Е. Флинтом, Ю.В. Костиным,

Рюрик Львович с Георгием Петровичем Дементьевым на кафедре зоологии позвоночных МГУ

А.А. Кузнецовым (1968; в 1984 г. книга издана в США на английском языке и получила высокую оценку любителей птиц и профессионалов), «Справочник названий птиц фауны СССР» на четырех языках, в соавторстве с Е.С. Птушенко, В.Е. Флинтон, С.М. Успенским (1972), «Птицы открытых и околородных пространств СССР» в соавторстве с А.А. Кузнецовым (1983), «Птицы разных материков» (1986) в соавторстве с А.А. Кузнецовым, «Птицы Грузии» (1987) в соавторстве с Р.Г. Жордания и А.А. Кузнецовым, «Птицы России» в серии Энциклопедия природы России (1996) в соавторстве с В.Е. Флинтон, А.Е. Черенковым, В.Л. Динецем. Особое место в этом перечне занимает огромный «Пятиязычный словарь названий животных (Птицы)», написанный в соавторстве с В.Е. Флинтон, включающий названия всех птиц мира (11060 названий). Этот словарь, ставший практически первым русскоязычным списком птиц мировой фауны, явился первым опытом по унификации и поиску русских эквивалентов имен птиц для всей мировой фауны.

Р.Л. Бёме был разработан метод эколого-географического анализа. Его книга «Горная авифауна птиц Южной Палеарктики (экологогеографический анализ)» (2001), написанная в соавторстве с его учеником Д.А. Баниным, является последним итоговым трудом, в которой обобщен весь материал по орнитогеографии горных систем Южной Палеарктики. Необходимость подобного труда ощущалась в течение многих десятилетий. В проблемах фаунистической типологии авифаун (Штегман, 1938) или зоогеографического районирования Палеарктики и Северной Евразии (Мензбир, Сушкин, Портенко и многие дру-

гие), авифауны гигантской системы альпийского орогенеза, простирающейся от восточных районов Китая, Тибета и Гималаев до Африканского Атласа, были камнем преткновения при разработке многих схем и принципов фаунистической типологии и зоогеографического районирования. В этой монографии составлены исчерпывающие списки птиц, характерных для всей системы Альпийских высокогорий от Тибета до Атласа, и очерчены экологические особенности всех 270 видов птиц этих высокогорий, сформулированы многие принципы, характерные для высокогорий морфобиологических адаптаций птиц, разрешены принципиальные загадки их экогенезов, осуществлено детально обоснованное районирование этой гигантской ландшафтной системы. Особое значение приобретает и разработка проблемы становления эндемизма горной авифауны. Выделенные и охарактеризованные пять горных зоогеографических провинций должны стать фундаментальной основой всех будущих схем зоогеографического и, возможно, ландшафтно-экологического районирования Палеарктики. Сформулированные исследователями принципы могут быть использованы и при аналогичном районировании горной системы Американского континента альпийской эпохи орогенеза.

За годы работы в Зоомузее и на кафедре Р.Л. совершил многочисленные экспедиционные поездки, изучая птиц в Вологодской области, в горных системах Кавказа и Средней Азии, в тайге Дальнего Востока и Приамурья, в тундрах низовья Индигирки и о. Врангель. Из всех поездок Р.Л. привозил богатый коллекционный материал. Будучи прекрасным таксидермистом, он собрал тысячи тушек птиц, большинство которых хранится в Зоологическом музее и на кафедре зоологии позвоночных МГУ.

Многие годы в стенах Московского университета Рюрик Львович читал фундаментальные курсы лекций по «Зоогеографии» и «Биологии птиц», вел занятия по «Систематике птиц». Под его руководством защищено более 30 кандидатских и ряд докторских диссертаций. Его последователи и ученики работают во всех уголках России и бывшего Советского Союза (в том числе и в стенах Зоомузея). Написанные им определители и книги помогли выбрать жизненный путь сотням, а может быть и тысячам молодых людей. Р.Л. Бёме был членом редколлегии сборника «Орнитология», «Трудов Всесоюзного орнитологического общества», 10-томника «Птицы СССР», «Красной книги СССР», «Красной книги Красноярского края». Был членом президиума Орнитологического общества СССР. За свои научные работы Р.Л. был награжден «Почетным дипломом Московского Общества Испытателей Природы» (1970), Дипломом ВДНХ (1988), премией Д.А. Сабина (2001).

И.Р. Бёме

Summary

I.R. Boehme. *Introduction*

One of the leading ornithologists of our country, Professor Ryririk Boehme would be 80 years old this year. He dedicated his life to studying birds, their ecology, distribution and behavior. He was especially interested in bird species that are found in the mountains. Birds were not only the subjects of his research, but also his real passion. His house was always full of birds, starting when he was a child, throughout his exile years in Kazakhstan, his student years and up to the last days of his life.

For many years Professor Boehme lectured at the Moscow University on zoogeography and bird biology, and conducted classes on bird taxonomy. He acted as a scientific advisor for many graduate students working on their dissertations. His students and followers are working in all areas of Russia and of the former Soviet Union, including the Zoological Museum of the Moscow University. The books authored by him helped hundreds and possibly thousands of young people to make decisions regarding their choices in life. Among these books are Guidebooks on Mountain Birds of the Southern Palearctic, Birds of the Central Caucasus, Birds of the USSR, Birds of the Open Spaces and Wetlands of the USSR, Birds of Georgia, Birds of Russia, The Dictionary of Animal Names in Five Languages (the bird section) and others. Professor Böhme was also on the Editorial Board of many other publications, like Ornithology, Proceedings of the All-Union Ornithological Society, the ten-volume edition of Birds of the USSR, the Red Data Book of the USSR, and the Red Data Book of the Krasnoyarsk Region. He was a member of the Presidium of the Ornithological Society of the USSR. For his research work he was awarded an Honorary Certificate of the Moscow Naturalist Society (1970), a Certificate of the All-Union Exhibition of Achievements of National Economy (1988), and the D.A. Sabinin Prize (2001).

РЮРИК ЛЬВОВИЧ БЁМЕ

(25.08.1927 – 5.06.2000)

Борис Вронский

Рюрик Львович Бёме – крупный ученый, один из ведущих орнитологов страны, доктор наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. О его научной деятельности подробно расскажут специалисты.

Рюрик, Рюрчик, Рюрка, Рюр, Князь – мой друг, прекрасный человек с тонким чувством юмора, скромный, отзывчивый, истинный джентльмен, надежный товарищ, честный, благородный.

После 1917 года это слово – благородный – стало чуть ли не ругательным. В результате имеем общество воров и взяточников. Верю, что слова Честность, Благородство, Честь когда-нибудь займут достойное место в лексиконе жителей России (очень надеюсь, что не на китайском языке).

Я хочу вспомнить наши студенческие годы, когда мы впервые встретились, познакомились, подружились и очень много времени проводили вместе – в быту, на занятиях в МГУ, на природе (и на охоте).

Рюрик на студенческой практике

Не помню по каким причинам Рюрик немного задержался с приездом в Москву после зачисления на Биофак и появился в нашей группе на одном из семинаров недели две спустя после начала занятий. Высокий, худощавый молодой человек с небольшими усиками, одетый неброско; почему-то запомнилась коричневая вельветовая курточка, кепка с коротким козырьком и, особенно, самый настоящий галстук (обычно молодежь нашего времени галстуков не носила). По виду, поведению – немного старше меня. Я был почти уверен, что он из фронтовиков. В те годы молодых ребят, прошедших войну, принимали в ВУЗы без конкурса, и их было довольно много на Биофаке и нашем курсе. Оказалось – не фронтовик, не дорос еще.

С однокурсниками в доме Вронских

После семинара мы вышли в вестибюль Зоомузея. Следующим предметом по расписанию была лекция по «Общей биологии». Между нами состоялся такой разговор:

- Рюрик – сказал он, протягивая руку.
- Борис, - ответил я, пожимая её.
- Что, хочешь пойти на эту лекцию?
- Да нет, не собирался.
- Пошли в кино.
- Пошли.

Напомню, что в год нашего поступления на Биофак МГУ (1948) прошла сессия ВАСХНИЛ, где официальным направлением биологической науки была утверждена «мичуринско - лысенковская биология», на многие годы остановившая в стране развитие генетики как «продажной девки империализма». Эта «биология» пыталась внедрить дарвинизм без внутривидовой борьбы и некоторые иные достижения диалектико-материалистической мысли типа этапности развития скачкообразного перехода одного вида в другой и прочего подобного.

Не помню уже автора, умудрившегося в короткие сроки слепить на этой основе курс «Общей биологии», которую нам, первокурсникам, выдавали за высшее достижение научной мысли. Читала этот курс некто Моховко – молодая, смазливая сподвижница Лысенко, с хорошо подвешенным языком, но полуграмотная в биологии даже с точки зрения вчерашних школьников.

Первоначальные попытки некоторых слушателей полемизировать пресекались ею решительно в духе немедленного присвоения звания «вейсманиста-морганиста» и внесения в черный список с последующим обсуждением в кулуарах деканата. После прослушивания двух-трех таких лекций некоторые студенты, несмотря на строгий контроль за посещаемостью, стали различными способами избегать их посещений.

С Аллой Давыдовной Бернштейн в Звенигороде на студенческой практике

Мы отправились в кинотеатр «Повторного фильма», расположенный буквально в двух шагах от Зоомузея, у Никитских ворот. Шел фильм «Остров сокровищ». Мы с большим удовольствием посмотрели этот фильм, мало соответствующий замыслу Стивенсона, но, на наш взгляд, отлично сделанный.

Фильм с прекрасными актерами (в том числе, Черкасов, Москвин), с песнями Дунаевского, которые в те годы пела вся страна: «Если ранили друга», «По морям и океанам», «15 человек на сундук мертвеца», колоритными пиратами и захватывающим сюжетом.

В разговоре довольно скоро выяснилось, что оба мы с периферии. Он – с южной (Казахстан, Северная Осетия), где отбывал ссылку его отец; я – с северной (Колыма, Якутия, Охотское побережье), где работали мои родители – геологи. Оба обожаем природу, охоту, любим держать дома собак и других животных.

Так состоялось наше первое знакомство и начало дружбы на всю жизнь.

Впоследствии мы частенько посещали этот кинотеатр при аналогичных обстоятельствах, реализуя указание В.И. Ленина – «Из всех искусств для нас важнейшим является кино» и компенсируя наш периферийный недобор в ознакомлении с этим искусством.

На первом курсе посещение лекций, особенно основополагающих с точки зрения нового биологического мышления, жестко контролировалось по спискам. Провинившихся ожидали нудные разборки на собраниях, а особо злостных – различные административные санкции вплоть до выговоров, лишения стипендий и даже отчисления. Поэтому на начало непопулярных лекций старались приходиться, чтобы отметить, а затем тут же уйти. Это называлось «слинять». Из Большой Зоологической аудитории можно было слинять через черный ход. Из Большой Ботанической – с верхнего яруса через окно по огромному дереву, ветви которого прилегали к окну почти вплотную.

Как-то раз мы использовали этот вариант «линьки», не помню сейчас с какой ультрасовременной лекции, чтобы посмотреть фильм «Индийская гробница».

Мы с Рюриком уже спустились по дереву и стояли внизу, задрвав головы, в ожидании третьего нашего спутника, Любомира, по фамилии Петрович. Когда он благополучно приземлился, мы обернулись и увидели стоящего позади нас Презента. После сессии ВАСХНИЛ он был назначен новым деканом Биофака. Тогда по факультету ходила фраза: «Уж если Берг – не гора и если Штерн – не звезда, то Презент однозначно не подарок».

– Следуйте за мной, – сказал декан и направился под арку, выходящую на улицу Герцена.

Мы немного постояли и пошли в сторону перехода, выходящего на Моховую. Как ни странно, этот эпизод обошелся без последствий, хотя мог закончиться весьма плачевно для нас. Даже на «Индийскую гробницу» мы тогда успели.

В начале первого семестра к нашей компании присоединился еще один наш однокурсник – Серёжа Бойко. Мы познакомились с ним в пору, когда он побывал на постановке «Синей птицы» Метерлинка. Из всего спектакля его больше всего восхитил эпизод, когда верный и преданный пес за очередную пакость обозвал обманщика и интригана кота – «Уу, саабака».

Серёжа щедро раздавал этот эпитет направо и налево, охотно объясняя непосвященным суть эпизода и, конечно же, за ним в скором времени прочно укрепились кличка «Саабака» или «Серёжка – Собака».

Впрочем, в своем кругу мы, трое, скоро сформировали клан «собак» и гордо носили это звание, поскольку все любили и уважали этих представителей животного мира за присущие им честность, верность, преданность и т.д.

И старались придерживаться этого принципа в наших дружеских потасовках.

Будучи сыном профессора биологии и выросши в семье большого любителя птиц, содержавшего дома иной раз больше сотни особей, Рюрик, конечно же, был намного более продвинут в биологии, чем большинство однокурсни-

ков. С раннего детства привык ловить птиц разными способами для содержания дома, добывать их для занятий отца, заведующего кафедрой в пединституте и затем преподававшего биологию. Для этих целей он использовал рогатку, а в качестве снарядов для нее – глиняные шарики разных размеров, которые скалывал из сырой глины, а затем высушивал и обжигал на огне. Во владении рогаткой он был настоящим мастером. Всегда носил в кармане маленькую, прекрасно отделанную рогатку и горсть дробы.

Мы часто посещали Московский Зоопарк, просто по душевной склонности. Помню, как в одно из посещений мы застали сотрудников в растерянности: подвезли некачественное мясо, и мелкие куньи остались без корма. Рюрик буквально за несколько минут настрелял из рогатки десятка два воробьев и проблема была решена. Надо было видеть, как он справлялся с этой задачей. Он очень стеснялся посетителей. Еще бы! Здоровый, усатый дядя занимается таким откровенно мальчишеским делом. Поэтому он всячески прятал рогатку, постоянно озирался, стрелял чуть ли не из-под полы и только тогда, когда, по его мнению, никто не смотрел в его сторону. Тем не менее, каждый выстрел попадал в цель. Благо воробьев в зоопарке всегда было множество.

Для проживания в Москве отец снимал для Рюрика комнату в огромной квартире покойного профессора Северцова, расположенной в «профессорском крыле» в здании Зоомузея. Сдавала комнату вдова Северцова – пожилая, художавшая, суровая женщина, с которой мы предпочитали общаться пореже. В комнату можно было попасть из центрального входа в Зоомузей – через анатомический музей – и со двора через парадный подъезд. Мы для упрощения также часто использовали дерево, растущее прямо под окном комнаты. Окно на втором этаже почти всегда было открыто, но за весь период проживания Рюрика в квартире никто ни разу не покусился на собственность хозяев.

Поневоле с грустью вспоминаешь о нравах, преобладавших в те годы в Москве, по сравнению с современными, когда для многочисленных похитителей не препоны ни замки, ни вахтеры, ни этажи (часто залезают в квартиры многоэтажек с крыш, используя альпинистскую технику и оборудование).

В просторной, светлой комнате с высокими потолками все свободные стены были уставлены стеллажами и великолепными книгами. Посреди стоял большой стол, а вдоль стен – три больших старинных дивана, в которых хранились в основном реликвии, вывезенные профессором из многочисленных экспедиций. Раза два мы заглядывали туда. Там были различные сабли, другое старинное оружие, различная ритуальная одежда разных народов, меха с печатями в виде зеленых двуглавых орлов и прочие раритеты.

Эта комната стала вскоре нашей штаб-квартирой, где можно было при нужде заночевать, удобно было готовить зачеты и экзамены в период сессий, фактически на месте их сдачи, просто собраться в дружеской кампании. Нередко здесь собиралось довольно много народу из числа наших сокурсников (мы трое, Володя Флинт, Алла Бернштейн), студентов-зоологов более старших курсов (Яша Гуревич, Володя Якоби, Борис Вепринцев, Иван Туров – он жил в

этом же доме), а также их друзей, из которых запомнились Гриша Дервиз, Иван Родионов.

Большинство из нас вело образ жизни самых обычных студентов, о которых в одной из популярных песенок того времени пелось:

*Студент бывает весел
От сессии до сессии.
А сессия всего два раза в год.*

Как уже упоминалось, Рюрик был хорошо подкован в биологии, особенно в области орнитологии, прекрасно знал птиц, легко определял их по голосам, умел набивать тушки для коллекции и делать чучела. Конечно же, он обучал всему этому и нас.

На первый урок он собрал человек шесть. Где-то раздобыл белую куропатку и решил сделать из нее чучело.

Мы все чинно расселись возле большого стола в его комнате, а он освободил часть стола от посторонних предметов, расстелил газету, засучил рукава и принялся священнодействовать.

Приятно было смотреть, с каким удовольствием и легкостью он работал. Кажется, в одно мгновение снял шкурку, вытащил кости и голову, промыл запачканные перья водой, обсушил их крахмалом и смазал кисточкой кости, голову и шкурку раствором мыльняка из бутылочки. Основное время занял у него процесс формирования искусственной тушки птицы из проволоки и пакли. Затем вставил в глазницы глаза (глаза для чучел продавались в зоомагазинах). Готовую тушку он вложил в снятую шкурку и немного повозился, придавая чучелу различными изгибами проволоки и дополнительными кусочками пакли и ваты задуманную форму. Затем вддел нитку в ушко иголки и с хитрым видом завязал на нитке узелок, причем не так, как это делают обычно швеи, затягивая петлю на пальце, а самый настоящий двойной узелок. После этого зашил шкурку по всей длине разреза, еще раз поправил форму, приладил объемные перышки и оставил готовое чучело сушиться. Куропатка получилась как живая. Весь процесс занял чуть больше часа, все его этапы Рюрик подробно комментировал. В результате мы получили полное представление о том, как это делается.

Легкость и быстрота, с которыми на наших глазах было сделано отличное чучело, внесло в наши будни некую излишнюю эйфорию и глубокое заблуждение в том, что с таким простым делом элементарно справится и ребенок.

Впрочем, очень скоро суровая действительность остудила наши головы, но поставила все точки над *i*. Сколько было впоследствии зубовного скрежета, пота, испорченных шкурок и карикатурных, перекошенных подобий чучел! Работа настоящего мастера в любом деле тем и отличается от работы ремесленника, что она выполняется легко и изящно, как бы сама собой. Мы, участники того первого урока, приложили впоследствии много сил и старания, чтобы ов-

ладеть мастерством чучельника, но ни один из нас так и не смог приблизиться к уровню Рюрика. По-видимому, тут нужен еще и талант.

Учебные программы всех факультетов университета весьма обширны. К сожалению, в период нашего обучения, в связи с известными событиями, из программы Биофака была фактически исключена генетика и, не знаю по каким соображениям, математика.

Тем не менее, многие предметы казались нам излишними. Каждый из нас уже при поступлении определился в общих чертах с тематикой своей будущей профессии. Рюр не мыслил себя вне сферы орнитологии, я колебался между зоологией позвоночных и ихтиологией. Изучение таких предметов как физика, органическая химия, микробиология, некоторые разделы ботаники и некоторые другие расценивались нами как излишняя потеря времени. Поэтому все предметы, быть может, не всегда осознанно, разделялись нами на две неравные группы, предназначенные одни – для внимательного и вдумчивого изучения, другие – лишь для формальной сдачи зачетов и экзаменов.

Профессор Л.А. Зенкевич, крупный ученый и прекрасный лектор, на одной из своих лекций посоветовал нам не думать, будто университет призван готовить из нас универсальных специалистов. Сейчас не помню дословно, но свою мысль он выразил примерно так: «Из вас готовят кошек, чтобы, когда вас возьмут за шкурку и бросят в жизнь, вы приземлились на все четыре лапы. То есть, за кратчайшее время с помощью полученных знаний и справочной литературы смогли работать в любой биологической специальности».

Эта мысль тогда очень нас вдохновила, но, как ни странно, утвердила в избранной ранее позиции о необходимости дифференцировать предметы по их значимости в нашей будущей деятельности.

Примерно с таким настроем мы пошли сдавать свой первый зачет по остеологии человека, лишь бегло просмотрев курс, и с треском провалились.

Наш преподаватель, Мина Яковлевна Кодес, чудесный человек и большая умница, сразу же нас раскусила и сказала:

– Убирайтесь и попробуйте у меня не сдать завтра.

Всю ночь мы прорабатывали курс и на следующий день блестяще сдали, хотя Мина Яковлевна как следует погоняла нас по всему разделу. На прощанье она сказала:

– Вот так бы сразу. – И дала ряд ценных советов на дальнейшую студенческую жизнь, в том числе порекомендовала никогда не зазнаваться.

Рюрик только однажды пренебрег этими советами и попал в довольно смешную ситуацию. Дело было значительно позднее, накануне экзамена по зоологии позвоночных, когда он заявил, что прекрасно знает предмет и может сдать его в любое время с закрытыми глазами. Эти неосторожные слова были произнесены при его отце и друзьях отца – В.Г. Гептнере и С.С. Турове. Можно представить, как покуражились три профессора над несчастным второкурсником. Они легко нашли в своем арсенале столько заковыристых вопросов, что Рюрик категорически отказался назавтра сдавать, и им пришлось приложить

немало стараний, чтобы уговорить его пойти на экзамен, который он, конечно, великолепно сдал.

Естественно, что к клану «лишних» предметов мы относили и общественно-политические «науки». Кстати, для большого числа студентов нашего времени был свойственен скептический образ мыслей в отношении этих наук, несмотря на то, что все они были со школьных лет членами ВЛКСМ.

Слишком очевидна была разница между внушаемой идеологией, продукцией средств массовой информации и реальной действительностью. Особенно ясно эта разница была видна нам, один из которых большую часть жизни провел в обстановке политической ссылки отца, другой – по месту работы родителей в зоне лагерей Колымы и Якутии. Правда, свой скепсис мы выражали лишь в обмене мнениями между собой, пересказами в тщательно отобранной среде острых политических анекдотов (скрытых последователей Павлика Морозова было на факультете не счесть) и колкими замечаниями по поводу освещения в печати той или иной актуальной проблемы. Любимым местом наших встреч перед какими-нибудь мероприятиями или поездками куда-нибудь был вестибюль Зоомузея. Огромный, просторный зал с высоченными потолками был расписан по стенам великолепными картинами Ватагина со сценами из жизни животных, под которыми красовались современные лозунги на кумачовых полосах. Помню, особое ехидное удовольствие нам доставлял призыв под изображением стада мамонтов, кочующих по доисторической тундре: «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина вперед к победе коммунизма». Или лозунг из арсенала новейшей биологии под картиной с тигром, набрасывающимся на оленя: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача».

Вот и весь скепсис. Однако бывали случаи, когда и за меньшее люди отчислялись из университета или попадали в места не столь отдаленные. На нашем факультете было немало таких случаев.

У нас с Рюриком было много общих интересов. Но, пожалуй, самым сильным увлечением была охота. Это тоже нашло отражение в упоминавшемся выше шутильном гимне:

*Не лезь вперед в любой работе:
Потехе время, - делу час.
Будь первым только на охоте
И бей всегда не в бровь, а в глаз.
Забудь навеки о заботе –
Такие лозунги у нас.*

И ему, и мне приходилось в тяжелые времена подкармливать своих близких охотничьими трофеями. Так что часто это было не просто увлечение, но и насущная необходимость. Такая ситуация, когда сочетаются любовь к делу и практическая заинтересованность в нем, может привязать к этому делу, пожа-

луй, более крепко, чем любое другое сочетание. Рюрик сохранил эту страсть почти до последних лет жизни. Когда уже отказывали и слух, и ноги, он находил способы и возможности посвятить некоторое время любимому делу. Его близкие рассказывают, что в последние годы он регулярно выезжал на глухариный ток вместе с В. Флинтотом, у которого были серьезные проблемы со зрением. Полуглухой Рюрик с полуслепым Флинтотом составляли отличный тандем и с глухариных токов, где необходимы и тонкий слух, и острое зрение, возвращались всегда с добычей.

Рюрик – довольно громоздкое имя, поэтому большинство его друзей и знакомых очень скоро начали называть его Рюр. Кроме того, в широких кругах зоологов за ним прочно закрепилась прозвище «Князь». Происхождение этого звания мне не совсем ясно. Думаю, что в основу его легко горское прошлое, подкрепленное некоторыми чертами характера, в том числе кавказским гостеприимством, верностью слову, благородством, умением и стремлением постоять за себя и друзей, порой даже при отсутствии острой необходимости.

В отличие от многих наших сокурсников, Рюрик всегда очень ответственно относился к данному им слову. В то время, как наше окружение широко использовало формулу: «Я хозяин своего слова – хочу дам, хочу возьму обратно», он считал верность данному слову делом чести. Вот один из примеров. Ранним утром мы с Рюриком шли из с. Лужки, где проходили ботаническую практику, в г. Серпухов, чтобы сесть на поезд в Москву. Я сдал досрочно зачет и гербарий, чтобы успеть в экспедицию на озеро Байкал. Рюрик отпросился на три дня, чтобы повидаться с отцом, приехавшим в Москву на короткое время. Мы уже прошли около 12 км, когда он вдруг вспомнил, что в спешке сборов забыл на тумбочке письма, переданные ему накануне членами нашей группы для отправки в Москве. Без тени сомнения он тут же повернул назад, оставив меня досыпать под деревом. И это при том, что через два дня в Москву собирался один из наших преподавателей, согласившийся взять основную корреспонденцию нашего потока. Почти весь путь туда и обратно и оставшуюся часть до Серпухова ему пришлось проделать бегом. На поезд (а они ходили тогда весьма редко) мы все же успели.

А уж если Рюр называл место и время встречи, можно было не сомневаться, что он будет там точно в назначенное время.

Чувство товарищества и ответственности за близких было у него в крови. Стоило ему увидеть или просто заподозрить, что его близкие или друзья подвергаются опасности, как он немедленно бросался на выручку. Впоследствии Ёлочка, его жена, говорила, что в общественных местах она постоянно была под его внимательным присмотром и опекой. Стоило кому-нибудь случайно толкнуть ее или оттеснить в толпе, как немедленно тянулась длинная рука и обидчик или мнимый обидчик бывал поставлен на место и в лучшем (для него) случае вынужден был приносить извинения.

Рюрик был прирожденным орнитологом и все время продолжал пополнять свою коллекцию птиц. Я ему активно в этом помогал. Уже с конца первого

курса мы ежегодно выписывали себе, по заявкам кафедры зоологии позвоночных, разрешения на право охоты в научных целях для пополнения его личной коллекции и фондов Зоомузея. Каждую субботу после занятий старались выезжать за город, чаще всего в район с. Голицыно, где у моей семьи было подобие дачи и можно было переночевать. С раннего утра и до позднего вечера воскресенье бродили мы по окрестным лесам и болотам в поисках дичи и интересных экземпляров птиц. Люди с ружьями, особенно вне пределов охотничьего сезона, нередко вызывали нездоровый интерес у окружающих. Иногда выяснение обстоятельств заканчивалось стычками с поездной или станционной шпаной. Рюрик бросался в схватку без колебаний с полным пренебрежением к соотношению сил. Он не отличался особой силой либо знанием каких-либо специфических приемов, но сочетание его роста с абсолютной уверенностью в победе и в том, что для ее достижения он не остановится ни перед чем, приводили противника в замешательство и вынуждали отступить.

Первые два года в МГУ мы с Рюриком почти не разлучались. Зимой на занятиях на факультете, летом на практике на разных биостанциях – в Болшево, в Лужках, в Чашниково. Особенно запомнилась зоологическая практика на втором курсе на Звенигородской биостанции.

Нас собралась небольшая группа любителей природы – Рюрик, Серенька, я, В. Флинт, И. Даревский, А. Бернштейн, Н. Алянская, Т. Дервиз–Соколова. Мы поселились в просторном шалаше в стороне от биостанции, в относительно глухом месте, называемом Милеевский овраг. Это был, конечно, не овраг, а довольно широкая долина небольшого ручья. Здесь мы жили по охотничьим законам, готовили у костра, на ночь разжигали нодью, так как ночи были прохладные, а мы не располагали излишней одеждой – только тем, что было на нас. В ближайших окрестностях мы проходили зоологическую практику под руководством Рюрика и В. Флинта – тоже знающего орнитолога. Из этого же шалаша делали вылазки на реку Сетунь, на озеро Глубокое – по ихтиологической программе. Временами мы посещали биостанцию для пополнения запасов продовольствия. Острословы нашего потока называли нас «Люди Флинта», заимствуя это название из очень популярной тогда песни Когана о Бригантине. С тех пор Звенигородская биостанция стала на долгие годы нашей основной загородной базой.

Несмотря на относительную близость к биостанции – около 2,5 км, эти места были полны живности. Днем и утром не смолкали птичьи хоры, по вечерам токовали рябчики, вдоль широкой долины ручья тянули вальдшнепы, бежали зайцы. Ночами мы несколько раз слышали где-то невдалеке дружный скулёрж волчат. Вероятно, мама-волчиха приносила что-нибудь вкусненькое из соседних деревень.

Иногда к нам на огонек заглядывали наши преподаватели. Как-то вечером зашли В.Г. Гептнер и Н.Н. Карташев. У нас по этому поводу «было», как говорит Жванецкий (ребята где-то достали спирт), хотя мы в те времена пили очень редко и, в основном, сухие вина. На закуску наши девушки приготовили

пшенную кашу из концентратов (наше обычное меню), открыли тушенку (деликатес). Гептнер выложил на стол порядочный кусок сала, который Рюр тут же нарезал своим охотничьим ножом крупными, аппетитными кусками. Застолье прошло в духе дружбы и взаимопонимания. Старшие в основном вспоминали забавные случаи из Звенигородской практики других курсов, были и охотничьи рассказы. О работе и учебе, как это принято в приличном обществе, не говорили. Закуски было явно маловато.

Я заметил, что Илья Даревский взял из миски кусок сала, пожевал его, явно не справился и деликатно положил обратно. Впоследствии Рюрик, Володя Флинт и Серенька говорили, что они уже жевали этот кусок, оказавшийся твердым, как подошва, и поступили с ним так же. В тот поздний вечер этот кусок пробовали жевать почти все члены нашей группы, а также гости, и каждый откладывал его на краешек миски (в те послевоенные годы выбросить даже жеванный кусок сала никто не решался). Когда гости ушли, мы обменялись наблюдениями по поводу этого куска и выяснили, что его не жевали только Нина Алянская и я, вовремя заметившие многократность его использования. Весь обжеванный, этот кусок был с позором выброшен в кусты. Но утром его там не оказалось. Однако ночью опять радостно скулили волчата.

После распределения по избранным специальностям (Рюрик – на кафедре зоологии позвоночных, я – на кафедре ихтиологии) мы стали реже встречаться на занятиях, а летом разъезжались на практику в разные концы страны. Тем не менее, пользовались любым удобным случаем для обмена визитами. Рюрик часто бывал у нас на даче в Голицыно и в нашей квартире в районе Сокола. Его очень любили в нашей семье. Я постоянно бывал у него, где мы в период сессий готовили экзамены и зачеты.

Уже на первом курсе нам довелось познакомиться с родителями Рюрика. Отец его, Лев Борисович Бёме, навещался в Москву не часто и ненадолго, буквально на несколько дней, и всегда это был самый настоящий праздник и для Рюрика, и для его друзей, и для друзей его отца. Обычно вечерами собирались однокашники Льва Борисовича – профессора С.С. Туров, В.Г. Гептнер, А.Н. Формозов, Г.П. Дементьев. Заходили на огонек соседи – Б.С. Матвеев, С.И. Огнев и другие, имена которых я сейчас не припомню, хотя в свое время Рюр мне их всех назвал.

Лев Борисович – невысокий, подвижный человек с совершенно седой густой шевелюрой был удивительно контактным и доброжелательным человеком: живым, остроумным, веселым, как принято говорить – душой общества. С нами, друзьями Рюрика, он моментально находил общий язык, сразу же вовлекал в беседу, причем делал это с таким пониманием и заинтересованностью, что очень скоро терялись всякие возрастные границы, и мы чувствовали себя в его обществе и компании его друзей, как среди своих сверстников. Мы все очень любили его, и нас, знавших его, глубоко потрясла его ранняя смерть в 59 лет в 1954 году (это был первый год нашей работы после окончания университета).

С матерью Рюрика, Раисой Антоновной, рослой, стройной красавицей я виделся мельком два раза, когда она приезжала устраивать какие-то его дела в конце 1948, и в год окончания нашего обучения, когда ее приезд был связан с намечавшейся свадьбой Рюра.

Жену свою, Элиду Дмитриевну Давыдову, Рюрик нашел на кафедре зоологии позвоночных (она окончила МГУ на год раньше нас) и сделал удивительно удачный выбор. Эля – красивая, скромная умница с чудесными темными глазами, которую, с легкой руки Рюра, мы вскоре стали называть Ёлкой или Ёлочкой, оказалась любящей женой, прекрасной хозяйкой и матерью. Будучи сама специалистом высокого ранга и ведя серьезную научную работу, она находила время и для обустройства дома, и для воспитания детей, и для содержания собак, многочисленных животных (в основном, грызунов) и впоследствии массы птиц.

После женитьбы молодые поселились в квартире матери Ёлочки – Елены Тихоновны, на Смоленском бульваре. Я часто посещал этот удивительно уютный и теплый дом. Позже Рюрик получил большую квартиру на Мичуринском проспекте, где одна из комнат была отведена под клетки с птицами, которыми были увешаны все стены. Число птиц доходило иной раз до 60 особей. Мы называли их обиталище «певчей комнатой». Клетки с птицами и мелкими животными были и в других комнатах. Кроме того, в доме было несколько собак (в основном, спаниели и сеттеры) и кошки.

Не представляю, сколько надо любви, труда и терпения, чтобы ежедневно поить, кормить и чистить жилища всей этой живности, дважды выгуливать собак, при этом вести научную работу и вырастить прекрасную дочь Ирочку и двух внучек.

Ирочка пошла по стопам отца, стала орнитологом и в настоящее время уже защитила докторскую диссертацию. Старшая ее дочка, Полина, учится на IV курсе Биофака на кафедре физиологии, младшая, Анна, изучает фундаментальную медицину.

После окончания университета Рюрик остался в Москве, где первое время работал в Зоомузее. Я уехал на Амур.

В первые годы мы часто переписывались. Я собирал и посылал ему, по его спискам, шкурки редких птиц. Когда я приезжал в отпуск, мы обязательно находили время для общения. В начале 60-х годов я перевелся на Камчатку, и наши встречи стали реже, так как у нас, на Камчатке, было принято накапливать отпуск за 2-3 года. Но мы продолжали переписываться и общались во время моих отпусков. Почти все его заказы на камчатских птиц я выполнил в первые три года после переезда на новое место и в дальнейшем посылал ему только настоящие редкости – либо случайно залетавших соседей вроде белоголового орлана, алеутской крачки и др., либо обычных птиц с отклонениями в окраске оперения. Однажды прислал ему совершенно белого ворона – альбиноса, которого он отдал в Дарвиновский музей.

В 1998 году состоялась встреча нашего курса по поводу 50-летия окончания МГУ. Рюрик уже тогда чувствовал себя неважно и на встречу не пришел. Мы с Серенькой Бойко и Аллой Бернштейн ушли со встречи пораньше и навестили его дома. Рюрик был серьезно болен, Ёлочка еле передвигалась с заживающей после перелома ногой. Тем не менее, мы провели очень хороший вечер в душевном обществе дорогих людей, много вспоминали и даже пели. К этому времени количество птиц в «певчей комнате» несколько сократилось, но остались две собаки и кошки.

В последний раз я навестил Рюра в больнице незадолго до его смерти. Он уже не мог ходить, но сохранил ясную голову и присущее ему чувство юмора. Ёлочка была постоянно при нем.

5 июня 2000 года Рюрика не стало. Я в то время был на Камчатке и смог отреагировать только телеграммой.

Ушел из жизни замечательный человек, но память по-прежнему ярко хранит многие эпизоды общения с ним. И временами он возникает перед моими глазами, как живой – то за столом с книгой в руках, то в походе с ружьем за плечами, то в веселом застолье среди друзей.

Светлая память тебе, дорогой Рюрчик.

Summary

V.B. Vronsky. *Ryurik Boehme (25.08.1927 – 5.06.2000)*

Recollections of Professor Boehme's student years by his former classmate.

БЁМЕ РЮРИК ЛЬВОВИЧ

(к 80-летию со дня рождения)

А.Ф. Ковшарь

Алма-Ата, Казахстан

В 50-х гг. XX ст. в Советском Союзе не было орнитолога, которому была бы не известна фамилия профессора Льва Борисовича Бёме - автора знаменитых в свое время научно-популярных книг «Певчие птицы» и «Птицы у нас дома». Именно с ними, наряду с захватывающими научно-популярными «Записками натуралиста» Евгения Павловича Спангенберга и познакомился я в середине 50-х гг., будучи студентом биологического факультета Харьковского государственного университета на Украине. Тогда мне и в голову не могло прийти, что всего через несколько лет удастся познакомиться с сыном этого профессора, уже тогда известным орнитологом, и его ближайшим другом Владимиром Евгеньевичем Флинтом, фамилия которого постоянно встречалась на страницах «Певчих птиц» с почти неизменным «у нашего друга Флинта», а дальше шло описание его наблюдений за той или иной певчей птицей в домашних условиях. И не только познакомиться, но и подружиться с обоими на долгие годы. Разница в десятилетие вполне компенсировалась общими интересами и любовью к птицам, перед которой отступали ученые степени (оба мои старшие товарищи уже тогда были кандидатами наук, тогда как я делал только первые шаги на поприще изучения тьянь-шаньских птиц).

Доктор биологических наук, профессор Московского университета, Рюрик Львович вырос среди птиц и сам всю жизнь держал в московской городской квартире десятки птиц – от самых обычных чижей и щеглов до тропических нектарниц и колибри (для кормления которых даже изготавливал особые сиропы). Вся жизнь этой удивительной семьи была подчинена птицам, при которых постоянно должен был находиться один из трех членов семьи. Даже расписание занятий Р.Л. в университете зависело от времени ухода за 30-40 птичьими клетками. Помню, как потрясло меня первое посещение этой квартиры, стенки которой были увешаны птицами, и здесь же разгуливала любимая собака хозяина. Самое удивительное было то, что Рюрик Львович, сам заядлый курильщик, радушно угощал здесь же курящего гостя, а на мой удивленный вопрос ответил, что его птицы привыкли к дыму. Двадцать лет спустя я вспомнил об этом, когда увидел черные легкие своей любимой синей птицы, прожившей в моей прокуренной квартире 17 лет...

Наши встречи, к сожалению, более редкие, чем хотелось бы, происходили либо дома у Рюрика Львовича либо на кафедре зоологии – если я приезжал на более короткое время и не мог нанести визит, на который всегда получал радужное приглашение. Обстановка на кафедре также была удивительно приятная, полудомашняя, и очень напоминала мне то, к чему я привык на родной кафедре в Харькове: те же разговоры «вокруг птиц», тот же «треп» на любые темы – от

охоты и спорта до литературы и политики. Между этим делом осматривались и привезенные тушки птиц, обсуждалась орнитологическая литература.

Научные интересы Рюрика Львовича лежали в области орнитогеографии и экологии горных птиц. Именно этим вопросам посвящены все его публикации и тема докторской диссертации: «Горная авифауна Южной Палеарктики», защищенной в МГУ в феврале 1972 г. В этом же направлении готовил он и своих аспирантов. Сам Рюрик Львович в период с 1958 по 1978 г. неоднократно посещал с орнитологической целью горы Таджикистана и юга Узбекистана, особенно Туркестанский, Гиссарский и Зеравшанский хребты. Особое значение для молодых орнитологов имели изданные Р.Л. научно популярные книги о птицах, в т.ч. полевые определители птиц – «Птицы СССР» (1968, соавт. В.Е. Флинт, Ю.В. Костин, А.А. Кузнецов) и «Птицы лесов и гор СССР» (1966, соавт. А.А. Кузнецов). В один из моих приездов в Москву в начале 80-х гг. Рюрик Львович и Александр Александрович Кузнецов предложили мне составить совместно и издать в Алма-Ате полевой определитель птиц Казахстана. На обеде в Доме Литератора, куда нас пригласил Александр Александрович (сказав на входе: «товарищи со мной»), мы даже подробно распланировали, как, взяв за основу один из предыдущих полевых определителей, адаптировать его к условиям Казахстана, убрав из него виды, которых в республике нет, и добавив местные виды (эту адаптацию предстояло сделать мне), а затем уж «проталкивать» эту книжку в одном из республиканских издательств. Однако планам этим не суждено было осуществиться, поскольку в казахском издательстве, которое положительно откликнулось на мое предложение, без обвиняков потребовали добавить еще одного «соавтора», не имеющего никакого отношения к орнитологии...

Мне ни разу не довелось быть с Рюриком Львовичем в поле, а очень хотелось. Не раз я приглашал его к себе на Западный Тянь-Шань, когда работал еще в заповеднике Аксу-Джабаглы. Он каждый раз ссылался на то, что не на кого оставить своих птиц. Однако я прекрасно понимал, что если ему и удастся как-то решить эту проблему, то время, которое освободится, он с удовольствием проведет на Памире у своего друга И.А. Абдусалямова, с которым дружил много лет и не раз у него бывал. Да и сам Памир и Бадахшан, конечно, намного интереснее, чем северная оконечность Западного Тянь-Шаня. Впоследствии я приглашал его и в наш орнитологический стационар в Заилийском Алатау на Северном Тянь-Шане. Туда он тоже не смог приехать, но «командировал» свою дочь Ирину, которая так успешно поработала у нас несколько сезонов, изучая акустические сигналы синиц и других высокогорных птиц. Присылал он к нам и других своих учеников.

Последнее, что мне запомнилось – встречи в период защиты докторской в мае 1980 года, где Рюрик Львович и Владимир Евгеньевич Флинт были моими оппонентами. Это было сделано в свойственной ему деловой и доброжелательной форме – без излишнего пафоса, который, к сожалению, нередко сопровождает такого рода выступления, но и без желания «выкопать» какой-нибудь жа-

ренный факт в виде компромата-замечания. Последнее было вообще не свойственно Рюрику Львовичу, с его мягким характером и открытым, доброжелательным отношением к людям вообще. Помнится, как-то при мне, обсуждая очередной факт «подсиживания» среди коллег, 50-летний В.Е. Флинт сказал: «Рюр, неужели и мы, **когда вырастем**, сможем вот так же пакостить друг другу?». Дружба их, длившаяся более полувека, всегда была для меня образцом бескорыстных отношений, а уж ежегодные глухаринные охоты, ради которых отставлялись все дела!...

Слишком рано ушел от нас Рюрик Львович – ему только сейчас исполнилось бы 80 лет, что само по себе не столь уж много. Но он успел оставить после себя не только свои научные труды, чем принято измерять результаты жизни ученого, но и своих учеников. А главное, на мой взгляд, – он оставил о себе хорошую память в наших сердцах, что тоже очень и очень немало. Хочется пожелать всего самого доброго его близким – Элиде Дмитриевне, Ирине Рюриковне, внучкам, а также всему коллективу кафедры зоологии Московского Государственного Университета.

Summary

A.F. Kovshar. *Ryurik Boehme (in celebration of his 80th birthday)*

Recollections of a renowned Kazakh ornithologist of the life and work of his colleague Ryurik Boehme.

ДИНАСТИЯ

А.Д. Липкович

Зоопарк Ростова-на-Дону

26 февраля 2005 года исполнилось 110 лет со дня рождения замечательного русского орнитолога, знатока птиц Северного Кавказа Льва Борисовича Бёме. Научные публикации и книги Льва Борисовича сыграли большую роль в становлении нескольких поколений любителей природы и профессиональных орнитологов не только Кавказа, но и всей России.

Мне посчастливилось в течение многих лет общаться с сыном Льва Борисовича, профессором Московского университета Рюриком Львовичем Бёме. Рюрик Львович руководил моей диссертационной работой по изучению птиц высокогорий Центрального Кавказа. В наших беседах обсуждались не только пути формирования авифаунистических комплексов, но и судьбы зоологов, посвятивших свою жизнь изучению кавказской природы. Как-то я попросил Рюрика Львовича рассказать об истории фамилии Бёме. Ниже привожу в вольном изложении его рассказ, записанный после нашего разговора в октябре 1991 года.

«Мои предки попали в Россию, по всей вероятности, во времена правления Екатерины Второй из Верхней Силезии, или Эльзаса. В то время много немецких специалистов было приглашено на службу государству российскому. А с Кавказом судьба фамилии связана, начиная с прадеда, Ричарда Васильевича. По профессии он был инженер-путеец и руководил строительством железной дороги из Ростова во Владикавказ. После окончания строительства остался жить в этом городе. До сих пор сохранился построенный им двухэтажный дом с внутренним двориком, в котором был когда-то фонтан.

Хорошо помню деда, Бориса Ричардовича. Окончив юридический факультет Московского университета, он служил присяжным поверенным в родном Владикавказе. Это был человек вольных демократических взглядов, блестящий адвокат, имевший обширную практику. Если брался вести дело, то почти никогда его не проигрывал. Среди клиентов деда было много ингушей. Репутация удачливого адвоката, защитившего интересы многих соплеменников, сделала фамилию Бёме известной в Ингушетии. Это очень помогло отцу, в нелегкие времена проводившему орнитологические наблюдения в ингушских горах. «Сын бачки Бёме» был желанным гостем в любом горном селе. Если бы не это, вряд ли были бы собраны материалы, положенные в основу статьи «Птицы Северной Осетии и Ингушии», увидевшей свет в 1924 году.

Дед – Борис Ричардович Бёме.

Характеризует нрав деда такой случай. Будучи человеком в высшей степени аккуратным, он всегда ходил на службу безупречно одетым и подтянутым. Но однажды Борис Ричардович получил приглашение на участие в судебном процессе, в котором предписывалось явиться во фраке с бабочкой. Такое посягательство на свободу личности настолько возмутило деда, что в суд он явился в толстовке и босиком. Нетрудно вообразить, какую это вызвало реакцию...

Цня собственную свободу взглядов и мыслей, дед приветствовал эти черты и в других. Так, он ежегодно перечислял значительные суммы из личных сбережений в помощь политкаторжанам, содержащимся в колонии

под Томском. Позднее моя учительница – из бывших политкаторжан – рассказывала, что многим эти пожертвования позволили выжить.

Увлекался дед и литературой. В начале двадцатых годов он был дружен с Михаилом Булгаковым. В соавторстве с ним была написана пьеса, которой потом оба были недовольны. В период, когда новая власть ругала А.С. Пушкина, друзья выступали в его защиту, за что им досталось. Революцию Борис Ричардович принял сразу. Был близко знаком с С.М. Кировым и Г.К. Орджоникидзе. В семейном архиве хранились фотографии, на которых он запечатлен с С.М. Кировым.

В первой волне репрессий дед с группой владикавказских интеллигентов был арестован по обвинению в антиправительственной деятельности. Над арестованными было решено провести показательный судебный процесс. Дали слово и подсудимым. Конечно, выступить пришлось деду. Борис Ричардович говорил так блестяще, что всем присутствовавшим стала очевидна несостоятельность обвинения. После его выступления обвиняемых прямо из зала суда отпустили домой.

Второй раз деда арестовали и осудили на закрытом процессе. Он был сослан в Казахстан, где работал... чабаном. Там же в лютую зиму он замерз в степи со своей отарой. Было это в окрестностях села Большая Чураковка Убагамского уезда Кустанайской области.

Отец, Лев Борисович Бёме, родился 26 февраля 1895 года в городе Владикавказе. С детства он увлекался зоологией и поэтому, окончив юридический факультет Московского университета, куда поступал по воле отца, стал работать ассистентом на кафедре зоологии сельскохозяйственного института в городе Владикавказе. В 1922 году он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета и окончил его в 1924 году, после чего вернулся во Владикавказ. С того времени он работал на кафедре зоологии педагогического института сначала в должности ассистента и доцента, а с 1930 года – профессора, будучи заведующим кафедрой до 1938 года, когда работа на кафедре была прервана. История повторилась. Отец был арестован и сослан в Казахстан, где до 1946 был инструктором станции защиты растений Карагандинской опытной станции. В 1946 году он вернулся в город Орджоникидзе на кафедру зоологии, а в 1948 году снова был сослан, на этот раз в город Новозыбков Брянской области, где умер 3 мая 1954 года.

Отец – Лев Борисович Бёме.

Всю жизнь отец отдал зоологии. Особенно интересовался птицами. Он был одним из лучших знатоков фауны Кавказа. В последние годы жизни работал над изучением животных Казахстана и Брянской области. Перу его принадлежит большое количество научных работ. Наряду с этим, он был автором научно-популярных книг. Наиболее крупные из них – «Птицы Северо-Кавказского края», «По Кавказу», «Звери Северо-Кавказского края» и автобиографические «Записки натуралиста». Отец написал две книги о содержании птиц в клетках.

Первой из них была «Жизнь птиц у нас дома», изданная Московским обществом испытателей природы в 1951 году и разошедшаяся уже в первые два месяца после выхода в свет. Многочисленные письма, с которыми читатели обращались к отцу, побудили его написать вторую книгу о содержании птиц – «Певчие птицы».

Вспоминаю эпизод, произошедший в Хаталдонском ущелье Северной Осетии зимой 1996 года. Я тогда работал в Северо-Осетинском заповеднике и, пройдя многокилометровый маршрут для учета диких копытных животных по зимнему лесу, спустился к дороге, куда должна была подойти служебная ма-

шина. На поляне у края леса паслось стадо коров. Пастух – пожилой осетин – увидев меня с ружьем и рюкзаком, подошел поговорить. Речь зашла об охоте, диких зверях и их повадках.

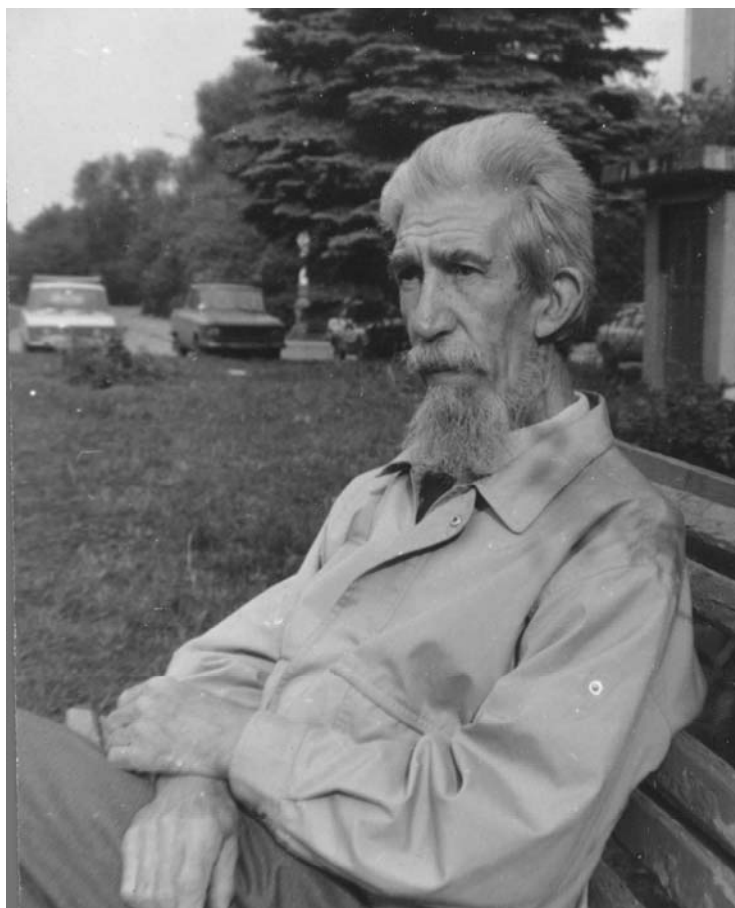
Мой собеседник сказал: «Теперь – не то, что раньше. Какая охота на Кавказе была в старые годы! В молодости у меня была книга «Звери Северо-Кавказского края» Там так здорово все описано! Автор – немец какой-то. Даже фамилию запомнил – Бёме. Хоть и немец, а здорово написал». К сожалению, сегодня книги Льва Борисовича Бёме известны лишь немногим специалистам.

Рюрик Львович Бёме родился в 1927 году. Продолжая дело отца, он окончил биологический факультет Московского университета и посвятил свою жизнь изучению птиц. Под руководством замечательного орнитолога Г.П. Деметьева (чья «печатная работа» числится среди документов, изъятых при обыске у Л.Б. Бёме) защитил кандидатскую диссертацию о фауне птиц Центрального Кавказа, а затем докторскую, посвященную птицам гор Южной Палеарктики. Рюрик Львович посвятил много научных работ осмыслению закономерностей формирования фауны птиц Кавказа и других горных стран. Как и отец, через всю жизнь он пронес увлечение содержанием певчих птиц. Даже не увлечение, а страсть! Во время первого посещения его квартиры меня поразили стеллажи с клетками, в которых содержалось около полутора ста птиц разных видов. Многовато для двухкомнатной московской квартиры, в которой, кроме того, проживали две охотничьи собаки и их хозяева.

Как и у старших представителей рода, судьба Рюрика Львовича не была простой. В годы Великой Отечественной войны семья Бёме была выслана из города Орджоникидзе в Казахстан из-за принадлежности к нации враждебной страны. В третьем поколении носители фамилии Бёме стали ссыльными в казахстанских степях. Время было голодное. Выжить помогало знание дикой природы, любовь к охоте.

«Знаете, Саша, - рассказывал Рюрик Львович, - я ведь отлично стрелял из рогатки! Охотился на озерах на уток. Ружье нам держать не разрешали. Интересное время было. Правда голодно. Да еще несколько раз забирали на комиссию по призыву в армию. А я в детстве топором повредил ногу. Так вот, приезжали на машине, увозили за 50 километров в район, а после комиссии, как непригодного, отпускали – «иди домой». А два раза возили в область за 200 километров».

Трудности жизни не ожесточили душу молодого человека. И не последнюю роль в этом, по моему убеждению, играло постоянное общение с природой. Все, кто знал Рюрика Львовича, утверждают, что главная черта его характера – доброта. Казалось, что бурные события, захлестнувшие в последние десятилетия нашу страну, никак не отражались на размеренной жизни небольшого профессорского кабинета на пятом этаже биофака МГУ. Уверенность во временности трудностей, важности научного труда, необычайная внутренняя сила и спокойствие передавались окружающим.

Р.Л. Бёме у биофака МГУ

Много лет назад стал Рюрик Львович москвичом. Но всегда с любовью вспоминал горы Северного Кавказа, наблюдения за птицами, охоту. В саду на даче росли привезенные из родных мест подснежники, пролески, фиалки, напоминая своим цветением первые проталины в горных лесах, говор ручьев и пение птиц.

Как-то, уезжая из Москвы на Кавказ, я спросил Рюрика Львовича, что привезти ему с родины. «Саша, привезите мне карподакуса», попросил он. Сколько было радости, когда осенью я привез заветную птицу. Это был молодой самец большой чечевицы – птицы самых высоких поясов гор. По междугородним телефонным разговорам я узнавал о том, что «карподакус» запел, или при линьке так и не надел ярко-красный взрослый наряд.

Когда после защиты диссертации я приехал в Москву, получать диплом, Рюрик Львович огорчился, узнав, что выдали мне его без жестких «корочек». Назавтра он принес из дома корочки от своего кандидатского диплома. «Вот, Саша, мне они все равно не нужны, а Вам память будет». Да, осталась память. Светлая память о большом ученом и удивительно добром сильном духом человеке. Рюрика Львовича не стало в 2000 году.

Сегодня на кафедре Зоологии Позвоночных Московского университета преподает профессор Ирина Рюриковна Бёме. Династия продолжается.

Summary

A.D. Lipkovich. *The Dynasty*

Professor Boehme's student describes some interesting aspects in the biography of the Professor and his talented ancestors, political repressions that affected his family and his coming of age as a scientist.

ДОРОГОЙ МОЙ РЮРИК

Александр Кузнецов

Орнитолог, писатель, Москва

Друзей, которые сыграли бы такую же важную роль в моей судьбе, у меня не так много, а скорее всего только один – Рюрик Бёме. Антуан де Сент Экзюпери говорил о такой дружбе: *"Любить – это значит не смотреть друг на друга, а смотреть вместе, в одном направлении. Товарищи только те, кто, держась за одну веревку, общими усилиями забираются на горную вершину, и в этом обретают свою близость"*. Рюрик Бёме не был альпинистом, связывающей нас веревкой стали птицы.

Рюрик потомственный орнитолог, отец его (из давно обрусевших немцев) изучал птиц)р.а и дочь Ирина, ныне доктор биологических наук.) Высокий, худой, слегка прихрамывающий, с длинным лицом и небольшой бородкой он напоминал Чехова. Не только внешне, но и тем, что был интеллигентом до мозга костей, причем интеллигентом из прошлого, XIX века. У каждого из нас есть недруги, а вот у Рюрика их не было. Случалось, улыбались некоторые орнитологи при упоминании его имени, но у ученых, как и у писателей или артистов, тоже есть чувство ревности к своим коллегам. Может быть, и воспринимали его как человека не от мира сего, но ни от кого и никогда я не слышал о Рюрике дурного слова. Он не работал локтями, не строил своего успеха за счет других, профкома или парткома, не был членом партии, что в жизни университета в наши дни было почти обязательным для профессора. Его считали как бы блаженным и оставляли в покое.

Рюрик Львович был фанатически предан науке о птицах, просто одержим своей любовью к ним. Кроме птиц его ничего не интересовало.

О его домашней коллекции живых птиц наверняка кто-то лучше меня расскажет в этой книге воспоминаний о нем. Конечно, и Эля, его супруга, была настоящей сподвижницей, она, как и Рюрик, подчинила всю свою жизнь этому увлечению.

Мы познакомились с Рюриком Бёме в Зоологическом музее МГУ, где он работал. Я тогда, работая в альпинизме, увлекся изучением птиц высокогорий, добывал и приносил в музей тушки добытых на ледниках птиц. На хорах музея или в своей каморке Рюрик учил меня правильно и хорошо делать тушки. Мы пили чай из почти черных стаканов, которые почему-то никогда не мыли. Рюрик при этом иронически так улыбался.

Если я не был в горах, то мы виделись почти каждый день. Рюрик стал практически руководителем моей диссертации по птицам Киргизского хребта. Официальным руководителем был Сергей Павлович Наумов, но он страдал глаукомой, и не мог уже читать.

Мне очень хотелось работать в Зоомузее МГУ вместе с Рюриком. Освободилось место экскурсовода, и Рюрик пошел к директору музея, им был в то

время Плавильщиков. Бёме стал расписывать мои достоинства как альпиниста, работающего в горах.

– Нет, Рюрик, – ответил он. – Нам нужен ученый, а не футболист.

Благодаря Рюрику я выучил латынь. Я попросил его записать на магнитофонную пленку латинские названия всех птиц Советского Союза. И бедный Рюрик в несколько приемов проговорил в микрофон 760 латинских названий птиц. В его устах они произносились правильно, с нужным ударением в слове. Выглядело это так: "*Ammoperdix griseogularis* – пустынная куропатка; *Perdix perdix* – серая куропатка ... " и так далее.

В альпинистском лагере "Ала-Арча" на Тянь-Шане, где я работал, из моей палатки целыми днями звучал голос Рюрика Бёме: "Нумениус арквата, Нумениус тенуирустрис, Химантопус химантопус ... " Инструктора альпинизма очень веселились по этому поводу и незлобно передразнивали меня: Химантпус химантопус! Дался им этот химантопус! Нет-нет да кто-нибудь из моих веселых ребят торжественно провозглашал: Химантопус химантопус!

Мы с Рюриком Львовичем в Фанских горах Таджикистана.

Однажды, уже после моей защиты, я сказал Рюрику:

– Рюр, у меня идея. Давай сделаем полевой определитель птиц для всех. Для тех, кто совсем не знает птиц.

К тому времени существовало несколько определителей птиц, но они строились по классической схеме теза – антитеза. Отряды, семейства, роды и виды птиц находились с помощью сложных таблиц, построенных на отдельных деталях внешних признаков птиц. Например так: "*Вырезка второго махового пера не превышает шести миллиметров*". Для того, чтобы определить вид птицы, надо было держать ее в руках. Вроде того,

чтоб определить возраст дерева по годовым кольцам, нужно его сначала спилить. Эти классические определители, в том числе и замечательный "Определитель птиц СССР", созданный нашими учителями Г.П. Дементьевым, Н.А. Гладковым, К.С. Птушенко и А.М. Судиловской, предназначались для специалистов, работающих с коллекциями. Ими пользуются и по сей день. Были и другие определители, но их популярность была не очень высока. А я предложил Рюрику создать полевой определитель птиц, по которому каждый человек, да-

же совершенно несведущий в орнитологии, мог бы сразу определить вид птицы, встреченной им в природе.

– Понимаешь, Рюр, все очень просто, – убеждал я ученого. – Мы даем всех обитающих в СССР птиц в цветных иллюстрациях. Увидел человек, скажем, сойку и тут же нашел в книге ее изображение. А от него к тексту, где краткие сведения по распространению, биологии и так далее. Рюрик сначала отнесся скептически к такому легкомыслию в серьезном деле.

– Но как человек узнает, какого она размера?

– Элементарно! Мы разделим птиц по размерам общеизвестных птиц: крупнее гуся, с гуся, с курицу или утку, с ворону, с голубя или галку, со скворца, с воробья и меньше воробья. Видишь птицу, прикидываешь ее величину и обращаешься к цветным картинкам, где изображены птицы этого размера.

Рюрик не соглашался:

– У нас 760 видов птиц. Подумай сам, если их всех изобразить, пусть в ненатуральную величину, потребуется огромный фолиант. А такой определитель должен быть карманным, чтобы брать его в лес.

– А мы сделаем несколько томиков: "Птицы леса", "Птицы гор", "Птицы степей и пустынь", "Птицы тундр" И так далее.

– Ты представляешь, какие это будут дорогие книги? Сколько нужно будет рисовать художнику? Кто их станет издавать?

– А это не твоя забота. Я найду издательство.

– Ты представляешь, как к этому отнесется Ученый совет?

– Плевать нам на Ученый совет. Он и знать ничего не будет. Мы будем иметь дело с издательством, а не с Ученым советом.

Бёме только качал головой в изумлении от такого нахальства. А на следующий день сказал:

– Ты знаешь, в общем мысль неплохая. Для студенческих практик такие книжки очень нужны.

Издательство нашлось. Определители птиц требовались не только студентам, но и школьникам, учителям, да и просто любителям природы. Наша заявка понравилась директору издательства "Просвещение" Дмитрию Дмитриевичу Зуеву и он заключил с нами договор. Мы уложились в два томика: "Птицы лесов и гор" и "Птицы открытых и околоводных пространств". Определители выходили тиражами в 200000 экземпляров и переиздавались, спрос был велик. Конечно, это была, в основном, работа Рюрика Бёме, он знал птиц куда больше, чем я, не имеющий биологического образования, я ведь окончил Географический факультет МГПИ.

"Науцпоп" вроде бы считается неприличным для ученого. В Зоомузее смотрели на это иначе, директор его Ольга Леонидовна Россолимо давала нам тут свободу. Как многолетний и бессменный руководитель музея, она, на мой взгляд, делала этим большое дело.

Это позволило нам пойти и дальше, и создать под общим руководством В.Е. Флинта и участием художника-анималиста Ю.В. Костина монографию на

637 страниц - "Птицы СССР". Тут мне, как зоогеографу, досталась трудоемкая работа, пришлось создать и вычертить 760 карт с ареалами видов. По каждому виду нужно было собрать материал о его распространении, о его последних находках по краям ареала и нанести на карту СССР. Затем мы с Рюриком сделали еще несколько книг о птицах, а закончилось все книгой "Птицы разных материков". («Просвещение», 1986). После этого я оставил орнитологию и целиком перешел на писательскую работу.

Не забыть, как Рюрик Львович приехал однажды ко мне в горы. Я зимовал с женой и пятилетней дочкой высоко в горах Тянь-Шаня на небольшой метеостанции. Занимаясь одновременно изучением птиц высокогорья, открыл новый для СССР вид птицы *Pyrhospiza punicea* или как мы ее позже назвали *Carpodacus puniceus*. Русского названия у нее еще не было, условно она называлась Красным вьюрком. Известна она была только из Гималаев, а я нашел ее на Памире и на Тянь-Шане. В нашем Зоомузее, в коллекции из более 100000 птиц имелось всего два экземпляра из Кашгарии. Красный вьюрок размером со скворца и обитает всегда на моренах ледников и на скалах над ледниками. Вниз никогда не спускается, даже зимой.

И вот, когда Рюрик узнал, что я добыл несколько Красных вьюрков, он не выдержал и посреди зимы приехал ко мне на Тянь-Шань. А надо сказать, добраться до меня было трудно. Семь месяцев мы жили в полной изоляции, никто к нам не пробирался. Около 20 километров нужно было подниматься по глубокому снегу при морозе и всех остальных прелестях высокогорья. А тут мне сообщили по радио, что на нижнюю метеостанцию прибыл мой друг Рюрик Бёме и ожидает меня. Я-то был тренирован, в хорошей форме, а он не спортсмен, слабый, хлипкий интеллигент. Что тут делать?! Но раз приехал, пошли ...

Не дойдя до моей метеостанции, Рюрик упал и лежал в снегу, задыхаясь. В дом я его втащил чуть живого. Моя жена-врач еле-еле отходила его. А вечером я смотрел с какой жадностью он набросился на моих Красных вьюрков, он так удивлялся, радовался и восхищался, что совсем пришел в себя и забыл о своих страданиях. Летом я прислал ему с альпинистами самолетом живого Красного вьюрка. Рюрик стал единственным в мире человеком, у которого сохранилась в клетке эта птица. Какая для него радость! А в орнитологии это стало сенсацией.

Когда я отошел от орнитологии и целиком посвятил себя литературе, мы стали видеться редко. Иногда я приходил к нему на биофак, сидели и пили чай, разговаривали о детях и потом – о внуках. О том, что происходило в жизни страны, мы не говорили. Как только я заговаривал о политике, Рюрик, недоуменно улыбаясь, молчал. Он жил своей жизнью, в ней ничего не менялось и он знать не хотел что происходит вне ее.

Весной 2000 года он заболел, я навещал его в Боткинской больнице, и он горевал, что не может уже поехать на глухариный ток. Много лет он вместе с Владимиром Флинттом ездил каждую весну на глухариные тока. В последние годы Рюрик Львович стал плохо видеть (в правом глазе произошла полная по-

теря зрения), а Владимир Евгеньевич Флинт – плохо слышать. Так Рюрик подслушивал, а Володя стрелял. Посмеялись мы над этим.

Я уехал на свою дачу на Оке. Рюрик Львович Бёме умер 5 июня 2000 года. Узнал я об этом не сразу и смог приехать только на "девять дней".

Все говорили, что такого человека, как Рюрик Бёме, не было и никогда больше не будет. И то не пустые слова, полагающиеся на поминках. Так оно и есть на самом деле.

Summary

A. Kuznetsov. *My dear Ryurik.*

Memoirs of close R. Boehme's friend and co-author some guides and books about birds.

ПРОБЛЕМА ЭНДЕМИЗМА И АВИФАУНОГЕНЕЗА ГОР ЮЖНОЙ ПАЛЕАРКТИКИ В РАБОТАХ Р.Л. БЁМЕ

Г.Н. Симкин

Кафедра зоологии позвоночных МГУ им. М.В. Ломоносова

В творчестве Рюрика Львовича Бёме две книги: «Птицы гор Южной Палеарктики» и «Горная авифауна Южной Палеарктики» (совместно с Д.А.Баниным) играют особую судьбоносную роль. Оказавшись свидетелем подготовки и защиты первой из этих книг в качестве докторской диссертации, а затем и многолетних бесед по рассмотренным в книгах проблемам, хочу поделиться результатами этих бесед, попытаться оценить и осмыслить их с позиции современных задач.

Хотелось бы подчеркнуть два, на мой взгляд, ключевых момента в оценке истории первой из книг. Сегодня поистине судьбоносным представляется само появление темы и методология многолетнего поиска автора, словно предопределенные с его детских лет. Сын известного зоолога – одного из выдающихся исследователей авифауны Кавказа Льва Борисовича Бёме – Рюрик Львович и родился и провел свое детство и юношеские годы на Кавказе будучи спутником отца в полевых исследованиях с детских лет. По авифауне Кавказа опубликованы первые научные работы Рюрика, и выполнена его кандидатская диссертация: «Птицы Центрального Кавказа», успешно защищенная в Московском университете в 1958 г. Вторым, на мой взгляд, важнейшим моментом научного поиска Рюрика Львовича стало особое внимание, в значительной мере воспринятое от отца, к методологии авифаунистических проблем Петра Петровича Сушкина, в те годы получившей высокую оценку не только в отечественной, но и мировой орнитологии. Петр Петрович одним из первых (вместе со своим учителем М.А.Мензбиром и Н.А.Северцовым) сформулировал ряд ключевых идей о важности проблемы авифауногенеза гор Южной Палеарктики, но и заложил основы ландшафтного подхода к решению фаунистических и зоогеографических задач. В 30-ые годы XX века ландшафтная зоогеография и ландшафтоведение в России вступили в новый этап своего развития. Публикация двухтомника П.П. Сушкина «Птицы Советского Алтая» (1938) стала одним из важнейших этапов отечественной зоогеографии и ландшафтоведения. Схема зоогеографического районирования, предложенная П.П.Сушкиным, оказалась настолько выдающимся событием, что ее иерархическая система была в основном принята в качестве фундаментальной основы физико – географического районирования, т.е. стала методологической основой отечественной общей географической науки. О важности и перспективах ландшафтного подхода к изучению авифауны и проблем авифауногенеза Петр Петрович писал настойчиво и неоднократно. В те годы и два десятилетия спустя, во время планирования докторской диссертации Рюриком Львовичем в конце 50-х годов, с началом особенно бурного развития теории отечественного ландшафтоведения, новые идеи отечественной географии разде-

ляли далеко не все представители смежных наук и, в частности, зоологии. Одним из решительных противников ландшафтно – географического подхода в зоогеографических исследованиях в Московском университете был В.Г.Гептнер. Его важнейшие возражения сводились к тому, что животное население характеризуется весьма высокой спецификой реакций на ландшафтные особенности среды, в связи с чем границы ареалов множества видов и, тем более, фаунистических комплексов не совпадают с границами природных зон, подзон и границами всех остальных категорий ландшафтного и физико – географического районирования. Эта, как очевидно сегодня, не совсем корректная позиция, как впрочем и слишком формализованная позиция активных сторонников жестких ландшафтных схем, сыграла в истории защиты и оформления докторской диссертации Рюрика Львовича негативную роль. Однако резкость позиции имела и свои положительные черты, заставив автора продумать множество тонких деталей своего подхода и отточить немало принципиальных формулировок до уровня классических форм. Вторым ключевым моментом методологического плана стала монография Б.К.Штегмана «Основы орнитогеографического деления Палеарктики». Фауна СССР. Птицы. Т.1, вып. 2. 1938. Будучи учеником П.П. Сушкина и одним из научных редакторов двухтомника «Птицы Советского Алтая», в сущности, обобщив материалы и основные идеи Петра Петровича по проблемам авифауногенеза Северной Евразии, Б.К. Штегман предложил масштабную схему фаунистической типизации основных (6-ти) авифаун Палеарктики. Фактически появление двух основополагающих орнитологических работ в конце 30-х годов XX века и стало принципиальным моментом для разработки Рюриком Львовичем своей оригинальной методологии исследования и ландшафтно-зоогеографического районирования гигантской территории альпийского орогенеза – гор Южной Палеарктики. Важнейшим методологически значимым моментом стало осознание фундаментальных отличий двух подходов и двух проблем современной орнитологии: фаунистической типологии (типизации) и зоогеографического районирования. Мы полагаем, что различие этих двух феноменов сыграло в формировании теоретических концепций Рюрика Львовича принципиальную роль.

Разработка методологических основ ландшафтного подхода к анализу структуры и истории горных авифаун имела значительно более широкие последствия, чем требовали орнитогеографические и авифаунистические идеи тех лет. В конечном итоге, Рюрик Львович смог не только разработать конкретные принципы общего эколого-фаунистического анализа, в те годы лишь обретавшего первые силы в отечественной орнитологии, но и предложить, а затем в 70-ые – 80-ые годы успешно разрабатывать конкретные программы в масштабах всей территории бывшего СССР, в реализации которых в течение многих лет участвовали его сотрудники, студенты, аспиранты и последователи. И все эти годы идеи эколого-фаунистического и ландшафтно-географического анализа были, отнюдь, не простой задачей для многих, особенно пустынных и горных районов Евразии. Многие экологические детали отдельных видов и групп, в том числе и их географической изменчивости, а также на уровне отдельных подвидов и, тем

более, – ландшафтно-географических популяций, были неизвестны, противоречивы, неясны. Но ключи от множества этих важных проблем были получены от отца (активного сторонника идей П.П.Сушкина) и как бы впитаны Рюриком с юношеских лет во время бесконечных походов по хребтам и долинам Кавказа. Хотелось бы особенно подчеркнуть, что именно Кавказ, по нашему мнению, представляет одну из нагляднейших моделей ландшафтного, горного и исторического авифауногенеза. И важнейшей чертой его ландшафтно-экологической и ландшафтно-исторической специфики оказывается не только одно из ключевых положений в системе альпийского орогенеза, но и исключительная оптимальность системы высотных поясов, а также – значительно лучшая, чем в большинстве других регионов альпийского орогенеза, изученность экологии и истории основных видов и экологических групп птиц. Сегодня кажется примечательной и весьма символической строгая ориентация мыслей и усилий Рюрика Львовича на проблемах углубленной характеристики группировок птиц по отдельным высотным поясам. С учетом гигантского протяжения альпийского горного пояса Палеарктики (от гор Атласа до Тибета и Гималаев включительно) даже работа по инвентаризации, вычерчиванию и уточнению ареалов 250 видов птиц, множество из которых не встречается на территории бывшего СССР, слабо изучено (особенно в годы работы над диссертацией) сегодня вызывает не только восхищение, но и изумление перед опытом, смелостью и эрудицией исследователя, достойного статуса одного из выдающихся классиков современной орнитологии. Необходимо отметить ту уникальную роль, которую в нашей и Рюрика Львовича жизни сыграло издание шеститомной сводки «Птиц Советского Союза» под редакцией Г.П. Дементьева и Н.А. Гладкова, где впервые ареалы всех птиц были не только представлены в графической форме и полном мировом их масштабе со всеми подвидами, но и впервые на подвидовом уровне была дана экологическая (биологическая) характеристика подвидов отечественной фауны. Неоценимым бесспорно оказался опыт работы Рюрика Львовича как ученика и сотрудника Г.П. Дементьева с авторским коллективом издания. Наконец, хотелось бы отметить, что усилия по «поясным» характеристикам структуры авифаунистических комплексов, в конечном итоге, позволили Рюрику Львовичу стать одним из основоположников и ведущих исследователей по проблеме «эколого-авифаунистических комплексов» активно разрабатывавшейся в те и особенно последующие годы в геоботанике, ихтиологии и териологии. И сегодня эта сверхсложная и актуальная проблема остается не только животрепещущей, но и весьма противоречивой. Мечтая о широкомасштабной работе по решению этой грандиозной проблемы в 70-х годах теперь уже прошлого века, Рюрик Львович ставит эту проблему в масштабах уже всей территории бывшего СССР. В конечном итоге, до последних дней его жизни множество его сотрудников по лаборатории орнитологии кафедры зоологии позвоночных Биологического факультета МГУ, студентов, преподавателей, аспирантов и последователей в других вузах и организациях страны работали над решением сложной задачи практически во всех основных регионах СССР.

ЛАНДШАФТНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Беседы с Рюриком Львовичем в течение многих лет охватили следующий круг перспективных проблем ландшафтного авифауногенеза. Значительная часть этих бесед сгруппировалась на проблеме сложных аналогий и гомологий – взаимосвязей между зональными сменами ландшафтов и авифаун и закономерностей поясных смен ландшафтных и эколого-авифаунистических комплексов поясной структуры. Именно в этом плане опыт Рюрика Львовича оказался уникальным. Историческое формирование и развитие аналоговых комплексов привлекало особое внимание. Проблемы эндемизма и авифауногенеза гор Южной Палеарктики, формирование и развитие поясных структур и их специфика отдельных горных стран оказывались неразрывно связанными с последовательными ландшафтными стадиями формирования и подъема горных комплексов. В конечном итоге, именно эта проблема стала ключевой для творческого поиска исследователя. Важнейшее значение Рюрик Львович придавал проблемам стадияльной эволюции ландшафтов усыхающего Тетиса. Мечтал о реконструкции зональных и региональных комплексов мелководных болотных и речных систем исчезающей акватории гигантского моря (океана), различных стадий зарастания котловины Тетиса, формирования древних кустарниковых зарослей, лесов, смен древних типов лесных насаждений сначала широколиственными, затем хвойно-широколиственными и таежными их типами. В частности, – усыханий саванного, степного и пустынного типа. При этом он активно отстаивал принципиальное значение работ Пидоплички, возражавшего против идеи гипертрофии ландшафтной и флорофаунистической роли ледникового периода, предпочитая чаще говорить о роли похолодания, чем о непосредственном воздействии ледников. Мне кажется, что эта позиция позволила Рюрику Львовичу сосредоточить значительно большее и оказавшееся продуктивным внимание на исследованиях, в сущности, гигантского распространения рефугиумов и резерватов доледниковых и ледниковых видов и форм птиц, фаунистических микрокомплексов (аналогично растений и их ассоциаций). Исследования 70-80-х годов XX века показали колоссальное распространение микрорефугиумов даже в традиционном сердце европейских ледников – фьордах Скандинавии, множественное рассеивание степных комплексов на территориях северной Якутии, Чукотки (работы Юрцева). Наши совместные разработки этого плана позволили обратить внимание на рефугиальное происхождение и выживание на севере Европы клеста – сосновика, синехвостки, уникальной группировки зяблика в Карелии с напевами и позывами доледникового кавказского подвида (соломка), реликтовое поселение зяблика на Алтае, связать поселения краснозобой казарки, кроншнепа-малютки, стерха на Индигирке с реликтовыми, а в более раннее время – ландшафтными степными ассоциациями и термо-рефугиумами. Немало новых идей было высказано и применительно к отдельным видам так или иначе связанным с горами альпийского орогенеза (проблема краснозобых и чернозобых дроздов, связей бурых (индийских) и темных форм черного дрозда и мн. др.). В течение многих лет внимание привлекали проблемы ланд-

шафтных смен на последовательных стадиях системы альпийского орогенеза. Немало раздумий и споров было по проблеме необходимости выделения (скорее всего ранне-плиоценовой стадии) Великого Пояса Древних Саванн, протянувшегося с юга Африки, по ее востоку – Передней Азии – Средней Азии – Индии до Малайского архипелага включительно. Как известно, и в наши дни на Суматре, Яве и многих островах океании существуют фрагменты древних саванных ландшафтов. Важность разработки этой проблемы подчеркивается не только возможностью связи именно с этой ландшафтной эпохой расселения человека, но и проникновение на восток вплоть до Австралии таких аридных западных форм как дрофы, авдотки, щурки и мн.др. Не менее интенсивными представляются и обратные статистически более значимые потоки, в частности, млекопитающих (львы, носороги, слоны и др.). Ключевое значение мы придавали ископаемым формам и фаунам Сиваликских холмов Индии, где одновременно присутствовали в качестве маркеров тропических лесов и саванн шимпанзе, жирафы, страусы и мн. др.). Как известно, В.Г.Гептнером (1938, 1945) гигантский ландшафтный комплекс Афро-Индийских и Афро-Китайских пустынь поэтически назван Великим поясом пустынь. Невольно возникает соблазн связать эти две метафоры со стадиями альпийского орогенеза и рассматривать пустынный пояс В.Г.Гептнера как дочернюю стадию Великого пояса древних саванн. Один из ключевых моментов альпийского орогенеза мы связывали со стадией первичных степных низкогорий, охватывавших всю гималайско-африканскую полосу. Именно с этой стадией мы отождествляли немало принципиальных авифауногенетических изменений (парадоксы горно-степного происхождения черных дроздов, ключевых видов черных горных птиц (клушица, альпийская галка и др.), крупных хищников (темные птенцы и гнездование в степных низкогорьях белоголовых сипов), уларов (каспийский улар) и т.д.). Не менее важное значение придавали анализу последовательных волн расселения по всей альпийской цепи хвойных («таежных») пород (пихты, ели, лиственниц, распространение которых с востока на запад сопровождалось последовательным «почкованием» все новых и новых их видов, форм и т.д.). Именно с этими стадиями хотелось связать сегодня скрытые формы гнездования и типов гнезд зеленушки, зяблика, об. снегиря, москочки, корольков и т.д.). При этом настойчиво повторялись беседы о реликтовом статусе алтайско-саянской «черневой пихтово-осиновой» тайги, маркирующей эпохи и зоны повышенной влажности, гумидности и более теплого климата (связь черневой именно пихтово-осиновой тайги с оптимумами синего соловья, соловья-свистуна, возможно, пестрогрудок и бородатой неясыти). Вспоминаются неоднократные дискуссии о тайнах Казахского мелкосопочника, в течение гигантских периодов времени оставшегося скалистым и песчаным островом усыхающего Тетиса, с которым, возможно, было связано происхождение обыкновенной сосны. Наконец, как финальный итог горных авифауногенезов основное внимание (в соответствии с идеями «островного» эффекта популяционно-генетических феноменов высокогорных ландшафтов Дарвина – Сушкина – Майра) Рюрик Львович сосредоточивал на особенностях поясов субальпийских кустарников и криволесья. Материалы по

этой проблеме изложены в совместной с Д.А. Баниным второй монографии по проблеме горной авифауны Южной Палеарктики, изданной уже после его кончины стараниями И.Р.Бёме. К сожалению, многие из затронутых в данном очерке проблем остались либо в кратких ремарках его книг и статей, либо в воспоминаниях его соратников, последователей и учеников.

Наконец, еще об одной проблеме, имеющей непосредственное отношение к заглавию этой статьи. В двух своих книгах Рюрик Львович начинает свой анализ как бы в обратном реальным событиям направлении – от крайнего западного района системы альпийского орогенеза (стадии и региона его затухания) – гор Атласа к районам Гималаев и горного запада Китая. Между тем, как мне представляется, он отчетливо понимал, что именно Тибетско-Гималайский район (включая Монголию) намного раньше освобождался от влияния Тетиса, при этом сохранившего немало древнейших реликтовых форм, особенно млекопитающих (длинноухие тушканчики). В частности, именно этим фактором мы склонны объяснять противоречия, когда-то сотрясавшие научную мысль нашей страны после исторической публикации работ Г.П.Дементьева и В.Г.Гептнера в 1938 г. В соответствии с выводами первого автора пустыни и их авифауна свидетельствуют от молодости этой ландшафтной системы и ее фауны. Согласно материалам и выводам второго автора – пустыни и фауна Евразии – древние образования. Сегодня мы можем занять примеряющую позицию: противоречия рассмотренных альтернативных выводов и материалов, скорее всего, не являются следствием ошибки одного из авторов, а оказываются следствием специфики форм эволюции малоподвижных млекопитающих и подвижности птиц с возможными фундаментальными различиями в их реакции на масштабные изменения ландшафтной среды.

К сожалению, проблему последовательности описания орнитогеографических провинций в книгах Рюрика Львовича (возможно, по молодости лет) мне не пришло в голову серьезно с ним обсудить. Думаю, что этот вопрос был связан с тем, что начальный опыт работы Рюрика Львовича над сложнейшей проблемой (по фактору все той же, но теперь уже его молодости) упрощение «логик» и материала с востока на запад подтолкнул его именно к «спасительной» логике обратного порядка изложения от простого к сложному. Сегодня, помятуя о логике наших многолетних бесед, попробуем изменить этот порядок, отталкиваясь от идей более раннего освобождения Востока от вод Тетиса и неизмеримо более стремительного и более мощного воздвижения «альпики» Тибето-Гималайского региона. Необходимо учитывать также более мощное влияние на изменения ландшафтной среды фауны исходно неизмеримо более богатой и разнообразной в условиях тропиков и субтропиков Восточной и Южной Азии.

ПРОБЛЕМА ЭНДЕМИЗМА

Проблема эндемизма, особенно применительно к условиям резкой мозаичности, контрастности и высокой изоляции ландшафтов и популяций горных

видов, очень сложна. Ее сложность в годы работ Рюрика Львовича усугублялась не только крайней отрывочностью публикаций по экологии птиц многих горных районов, особенно Монголии, Гималаев (Индии), Тибета и высокогорных областей Китая, но и отсутствием графических изображений ареалов, избранных им для работы видов, слабой проработкой подвидовой и даже видовой номенклатуры многих зарубежных таксонов. Мне приходилось быть свидетелем переписки и встреч Рюрика Львовича с ведущими орнитологами зарубежных стран, публиковавших в те годы первые монографии по птицам Индии и Гималаев, Китая, Средней и Передней Азии. Для докторской диссертации Рюриком Львовичем был выполнен огромный объем работы по составлению графических изображений ареалов 190 преимущественно «узкоареальных» зарубежных групп. В общей сложности Рюриком Львовичем изучено 270 видов и 500 подвидов. Не менее впечатляющей была работа по освоению и синтезу бурно развивавшегося в нашей стране «нового» дискретного (дифференциального) и главное – генетического ландшафтоведения, встречавшего нередко острейшую критику со стороны специалистов смежных наук. Не менее острыми и противоречивыми были дискуссии и в среде профессиональных зоологов представителей различных школ. Хотя общие соображения о важности ландшафтного подхода к решению зоогеографических проблем были выдвинуты еще М.А. Мензбиром и П.П. Сушкиным, как уже было отмечено выше, острые споры не утихали. Напряженными они были даже в пределах ленинградской (сушкинской) школы – споры о самобытности Монгольского и Тибетского типов авифаун Б.К. Штегмана (1938; Козлова (1940, 1952, 1960)). В концепции Б.К. Штегмана неясной оставалась и его позиция по соотношению Тибетского типа фауны и фауны Гималаев (в частности, Западных и Восточных, а также их южных и северных склонов). Значительную ясность в необходимость различать проблемы фаунистической типологии (концепция типов авифаун Б.К. Штегмана) и орнитогеографического районирования (работы М.А. Мензбира и П.П. Сушкина) внесли именно работы Рюрика Львовича. В конечном итоге, от границ, выделяемых зоогеографических комплексов, зависело и конкретное содержание и самого понятия эндемизма. При очень крупных заслугах Рюрика Львовича в изучении и интерпретации феноменов эндемизма (в пределах намеченных им зоогеографических провинций) незавершенным, на наш взгляд, остается вопрос о правомерности включения района Сино-Тибетских гор с их исключительно богатой авифауной в состав Тибетской провинции. Именно этот шаг приводит авифаунистическую характеристику Тибета в особо острое противоречие с понятием Тибетского типа авифауны Б.К. Штегмана. В плане проблем авифауногенеза, особенно его ландшафтогенетического аспекта, противоречивым остается слияние или разделение северных (пустынно-засушливых и часто безлесных) тибетских и влажных «лесных» южных склонов Гималаев с их крайне богатой и весьма своеобразной авифауной. Не менее остры и противоречивы проблемы ландшафтного макрорайонирования Западных и Восточных Гималаев. По нашему мнению, именно Западный регион Гималаев и гор-

ные ландшафты Сино-Тибета могли сыграть приоритетную роль в формировании современных ландшафтных горных и равнинных зональных растительных и макрофаунистических комплексов не только Сибири, Средней Азии, но и Европы. Не останавливаясь на более тонких деталях, рассмотрим наиболее важные моменты проблемы авифаунистического эндемизма в их понимании Р.Л.Бёме. При этом, несколько изменяя логику Рюрика Львовича изберем обратную последовательность характеристики намеченных им 10 выделов.

Во второй совместной с Д.А. Баниным монографии «Горная авифауна Южной Палеарктики» (изд. МГУ, 2001) проблеме эндемизма горной авифауны посвящен особый раздел. Подчеркивая ведущую роль изоляции (мозаичности горных ландшафтов и популяций животных вообще), Рюрик Львович кратко оценивает значение каждого типа поясов в эволюции горных птиц, подчеркивая ключевую роль в этом процессе именно высокогорных поясов, где островные феномены ландшафтов и местообитаний проявляются особенно резко. При сохранении общего единства всех регионов альпийского орогенеза, свою позицию он характеризует метафорой «континента в континенте». При этом важнейшее значение он придает явлениям смешивания популяций, а иногда и подвидов в процессе миграций и на зимовках. По-нашему мнению, современные исследования (особенно в связи с разработкой новых аспектов этологической и экологической изоляции, открытием и изучением явлений массового этолого-экологического биоморфизма у птиц чрезвычайно усложняют проблему генетической структуры и эволюции популяционных систем. На фоне массового существования внутри популяций гибридных форм в одних случаях (например, зяблик) и существования больших (географических) популяций с жестко линейными границами (восточный соловей) проблема этологической изоляции не только в пределах гнездовых территорий, но и на зимовках, становится более очевидной. Более того, за период более 20 лет нами обнаружены периодические «переселения» целых географических популяций (восточный соловей) в зависимости от погодных условий, с последующим возвращением в «коренные» районы. Существование подобных районов установлено на примере восстановления популяционных особенностей песни курских соловьев, более 100 лет назад описанных Шамовым. Крайне важным моментом появления локальных подвидов Рюрик Львович считал оседлость представителей вида. Особое внимание он уделял следующим примерам: белоголовому сипу (вместе с кумаем), черному грифу, пестрому каменному дрозду, горихвостке-чернушке, арчевым дубоносам, рыжешейной синице, мохноногому сычу, трехпалому дятлу, клесту-еловику, кедровке, большой и розовой чечевицам, расписной синице, бледной завирушке, альпийской галке, стенолазу, снежному вьюрку, красному и жемчужному вьюркам, горному и розовому конькам. Затрагивая проблему видового эндемизма, особенно Гималаев и Тибета, Рюрик Львович акцентировал внимание на рябчике Северцова, синехвостках, пищухах, снегирях, коньках, китайских и гималайских фазанах, завирушках, уларах. В многолетних беседах до и после написания монографии мы многократно обсуждали проблемы

тонких видовых, подвидовых, популяционных и эколого-этологических адаптаций, которые, в конечном итоге, стали ключевыми моментами и принципами дифференциальной экологии. Исключительную роль в сборе и осмыслении таких материалов сыграли, по-нашему общему мнению, работы Д.А. Банина. С неповторимой энергией и мастерством, тончайшей наблюдательностью Дмитрий Алексеевич немало лет отдал изучению птиц одного из труднейших горных узлов Средней Азии – горам Матчи. Им обследованы практически все основные горные системы бывшего СССР. С его приходом практически открылся новый этап эколого-этологического изучения авифауны гор. Среди общих моментов этого плана хотелось бы обратить внимание на следующие моменты и факты, не отмеченные в двух изданных книгах. Среди них выявление четких адаптаций трехпалого дятла к жизни в темнохвойных (возможно в том числе и пихтовых) лесах, тесную связь черноголового кавказского поползня с пихтовыми лесами, четкое сохранение «горных» адаптаций даже у лесных видов и форм горихвосток (охота с присады на голых в том числе и скальных площадках) при тесной филогенетической связи «норного» (в скальных щелях и россыпях) гнездования и перехода к дуплогнездности – свидетельство возможно горного происхождения всего рода. Поразительные факты ухода восточных (материнских) частей ареалов клеста-еловика и москочки за пределы таежных зон темнохвойных лесов. Связь белокрылого клеста с формацией лиственничных лесов, а клеста-сосновика с ледниковыми рефугиумами сосны в самом сердце европейских (скандинавских) ледников. Связь мохноногого сыча с темнохвойным (таежным ли?) лесом. Четкие связи рыжешейной синицы с арчей, а дрозда-дерябы – арчей и можжевельниками. Толстоклювого подвида кедровки – с лесами кедровой сосны, а тонкоклювого – с еловым лесом. Я упоминаю об этих материалах именно в разделе об эндемизме в связи с тем, что построенный на подвидовом уровне анализ, на наш взгляд, не только свидетельствует об огромном потенциале идей Рюрика Львовича, но и о том, что его идеи «дискретного» на повидовом уровне анализа выводят нас в перспективе на связи проблем эндемизма и авифауногенеза, на проблемы и возможности «исторического ранжирования» и определения возраста отдельных, особенно локальных подвидов, океан которых и в наши дни остается практически необозримым. Второй важнейший аспект проблем именно горной авифауны – выявление исторических связей видовых, подвидовых и популяционных комплексов горных птиц с основными историческими этапами эволюции ландшафтов всей горной цепи альпийского орогенеза и отдельных ее макрорегионов. Особое значение в наших беседах мы придавали начальным (степным) стадиям орогенеза, маркируемым расселением номинального подвида белоголового сипа и формированием двух его локальных подвидов по мере роста высоты гор восточного (материнского) региона до локального подвида или вида – эндемика кумая. Аналогичная логика характеризует формы бурого грифа связанные с гнездованием на деревьях, с одной стороны, и на скалах, с другой. Особое значение мы придавали (не отмеченным в монографиях) последовательным формированиям

и расселению волн хвойных пород по плиоценовым горам с востока на запад в ряде случаев до Атласа включительно (тисы, сосны, можжевельники, пихты, ели, кедры, лиственницы и др.). С этими волнами не только связана эволюция многих видов птиц, но и явные черты их адаптации на «скрытых» уровнях, в частности, – особые формы накладных гнезд на еловых и пихтовых лапах у зябликов, снегирей, зеленушек и т.д.).

ГИМАЛАИ

Также как и Тибет, этот регион оказался не только одним из первых и наиболее мощных очагов альпийского орогенеза, но и соседствовал с районами Центральной Азии, первыми освободившимися от вод усыхавшего Тетиса. К тому же, именно эти районы Востока, переживавшие в связи с этими событиями колоссальные ландшафтно-климатические катаклизмы, соседствовали с наиболее продуктивными, а, следовательно, и выделявшимися особым разнообразием и высокой численностью множества видов тропических и субтропических фаун и флор, перешедшими к этапу стремительного видообразования. Важнейшими процессами эволюции ландшафтов оказались сначала процессы аридизации климата, смены элементов полтавской и тургайской флор флорами саванн, а затем степей и пустынь. Впоследствии, с поднятием гор, их остепнением и формированием мощнейших очагов и последующих волн по всей альпийской цепи (до африканского Атласа) – фауны и флоры хвойных пород (пихт, елей, лиственниц и др.). Причем многие из этих пород (а за ними – видов и фаунистических групп в каждом из районов «вспучивания») давали особые виды и формы. Именно Гималаи вместе с горными узлами истоков великих рек Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии стали ареной гигантского преобразования лика всей Палеарктики. Выявляя современных эндемиков Гималаев, Рюрик Львович обращает внимание не только на их видовое обилие, но и особую связь явления локального эндемизма с поясом горных лесов (21 вид). При этом поразительно, что в горно-степном поясе, кустарниковом и луговом поясах Гималаев при общем обилии горных птиц чисто гималайских эндемиков практически нет (за исключением двух видов: черноголовый трагопан и краснобровая чечевица – в кустарниковом поясе). Зато необычно велико количество видов общих с Тибетом, что и могло усиливать позиции противников позиции Рюрика Львовича. Не менее удивительно и практическое отсутствие эндемиков подвидового ранга. Последнее, в значительной степени могло быть связано с недостаточной изученностью подвидов этого региона. В обширном списке эндемиков горно-лесного пояса Гималаев приведены следующие виды: черноголовый трагопан, гималайский фазан, гималайский кольчатый попугай, гималайский, буролобый дятлы, малайская сойка, белохвостый гималайский поползень, двухцветная пищуха, сероухая сутора, синеголовый каменный дрозд, одноцветный дрозд, тонкоклювая пеночка, оранжевогорлая и ультрамариновая пестрые мухоловки, непальская острохвостая нектарница, желтобрюхий зеленый вью-

рок (гималайская зеленушка), очковый вьюрок, краснобровая чечевица, желтоспинный, красноголовый снегири, черно-золотистый горный дубонос. С нашей точки зрения, мощная вспышка видового макроэндемизма в горно-лесном поясе Гималаев может быть свидетельством стремительного подъема гор и изменения в основном местных видов, не давших потомков в северных областях Палеарктики.

ТИБЕТСКОЕ НАГОРЬЕ

Также как и Гималаи, Тибетское нагорье – одна из самых высоких и наиболее древних в системе альпийского орогенеза горных стран южной Палеарктики. Симптоматично, что среднегорье северной, центральной и западной частей страны представлено главным образом горными степями и горными лесами умеренного климатического пояса, тогда как в восточной и юго-восточной частях (в основном Сино-Тибетское нагорье и истоки Великих рек Азии) преобладают влажные субтропические леса, лишь в верхней части пояса сменяющиеся листопадными и хвойными лесами, дающими основные формы эндемизма этой страны. В отличие от Гималаев, в богатой фауне горно-степного пояса Тибета (28 видов в соответствии с концепцией Р.Л.) выделены 4 вида эндемиков: большой кеклик Пржевальского, снежный вьюрок Тачановского, красношапочный снежный вьюрок, снежный вьюрок Блендфорда. Среди 9 эндемичных подвидов – 3 подвида рогатого жаворонка, подвид горихвостки-чернушки, каменного воробья, 2 подвида горной овсянки, 2 подвида бледной чечетки. Также как и в Гималаях богатая фауна горно-лесного пояса Тибета, по характеристике Рюрика Львовича представленного разреженными лиственными и арчевыми лесами в западной и северной частях, где лишь местами растут хвойные леса, и богатым разнообразным субтропическим лесом в своей восточной (Сино-Тибетские горы) и юго-восточной частях, населяют 126 видов горных птиц. Из них 36 видов Р.Л. включает в список эндемиков Тибета. Среди них: рябчик Северцова, голубой ушастый фазан, черноголовая кукушка, синица Давида, юннаньский поползень, сероголовая длиннохвостая синица (ополовник), трехпалая и очковая суторы, сутора Пржевальского, сутора *P.verreauxi* (?), китайский и большой бабаксы, бабакс Козлова, большая группа кустарниц (серая, Давида, Сукачева, пепельная, волнистая, большая, лесная, рыжешейная, полосатая, желтокрылая), ошейниковая юхина, горная, буроголовая и рыжеплечая альциппы, рыжехвостая мупиния, полевая горихвостка, соловей Давида, буроголовый, рододендровый и китайский дрозды, черноголовый зеленый вьюрок – чиж (черноголовая юннаньская зеленушка), винно-красная и трехпоясная чечевицы. Таким образом, в избранных Р.Л. границах физико-географической страны Тибетского нагорья районы Сино-Тибетских гор и горных истоков Великих рек Азии (Хуанхэ, Янцзы, Меконга) представляют собой один из мощнейших очагов эндемизма горных лесов, в структуре которого прослеживаются возможные связи с процессами авифауногенеза Сибири и Северной Евразии (рябчик Северцова,

черноголовая кукша, сероголовый (!) ополовник, суторы, «зеленые чижи», горные «красные» чечевицы и др. При этом мощь этого авифауногенетического очага неизмеримо возрастает при включении не только горных, но и равнинных видов птиц региона. У нас нет сомнений в том, что именно Сино-Тибетские горы и истоки Великих рек могли быть одним из мощнейших флороценотических (горных!) очагов – источников таежных темнохвойных и лиственничных лесов тайги Палеарктики. Нетрудно заметить, что авифаунистическая и авифауногенетическая мощь «окраин Тибета» и в наши дни остается одной из самых противоречивых и сложных проблем ландшафтно-зоогеографической концепции Рюрика Львовича. Однако поистине гигантский и в те далекие годы поистине дерзкий труд, вложенный в постановку и разработку проблемы как по методологическим, так и интеллектуальным перспективам, далеко превосходит значение возможных корректив конкретных зоогеографических границ. Не менее ценные и неожиданные материалы получены по проблеме эндемизма птиц пояса горных кустарников и криволесья высокогорий Тибета. Именно здесь из 47 гнездящихся видов 11 отмечены в статусе эндемиков этого ландшафтного пояса. Среди них: обыкновенный кундык, белый, бурый и голубой ушастые фазаны, белобровая синица, рыжехвостая мупиния, рододендровый дрозд, хохлатая расписная синичка, краснопоясная чечевица и чечетка Пржевальского. Таким образом, при доминировании на Тибетском нагорье преимущественно видового эндемизма, особенно важным явлением, на наш взгляд, становится факт появления эндемиков подвидового ранга, оказывающегося доминирующим феноменом во всех странах и провинциях западнее Тибета. Если на Тибетском нагорье подвидовой эндемизм впервые появляется в горно-степном поясе, то западнее он развивается практически во всех поясах гор.

АЛТАЙ И САЯНЫ

Горная страна Алтая, Саян и Монгольского Хангая, особенно в пределах России, оказывается северным таежным форпостом гор Южной Палеарктики. Эндемичным видом горно-степного пояса здесь оказывается завирушка Козлова. Пять эндемичных подвидов представлены джунгарским азиатским кекликом, алтайским рогатым жаворонком, центральноазиатской клушицей, монгольским каменным воробьем и горной овсянкой Годлевского. В поясе горных лесов отмечен эндемичный подвид черногорлой завирушки Мензбира. В поясе горных кустарников – алтайский подвид горной чечетки, а в криволесье – эндемичный алтайский подвид серого сорокопута. В поясе альпийских горных лугов отмечены два эндемичные вида: алтайский улар и большой чекан (оба вида, как нам представляется, сохранили связи с горными степными и луговыми ландшафтами древних начальных стадий орогенеза. В статусе эндемичных подвидов пояса альпийских лугов представлены: три подвида сибирского вьюрка (номинальный, саянский, Сушкина), тарбагатайский жемчужный вьюрок, кобдоская (монгольская) большая чечевица и снежный вьюрок Грум-

Гржимайло. Во время четвертичного похолодания, видимо, проникли в горные тундры Алтайско-Саянского региона 4 субарктические вида, образовавшие здесь особые подвиды: малоклювая белая куропатка, алтайская тундряная куропатка, номинальный подвид полярной овсянки и хрустан.

СТРАНА ГОР СРЕДНЕЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В сложной системе гор Средней и Центральной Азии, охватывающей Тянь-Шань, Памиро-Алай, Гиндукуш, Тарбагатай и Саур, заметное разнообразие эндемичных подвидов характерно для горно-лесного пояса и пояса высокогорных субальпийских кустарников. Среди эндемиков горно-лесного пояса доминируют эндемичные горные подвиды равнинных лесных птиц: туркестанская обыкновенная неясыть, тяньшанский трехпалый дятел, туркестанский желтоголовый королек, желтогрудая лазоревка, тяньшанская белая лазоревка, тяньшанская московка, тяньшанская обыкновенная пищуха, полосатая кустарница Белькевича, тяньшанский клест-еловик. Для этого же пояса эндемичен подвид туркестанской черногорлой завирушки. Для пояса субальпийских кустарников характерны эндемичные подвиды: туркестанской черногрудой красношейки, среднеазиатской расписной синицы, тяньшанской и гиссарской бледных завирушек, арчевого дубоноса (*M.s.centralis*). В горно-луговом поясе в качестве эндемиков выделены: тяньшанский жемчужный вьюрок, тяньшанский подвид красного вьюрка (*Pyrghospiza punicea kilianensis*). Следует отметить, что в этом случае, как и во многих других, принятая Рюриком Львовичем система подвидов Вори отличается от таковой шеститомника «Птиц Советского Союза». К сожалению, этот факт предпочтения системы Вори перед отечественной системой шеститомника, в работе над которым Р.Л. принимал непосредственное участие остался вне обсуждения и наших бесед. Таким образом, страна гор Средней и Центральной Азии и ныне остается важным, еще недостаточно изученным звеном в проблеме авифауногенеза птиц России и бывшего СССР (Северной Евразии). При этом особый интерес, на наш взгляд, представляют такие виды и их подвиды, как обыкновенная неясыть, корольки, лазоревки, московка, трехпалый дятел, обыкновенная пищуха, клест-еловик, завирушки, черногрудая красношейка, расписная синица, арчевый дубонос, жемчужный вьюрок, красный вьюрок. Особенно интересным и значимым нам представляется случай с тяньшанской и желтогрудой лазоревками, из которых, как нам кажется, напрямую выводится таежная белая лазоревка. Знаменателен случай с тяньшанским (еловым?) трехпалым дятлом.

СТРАНА ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ НАГОРИЙ

Весьма специфичной предстает перед нами проблема подвидового эндемизма Переднеазиатских нагорий. В поясе горных степей эндемичны: серая овсянка Семенова, короткопалый (каменный) воробей, афганский снежный (зем-

ляной) воробей, четыре подвида азиатского кеклика (Шестоперова, курдистанского, Веры, Коровякова), три подвида малого скалистого (*S.n.rupicola*, *tschitscherini*, *plumbea*) и подвид большого скалистого поползней (*S.t. obscura*), горихвостки-чернушки Александрова, сионской бледной чечевицы Салимали. Эндемиком горно-лесного пояса Передней Азии является сирийский канареечный вьюрок. Здесь же обитает эндемичный подвид – крапивник Маргариты. В поясе горных кустарников эндемичны два подвида: арчевого дубоноса (*M.c. speculigerus*) и бледной завирушки (*P.f. ocularis*). Для горно-лугового пояса эндемичны каспийский улар и подвид большой чечевицы (*C.r. diabolica*).

АЗИАТСКОЕ СРЕДИЗЕМЬЕ

В макрозоогеографических и типологических исследованиях Азиатское Средиземье, как правило, рассматривается как единое Средиземье, а Средиземноморские типы фаун (с учетом всех групп животных: насекомых, млекопитающих, рыб и т.д.) обычно охватывают гигантскую область Средиземья, Переднюю и Среднюю Азию, Иранское нагорье и даже простираются до Монголии. Иными словами, – охватывают всю акваторию бывшего Тетиса. Хотелось бы обратить внимание на то, что в Средиземноморский тип авифауны Б.К.Штегман включает Северную Африку, Среднюю Азию и Иранское нагорье. А.Л.Тахтаджян в своей монографии «Флористические области Земли» (1978) выделяет в качестве самостоятельных флористических областей Средиземноморье (с Атласом), Сахаро-Аравийский и Ирано-Туркестанский (включая Малую, Среднюю Азию, Тибет и Монголию) регионы. Восточную границу последней области он проводит по западному подножию Большого Хингана, через восточный край излучины Хуанхэ и истоки Великих рек (Янцзы и Меконга) в районе их поворота к югу. В его схеме смущающий нас Сино-Тибетский горный массив с его богатой фауной и резко обогащенной по сравнению с Тибетским нагорьем флорой, также входит в состав Тибетского нагорья, как и в схеме Рюрика Львовича. Эндемичные подвиды горно-степного пояса: синайский подвид азиатского кеклика, очередной подвид рогатого жаворонка, номинальный подвид синайской чечевицы. Эндемичные подвиды горно-лесного пояса образуют: серая неясыть (*S. a. obscurata*), большой (*D. m. paphlagoniae*), средний (*D. m. anatoliae*), малый (*D. m. danfordi*) пестрые дятлы, сойка (*G. g. atricapillus*), большая средиземноморская гаичка (анатолийский подвид) и московка Дерюгина.

КРЫМСКО-КАВКАЗСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

Родину Рюрика Львовича, знание которой с детских лет и до последних дней оставались вершиной его (я бы сказал – династической) творческой мысли, можно считать эталоном – идеальной моделью ландшафтного и авифаунистического региона. Богатство, сложность видового и подвидового состава и

доскональное знание тонкостей происхождения, эволюции ландшафтов и фауны, во многих чертах далеко превосходящими аналогичные знания практических всех рассматриваемых им регионов альпийского орогенеза. Этот уникальный статус Кавказа и Крыма, в конечном итоге, обеспечил особую роль региона и для разработки ключевых методологических приемов и принципов проблемы авифауногенеза. Эталонный характер района определен длительным периодом существования Кавказа в форме острова на оптимальных широтах субтропиков. Сама интенсивность горообразования способствовала не только близкому к идеалам развитию поясных ландшафтных структур доледникового и ледникового возврата, но и (может быть главное) близкому к высшему изобилию, сохранению древнейших реликтовых формаций типа Гирканских, в сущности, третичных лесов. Уникальную ландшафтную и биоценотическую (экологическую) роль на Кавказе играют каштановые леса, сообщества 12 видов дубов и мн. др. Уникальна для гигантского все еще лесного острова Кавказа специфика ландшафтов его западных и центральных (преимущественно лесных) районов и степного и опустыненного (Дагестанского) Востока. Для горно-степного пояса Крыма характерен только один местный подвид горной овсянки. В горно-лесном поясе среднегорья Крыма эндемичные подвиды образуют: сойка, ополовник, московка, обыкновенная пищуха, крапивник, деряба, клест-еловик, обыкновенный дубонос. Общие с Западным Кавказом подвиды образуют: тетеревиный, мохноногий сыч, лазоревка, черный дрозд, желтоголовый королек, лесная завирушка. Подобное изобилие локальных подвидов птиц разнообразного экологического профиля, возраста и происхождения практически уникально. Тем более для низкогорной страны. Уникально и то, что в четвертичных отложениях пещер Крыма обнаружены остатки не только альпийской галки, но и клушицы, что по мнению М.А.Воинственского свидетельствует о существовании в Крыму высокогорного яруса в прошлом. Рассматривая специфику авифауны Кавказа, Рюрик Львович обращает внимание на подвиды эндемичные для соседних регионов, но лишь частично заходящие на Кавказ с его запада и востока. И наоборот – кавказские подвиды, выходящие за пределы Кавказа. Среди подвидов степного пояса, частично выходящих в пределы Передней Азии – кеклик, клушица, каменный воробей. На Западном Кавказе обитает подвид европейской горихвостки-чернушки. На остальной его части – *P. o. ochrugos*. Бородач и пестрый каменный дрозд представлены западными подвидами, а синий каменный дрозд и горная овсянка – переднеазиатскими. В горно-лесном поясе эндемичны: большой ополовник, московка Миклашевского, кабардинская черноголовая гаичка, кавказский обыкновенный поползень, кавказская об. пищуха, кавказский клест-еловик, снегирь Россикова, темный об. дубонос. С горными лугами связан эндемичный кавказский подвид горного конька. Для Кавказа эндемичен кавказский улар и подвиды длинноклювого стенолаза, номинальные подвиды краснобрюхой горихвостки и большой чечевицы. Таким образом, горная авифауна Кавказа, благодаря своему географическому положению и длительному островному статусу, не только богата своими

эндемичными горными формами, но и обогащена восточными и западными вселенцами эндемиков соседних горных регионов. При этом фауна Крымской и Западно-Кавказской части страны тяготеет к Альпийско-Карпатской стране и Европейскому Средиземью, а центральная и восточная части – к азиатским горным странам, что отчетливее проявляется в поясах высокогорий.

АЛЬПИЙСКО-КАРПАТСКАЯ ГОРНАЯ СТРАНА

Альпийско-Карпатская горная страна является мощным горным узлом (центром) Европы. Однако эндемизм ее авифауны скорее разителен и локален, чем массов. Из природных условий, выделяемых Рюриком Львовичем, следует особенно подчеркнуть субтропический характер лесов южных склонов гор при господстве европейских широколиственных лесов, сменяющихся смешанными и хвойными сосновыми, еловыми и пихтовыми лесами среднегорья. Единственный эндемичный подвид предгорий Альп – кеклик *A.g.saxatilis*. В горно-лесном поясе горные подвиды образуют такие равнинные виды как уральская неясыть, трехпалый дятел, кедровка, а также глухарь, рябчик (в Карпатах). В Карпатах выделен горный восточный подвид обыкновенной оляпки. В горных тундрах северных Альп обитает эндемичный подвид тундряной куропатки, а в высокогорных березовых рощах – эндемичный подвид чечетки. Таким образом, в связи с более мощным развитием высокогорий вплоть до нивальной зоны отмечается вспышка подвидов и сохранение видов условно таежного комплекса, сохранение одной из тундровых форм. (тундряной куропатки, как, впрочем, и в Пиренеях образующей местный пиренейский подвид). Эти факты крайне важны, так как дают возможность более точно датировать время формирования местных форм горного эндемизма подвидового уровня.

ЕВРОПЕЙСКОЕ СРЕДИЗЕМЬЕ

Проблема эволюции ландшафтов и эндемизма авифауны Средиземья очень сложна. Она и до наших дней остается весьма спорной. В свое время не избежала критики и позиция Б.К.Штегмана, разделившего фауну западной Европы на два типа: европейский и средиземноморский (Гептнер, Долгушин и др.). Особо спорной казалась попытка противопоставить авифауну широколиственных лесов Европы, как известно, сохранивших остатки единой европейско-китайской полосы древних широколиственных лесов (голубая сорока, малый подорлик, могильник и т.д.), ксерофитным лесам Средиземноморья. Между тем, как приведенные случаи, а также множественные очаги обитания нынешних представителей европейского типа авифауны в широколиственных лесах Апеннин, на юге Италии (пеночка-трещетка и др.), в ряде случаев по своему обилию не уступающие выделенным Б.К. Штегманом для Европейского типа авифауны характерным видам, свидетельствуют против разобщения Европейского и Средиземноморского типов авифаун. Сегодня, как нам кажется, следует

обратить особое внимание на следующие моменты. Эта в значительной мере субтропическая зона Европы практически лишена субтропической коренной авифауны как таковой. Вполне вероятно, что в истории современных ландшафтов широкомасштабные сдвиги природной среды раньше, чем на них откликаются растительные формации, приводят к вымиранию больших блоков аборигенных фаун и геологически длительные периоды времени зональные ландшафты могут существовать в статусе своего рода «опустевшей корзины». Не малую роль в этих процессах мы склонны отводить ледниковой эпохе. В истории северного Средиземья весомые следы оставили и два других фактора: процесс усыхания Тетиса, по многим данным выполнявшего важнейшую роль очага формообразования не только для околотовных, но и многих видов и групп, населявших прибрежные и островные участки. Не менее важным, по нашему мнению, мог оказаться и эоценовый островной характер всего Европейского субконтинента. О всех перечисленных явлениях и процессах, на наш взгляд, свидетельствует и тот факт, что и ныне острова Средиземного моря в буквальном смысле кишат «эндемизмом» подвидов даже самых обычных видов. В этой связи, как нам представляется, важно отметить, что при всем внешнем многообразии природы и авифауны региона его горная составляющая (по спискам Рюрика Львовича) выглядит значительно скромнее Атласской. На наш взгляд, ксерофитность растительности региона может и не «пересилить» экологической и исторической роли богатства лиственных (преимущественно широколиственных) и еще сохранившихся с плиоцена хвойных лесов. Многие, в том числе и уникальные, формы дубов, субтропических форм кустарников и деревьев: кленов, ясеней, буков, сосен, елей, пихт и даже лиственниц, демонстрируют как явные, так и скрытые (древние) связи птиц с эпохами и растительными формациями прошлого. Сложность оценки возрастает и в связи с мозаичностью расселения многих видов птиц. Из представителей горно-степного пояса упомянуты стервятник, белоголовый сип, бородач, черный гриф, красный кеклик, клушица, пестрый и синий каменные дрозды, горихвостка-чернушка. Для Балканского полуострова – азиатские виды: кипрский подвид кеклика, малый скалистый поползень и один из подвидов рогатого жаворонка.. Из эндемичных для Европейского Средиземья подвидов отмечены формы также с локальными и мозаичными ареалами: номинальный подвид греческого кеклика и подвид Уэтекера того же вида, один из подвидов красного кеклика, номинальный подвид малого скалистого поползня, перинейский подвид горихвостки-чернушки.

АТЛАССКИЕ ГОРЫ

Ландшафтный район Атласа, с одной стороны, можно представить себе как западный форпост затухающих волн альпийского орогенеза, с другой стороны, - как уникальный район рефугиумов, своего рода летопись ряда важнейших и древнейших этапов эволюции и сохранения следов и остатков древних флор и формаций растительности наиболее отдаленных от нас флорогенетиче-

ских эпох, история которых, также как и в островном Средиземье, осложнена влияниями европейских ледниковых эпох... Рюрик Львович, возможно, одним из первых наших орнитологов, еще в ранние годы своих работ, осознавал это значение Атласа, да и всего Средиземья. При орнитогеографической и ландшафтной характеристике он подчеркивал переходный характер природных условий региона от субтропиков Средиземноморья к тропическим пустыням Сахары. Он подчеркивал особенности вечнозеленых зарослей и лесов из пробкового дуба (характерных для предгорий, обращенных к Средиземному морю), сухих степей и полупустынь с редкими колючими подушкообразными кустарничками и небольшими деревцами акаций и диких фисташек. Особое значение он придавал среднегорным хвойным лесам из атласского кедра и тиса, приуроченным к средиземноморским склонам Атласа и европейского типа широколиственным листопадным лесам выше 1500 м., отмечая практическое отсутствие лесов с сахарской стороны. Не обошел он вниманием и редкостойные формации лесов из древних форм сосен, кедров и можжевельников. В дальнейшем, с развитием эколого-этологического направления работ на кафедре, многие моменты ландшафтной и орнитогеографической истории региона Атласа и всего Средиземноморья в наших беседах приобрели весьма специфическое направление. Более конкретным содержанием оказалась наполненная история птиц да и сами этапы замещения и преобразования формационных систем растительного покрова. Так явление трансальпийского расселения черного дрозда, потемнение которого (при сохранении светлых палевых тонов в окраске индийских подвигов) удалось связать с древнейшей эпохой тисовых степных низкогорий всей цепи альпийского орогенеза (при интенсивной ультрафиолетовой инсоляции). Как известно, именно черный дрозд, в наши дни населяющий глухие и темные участки широколиственных и хвойно-широколиственных лесов, – одна из немногих птиц, потребляющая ядовитые плоды этого кустарника. Наши наблюдения одновременно показали, что только у черного дрозда ярко выражена склонность к потреблению плодов мелкоплодного дальневосточного винограда, кое-где произрастающего в садах нашей средней полосы. О необходимости особого внимания к можжевельным и арчевым формациям свидетельствуют кормовые адаптации наших тетеревов, дерябы, арчевых дубоносов и ряда других видов птиц, особенно гор Средней Азии и Востока. В осмыслении истории авифаун, особенно на примере Атласа, островного Средиземноморья и Средиземья вообще, имеют ключевое значение именно трансальпийские виды, в частности, белоголовый сип, черный гриф, бородач, улары (каспийский) и другие. Эти виды при одновременной высокогорности склонны к гнездованию в условиях степных и опустыненных низкогорий. Анализируя авифауну отдельных высотных поясов Атласа, Рюрик Львович останавливает внимание на эндемичном атласском подвиде рогатого жаворонка, наличии единственного эндемичного (также трансальпийской группы) берберийского кеклика. В качестве ключевых подвидов выделены: берберийский подвид бородача, берберийский подвид клушицы, берберийский каменного воробья, эндемичный подвид красно-

крылого чечевичника (*R. s. aliena*), африканский подвид горной овсянки. При анализе авифауны Атласса, как и в ряде других случаев, возникает проблема более жесткого, или наоборот, - более широкого понимания эндемизма, в особенности при столкновении с островными феноменами и случаями расселения локальных популяций в один или несколько соседних регионов. С этой же сложной проблемой на более масштабных пространствах, нередко приводившей к ожесточенным спорам, вплоть до требований объединения таких регионов, столкнулся и Б.К.Штегман при характеристике своих типов авифаун, выделяя при этом особые группы видов «двойного подчинения» (монголо-европейские, монголо-тибетские и т.д.). В нашем случае к таким видам был отнесен один из «местных» подвидов пустынного снегиря (*B. g. amantus*), обитающий также в юго-западном Марокко и на Канарских островах, а также *B. g. zedlitzii*, – в Сахаре и Северном Египте. При характеристике лесного пояса Атласских гор мы сталкиваемся с особым явлением поистине взрыва «местных подвидов», исторически более связанных с лесами равнин и предгорий, чем с собственно горными лесами. В этой группе оказались особые местные подвиды сойки, большой синицы, лазоревки, крапивника, черного дрозда, зарянки, обыкновенного дубоноса, зеленушки, зяблика. Дополнительно выделена группа из четырех видов: московки, дерябы, клеста-еловика и оляпки.

ПРОБЛЕМЫ АВИФАУНОГЕНЕЗА

Таким образом, за скупыми строками, в сущности, грандиозной работы по составлению списков, скрупулезному сбору данных по ареалам, экологическим характеристикам и проблеме эндемизма 270 видов и 500 подвидов горных птиц и не менее сложному поиску ландшафтных характеристик всех высотных горных поясов, географических стран и зоогеографических провинций на гигантской территории системы альпийского орогенеза (от Гималаев и Востока Китая до Атласа и островов Средиземного моря), таится не менее грандиозная панорама авифауногенеза гор Южной Палеарктики, скрывается ее фундаментальная роль в становлении ландшафтов и фауны птиц Палеарктики. Многие десятилетия Эта проблема оставалась своего рода Terra Incognita, на самом деле будучи материнской системой современных ландшафтов и множества фаунистических комплексов гигантского региона Палеарктики. В настоящей статье мы затронули лишь малую часть проблем и вопросов авифауногенеза гор Южной Палеарктики и всей Северной Евразии, над которыми Рюрик Львович трудился многие годы своей творческой жизни. Нет сомнений в том, что именно проблемы авифауногенеза остаются ключевыми в разработке программ исследования и экологической оптимизации природной среды, повышения продуктивности, устойчивости ландшафтов и ландшафтных фаунистических комплексов России и бывшего СССР. Наконец, разработка новых программ экологического мониторинга авифаун различных по своему возрасту, происхождению, устойчивости и уязвимости в условиях тотальной урбанизации гигантских про-

странств Палеарктики в наши дни приобретает особую актуальность. Но прежде, чем перейти к планированию и разработке этих проблем, в частности, и проблем авифауногенеза, предстоит осуществить весьма трудоемкую работу по синхронизации видовых и подвидовых названий большинства видов птиц, уточнению современных данных по их ареалам, экологическим характеристикам и мн. др. Первые наброски этого трудоемкого плана, как нам кажется, были сделаны в специальной главе второй (совместной с Д.А.Баниным) книги Рюрика Львовича.

Summary

G.N. Simkin. *Endemism and History of Bird Fauna of the Mountains of the Southern Palearctic in the books of R.L. Boehme*

Recollections of a well-known scientist who was a colleague of Ryurik Boehme during his years as Professor of Vertebrate Zoology at the Moscow State University. The publication gives a detailed analysis of Professor Ryurik Boehme's books on endemism and the formation of bird fauna of the mountains of the Southern Palearctic.

ПОЕЗДКА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

С.М. Смиренский

Ст. научн. сотр МГУ им. М.В. Ломоносова

В 1966 г., не одолев вступительных экзаменов Биологического факультета МГУ, я отправился с университетскими почвоведом в Колхиду, а потом, по рекомендации руководителя экспедиции Б.Г. Розанова, был принят лаборантом на кафедру зоологии позвоночных вышеупомянутого факультета. Несмотря на раннюю любовь к птицам, в школьные годы я не имел возможности участвовать в биологических кружках, знания о птицах были поверхностны и я чувствовал себя очень скованно, оказавшись среди легендарных профессоров Г.П. Дементьева, Н.П. Наумова, Б.С. Матвеева, В.Г. Гептнера. Я мало знал в то время о Рюрике Львовиче Бёме, но популярные книги его отца Льва Борисовича были мне хорошо знакомы с раннего детства.

Тёплая улыбка Рюрика Львовича, его готовность рассказывать и выслушивать о птицах столько времени, сколько у вас было и много дольше, знакомить с только что полученными или раритетными изданиями о птицах, с коллекцией тушек на кафедре и с коллекцией живых птиц у него дома помогли мне, как и многим другим, впервые попадавшим на кафедру, почувствовать себя там своим.

Поступив на биолого-химический факультет МГПИ, я не терял связи с кафедрой и постоянно обращался за советами к Рюрику Львовичу. В 1970 г. Р.Л. Бёме удалось убедить Н.П. Наумова, возглавлявшего в то время кафедру зоологии позвоночных и биолого-почвенный факультет, перевести меня на учёбу в МГУ. Поскольку мне зачли педвузовскую практику по зоологии позвоночных, лето оказалось свободным. Предложение Р.Л. отправиться вместе с ним и Валерой Рудницким в экспедицию на Дальний Восток давало возможность осуществить давнишнюю мечту – познакомиться с краем, столь волнующе описанным в любимых с детства книгах В.А. Арсеньева, Е.П. Спангенберга, К.А. Воробьёва. Правда, вскоре выяснилось, что район наших исследований расположен много западней и его природа выглядит куда скромней. О фауне птиц Амурской области было в то время, как впрочем и сейчас, мало что известно. Неоценимую помощь оказала серия статей И.А. Нейфельдт по биологии отдельных видов с детальным описанием и прекрасными фотографиями Амуро-Зейского плато. Одна из ее работ о белогорлом или лесном каменном дрозде и определила выбор района полевых исследований. В отличие от других «каменных» дроздов, белогорлый дрозд (*Monticola gularis*), или как чаще мы его называли, «гулярис», не связан со скальными обнажениями. Поэтому для Р.Л., который в те годы занимался изучением формирования авифауны гор, этот вид представлял особый интерес. Ну и конечно не стоит забывать о том, что этот удивительно нарядно окрашенный и прекрасно поющий дрозд был мечтой всех любителей певчих птиц. Звучные песни гулярисов мы слышали в первый же

вечер по приезде в село Климоуцы. Песни доносились со всех сторон, с вершин небольших сопок, вплотную подступавших к селу. Как потом выяснилось, гулярисы также хорошо слышали друг друга и предпочитали солировать не ближе километра друг от друга. Поэтому одна из задач нашей экспедиции - найти гнёзда гулярисов и понаблюдать за птицами, - оказалась куда более сложной, чем нам показалось в день приезда. Гулярисы оказались большими хитрецами. Самцы пели вдали от гнёзд и в присутствии наблюдателя иногда вставляли тревожные ноты, но не давали никакой подсказки о месте, где спрятано гнездо. Пришлось изменить метод поиска. Поскольку гулярисы строят гнёзда на земле в углублениях, то нам пришлось метр за метром обследовать склоны сопки, внимательно глядя под ноги. Пришлось потратить немало дней в наблюдениях и поисках, прежде чем нам улыбнулась удача. Как только мы поняли, что необходимо этой птице для гнездования, поиск гнёзд стал делом техники.

***Валерий Лазаревич Рудницкий
и Рюрик Львович в Амурской
области.***

Несмотря на внимание к «гулярису», основное время мы посвятили обследованию территории, добыче птиц, записи их голосов, наблюдениям и фотографированию у гнёзд. В ученых и министерских кругах на повестке дня стояло создание Красной книги и организация особых форм охраны редких видов. Неудивительно, что музеи, обеспокоенные неполнотой коллекций, обращались ко всем, кто отправлялся в экспедиции, помочь со сбором материала. Р.Л. охотно делился с нами опытом снаряжения патронов, приёмами добычи и изготовления тушек птиц, но сам практически не стрелял. Мы с Валерием, впервые оказавшись в зоологической экспедиции, были очень увлечены сбором тушек, но Р.Л. умерил нашу страсть. Прежде всего он исключил из списка многие виды (как потом выяснилось, те виды, что жили у него дома или те, что он собирался завести). Тут требования науки отступали на второй план перед чувством личной привязанности к живым существам. В один из вечеров прямо на нас вылетел чёрный журавль – одна из наиболее таинственных и малоизученных птиц. Мы наверняка услышали бы немало слов одобрения от коллег, если бы привезли тушку жу-

равля в Москву. Слегка склонив голову, чтобы лучше нас рассмотреть, не выражая беспокойства, не меняя направления и скорости полёта, журавль неспешно пролетел совсем низко над нами. Были хорошо слышны звуки машущих крыльев. Добыть птицу не представляло труда, но все мы оцепенели, словно замороженные. После того, как журавль скрылся вдали, Р.Л. поблагодарил нас за то, что ни один из нас даже не потянулся к ружью.

Мы мало что знали о фауне птиц Амура-Зейского плато и их биологии, поэтому каждый день экспедиции был переполнен открытиями и загадками. С большим изумлением мы обнаруживали здесь, в подзоне южной тайги, мешанину из видов сибирской и китайской фаун с широкораспространёнными евразийскими видами. Обилие новостей просто подавляло, и только благодаря Р.Л. удалось разобраться в этом коктейле. Во время экскурсий и в селе Р.Л. не переставал делиться с нами своими знаниями о деталях биологии птиц и их приспособлениями к различным условиям жизни.

Во время экспедиции, как впрочем и в дальнейшем, мне не раз приходилось совершать ошибки, но ни разу не услышал я грубых слов или повышенных интонаций от Р.Л. Лишь однажды наш проступок не остался без наказания. В окрестностях села были многочисленны бурундуки. Зверьки вели себя очень по-свойски, бесцеремонно хозяйничали не только во дворе, но и нередко гремели кастрюлями в сенцах. У нас с Валерием вскоре появилось желание их поймать. Мы не могли толком объяснить, для чего они нам нужны, и не понимали, что создать им в неволе подходящие условия в период зимовки совсем не просто. Но это нас не особо волновало – ведь бурундуков было не счесть! Р.Л. никак не поддерживал наши намерения, которые могли закончиться гибелью зверька, но и не очень мешал, ведь серьёзной угрозы для зверьков мы не представляли. Все наши попытки схватить зверька руками или накрыть ведёрком кончались большим шумом и нулевыми результатами. Но однажды мы загнали зверька на маленькую берёзку, растущую среди только что скошенного луга. Убежать ему было некуда, поскольку всякий раз мы успевали догнать беглеца и заставить вернуться обратно. Мы начали стряхивать его с дерева и пытаться схватить на лету. Шансы были на нашей стороне, но бурундук раз за разом ускользал, покусал нам руки и через полчаса два оболтуса изрядно устали и ...пришли в ярость. Мы стали кидаться всем телом на зверька, когда он падал на землю, и могли легко его раздавить. Вынести этого зрелища Р.Л. не смог. Он сухо предложил нам собрать разбросанные вещи и вернуться в село. Следующие два дня мы впервые не видели его неизменной улыбки и разговор с нами давался ему с трудом. Только в Москве, убедившись в нашем раскаянии и в том, что мы не только азартные добытчики, но и настоящие любители содержания птиц и зверьков, он поделился с нами простым, но безотказным секретом ловли бурундуков на удочку с петелькой.

Следующим летом мне предстояло собирать материал для курсовой работы и, поскольку Р.Л. был занят завершением докторской диссертации, я решил отправиться на Звенигородскую биостанцию, где под руководством Г.Н. Сим-

кина с увлечением наблюдал за зябликами. Моя жизнь на какое-то время оказалась вне внимания руководителя. Обнаружив, чем я занимаюсь, Р.Л. вызывал меня на кафедру и в приказном порядке (редкий, если не единственный случай) отрядил меня на Дальний Восток для продолжения изучения птиц Амуро-Зейского плато. Я не был уверен в том, что справлюсь с заданием самостоятельно – ведь большинство птиц Дальнего Востока оставались для меня неизвестными. Но совместные наблюдения и походы, рассказы Р.Л. о казалось бы ничего не значащих особенностях биологии птиц, их голоса, окраски, манере передвижения оказались просто бесценны. С их помощью, хотя и не без труда, мне удавалось определять птиц. В дальнейшем, куда бы не приходилось попадать, навыки полевых исследований, которыми поделился Р.Л. Бёме, никогда не подводили.

Птицы были не только предметом профессиональных интересов Р.Л., но и всепоглощающей страсти, вероятно, доставшейся ему в наследство от отца, Льва Борисовича. Он по-настоящему любил птиц и наслаждался наблюдениями и общением с птицами. Этим же чувством была «заражена» вся его семья – жена, мама, дочка и тёща. Без их горячей поддержки было бы невозможно одновременно содержать авиарий на дому и проводить полевые исследования в удалённых регионах. После нашей первой поездки мне пришлось часто бывать дома у Р.Л. и близко познакомиться с его замечательной семьёй. Р.Л. и его жена Элидия Дмитриевна были радушными хозяевами и с удивительной теплотой принимали гостей.

Квартира на Смоленском бульваре находилась на первом этаже и выходила окнами в колодец замкнутого со всех сторон двора. Невозможно было представить, что в этой тесной и темноватой квартире в садках на стенах обитает множество самых необычных птиц, а по квартире бок о бок мирно прогуливаются кошка, охотничьи собаки, кеклик.... Прохожие нередко внезапно останавливались и заглядывали в окна, откуда раздавались мощные, перекрывающие шум Садового кольца, песни синей птицы или свисты «китайских соловьёв».

Мне посчастливилось побывать с Р.Л. под Владикавказом, в Таджикистане, в Приморском крае и познакомиться не только с новыми птицами, но и с семьями Поливановых, Абдусалямовых и с другими друзьями и учениками Р.Л. Даже рассказывая о наиболее тяжелых и трагичных периодах жизни семьи, Р.Л. по большей части вспоминал о них с юмором. Так, в конце 1930-х годов Льву Борисовичу Бёме наконец пришел по почте из Англии «Определитель птиц Европы», который был заказан его отцом (дедом Р.Л.) ещё до событий 1917 года. Издательство приносило извинения за задержку с доставкой по «техническим причинам». Это было воспринято как намёк на неразбериху в почтовой связи с внешним миром, возникшей в России после 1917 года и было достаточно для того, чтобы отправить Льва Борисовича за решётку «за связь с королевой Великобритании». Следом прошла чистка и великолепной коллекции, собранной Львом Борисовичем из самых разных мест Российской Империи и других стран. С обработанных им тушек сперва срезали этикетки с порочащим их име-

нем сборщика – «британского шпиона», а следом, не прикрепив новых этикеток, растащили. Много лет спустя, владельцы безымянных тушек решили поделиться новостями с орнитологической общественностью и опубликовали заметки о «залётах» на Кавказ мандаринок и других диковинных птиц.

Рассказывая о последовавшей за арестом отца ссылке семьи в Казахстан, Р.Л. не очень-то задерживался на описаниях голода, холода и пронизывающего до костей ветра, но с благодарностью вспоминал тех, кто научил его ещё во Владикавказе пользоваться рогаткой. Р.Л. добывал с её помощью уток и другую дичь на многочисленных озерах Казахстана. Рогатка-кормилица оказалась палочкой-выручалочкой и спасла семью от гибели в голодные годы. К концу войны Р.Л. исполнилось восемнадцать и он начал получать повестки в армию. В 1945 г. дважды отправлялся он пешком на призывный пункт за многие километры, и каждый раз его отправляли обратно за молодостью и ненужностью – счёт войне шёл уже на недели.

Вскоре после войны Р.Л. стал студентом биофака МГУ на Моховой и тут же завёл птиц. Трудно доставалось в военные и послевоенные годы не только людям, но и птицам, особенно тех, что держали дома. Единственным пригодным кормом для насекомоядных птиц были тараканы, поэтому регулярно проводимые в городах компании по борьбе с тараканами, могли привести к гибели и пернатых питомцев. Этого Р.Л. допустить не мог, а потому за оставшиеся до начала травли дни, а то и часы он откладывал на время подготовку к занятиям в университете и приступал к ловле тараканов. После того, как в доме наводили порядок и удаляли остатки ядовитых приманок, Р.Л. выпускал пленников на волю и в доме вновь, к всеобщему удивлению хозяев, восстанавливалось устойчивое «экологическое равновесие» людей, птиц и хотя не совсем привлекательных, но столь необходимых птицам насекомых.

После покорения высочайших вершин мира интерес к изучению высокогорий возрос. Подобно тому, как в наши дни, не добыв ни одной пробы воды, только по косвенным признакам, сухим руслу рекам и прочим особенностям рельефа планеты, некоторые теоретики уверенно говорят о наличии на Марсе воды, так и в 1950 - 1960-е годы циркулировало и горячо обсуждалось множество косвенных, но казавшихся очень убедительными данных о существовании загадочного снежного человека. С одним из охотников за снежным человеком, весьма почтенным профессором, молодой Р.Л. встретился на Тянь-Шане. Свежие записи профессора о встречах с этим человекообразным существом, его внешнем облике и повадках были сделаны со слов тяньшаньских пастухов, но содержали подробности, которые были недавно собраны в Тибете и на Памире и еще не опубликованы, так что вряд ли могли быть известны местным пастухам. Получалось, что они действительно наблюдали снежного человека.

Два дня спустя Р.Л. поднялся в высокогорье и случайно встретился с теми же пастухами. Естественно он спросил их о встречах со снежным человеком. Но пастухи только замахали руками – дескать, какой там снежный чело-

век! Когда же Р.Л. поинтересовался, зачем они рассказали профессору небылицы, пастухи возмутились:

– «Ты молодой, глупые вопросы задаёшь, мы тебе и отвечаем, как есть. А профессор - пожилой, уважаемый, из Москвы приехал, в горы забрался, куда наше начальство ни ногой, за зверя-человека переживает, что же ему, ни с чем возвращаться?»

– «Так откуда же вы взяли подробности о том, как он выглядит, ходит, что ест?»

– «Как откуда – от профессора. Он нам говорит – снежный человек большой? Ну, мы и отвечаем, чтобы его уважить – ну очень большой, даже огромный. – У него на коже шерсть есть? – Есть, он лохматый, как медведь! Вот так и поговорили уважительно, и расстались ко всеобщему удовольствию».

Насколько эти истории рассказывались всерьёз, судить не берусь, но выслушать их с серьёзными лицами никому не удавалось. Истории эти посвящены другим людям, но их главный герой сам Р.Л., его видение мира, в котором он жил.

Рюрик Львович очень любил природу, но при этом всегда сохранял ясную голову, оценивая последствия предлагаемых законов и мер. Например, он один из немногих, кто высказывался против запрета ловли певчих птиц и сбора муравьиных «яиц». Время подтвердило правоту его опасений. В России были утрачены древние культура, традиции и профессия птицелова и содержателя птиц. Приобрести любую птицу может любой, были бы деньги, – даже если птица неминуемо погибнет в руках неопытного покупателя. Захирели знаменитые муравьиные городки, где на протяжении многих поколений семьи профессиональных сборщиков собирали «яйца», а заодно освежали заплесневающие со временем муравьиные кучи и насаждали новые муравейники.

Птицы и люди отвечали Р.Л. взаимностью. С ним обязательно старались встретиться коллеги со всех концов страны и мира, даже попадавшие в Москву ненадолго, проездом. И в какой бы уголок страны не приходилось нам попасть, отношение учёных и любителей птиц сразу теплело, как только они узнавали, что мы работаем вместе с Р.Л. Он никогда никого не принуждал в выборе решений, но даже если ваши и его мнение и планы не совпадали, было невозможно избежать его обаяния и отказаться сделать то, что он просил.

Любили Р.Л. не только люди, но и все его питомцы. Помнятся истерики полосатой тимелии Тюпыча (выкормыша, взятого Р.Л. из гнезда), который и с годами ни за что не соглашался заснуть, пока Р.Л. не брал его в ладоши и, почёсывая за ухом и уговаривая соснуть, не укладывал в гнездо. Редчайший попугай жако был продан Зооцентром Рюрику Львовичу только из-за панического страха птицы перед людьми. Он так и не стал «ручным» попугаем и всю жизнь старался держаться подальше от людей, особенно мужчин. У него оказались большие способности к воспроизведению человеческой речи. Он знал более сотни слов, которые складывал в предложения и применял в зависимости от об-

становки весьма осмысленно. Но более всего поражало то, что кто бы ни выучил его словам или предложениям, Жакоша воспроизводил их голосом и с интонациями Р.Л. С уходом Р.Л. попугай «постускнел», стал менее разговорчив и перестал произносить многие слова.

Наша первая совместная поездка определила всю мою последующую жизнь. Я так и не насытился впечатлениями и, хотя побывал во многих прекрасных уголках, продолжаю из года в год отправляться на Дальний Восток и остаюсь всё также замороженным этим краем, его птицами и людьми, которых открыл мне Р.Л. С трудом представляю, как сложилась бы моя жизнь, если бы не встреча с замечательным ученым и прекрасным человеком Рюриком Львовичем Бёме и его столь же замечательной семьёй.

Summary

S.M. Smirensky. *A Once-in a Lifetime Trip*

Recollections by Professor Boehme's student of a joint expedition, of frequent meetings with Professor Boehme and his family, and of the bird collections that Professor Boehme kept at home. The author mentions some interesting facts from the scientists' biography and describes him as a wonderful human being.

РЮРИК ЛЬВОВИЧ

В.Г. Бабенко

д.б.н., профессор каф. зоологии МГПУ⁵

Почти сразу после окончания пединститута я оказался в совершенно незнакомой для меня среде – в МГУ.

И единственным человеком, который помог мне там освоиться, акклиматизироваться, а позже подобрал мне тему, по которой я потом защитил докторскую диссертацию, и был официальным руководителем кандидатской диссертации – был Рюрик Львович Бёме.

Рюрик Львович – это, несомненно, один из членов той старинной аристократически-орнитологической среды, которое увы, уже в современных условиях невозможно, братства, которое берет свои истоки от Мензбира, Бутурлина, Дементьева, дух которого я еще успел застать в Зоологическом музее МГУ, куда я так же попал именно по протекции Рюрика Львовича.

Высочайший профессионализм и вместе с тем душевная теплота, расположенность к людям, бескорыстность, предельная доброжелательность, отчужденность от всякого рода политиканства, скромность – вот те замечательные качества, которыми обладал мой Рюрик Львович Бёме.

Никогда не забуду долгие чаепития на кафедре зоологии позвоночных МГУ. Стол был совершенно скромный (можно сказать – спартанский). Часто там стояла только пачка кускового сахара. Рюрик Львович чай обязательно заваривал сам, внимательно следя за тем, чтобы вода не била ключом, а доходила только до состояния “рыбьего глаза” – то есть когда только начинала вскипать.

Чай, конечно, был только поводом. За столом появлялись и исчезали какие-то люди, но все время текла беседа. Конечно же, о птицах - о птицах Приморья, Приамурья, Сахалина, Кавказа, Тянь-Шаня, Камчатки и Чукотки. Рюрик Львович внимательно, с интересом расспрашивал гостей об их экспедициях полевых поездках, и с обаятельным юмором рассказывал и вспоминал об экспедициях, в которых участвовал он сам.

Рюрик Львович искренне считал, что орнитолог не должен сидеть в городе, а если позволяют деньги и здоровье, быть в “полях”. Поэтому, он делал все возможное, чтобы его подопечные (а я к ним с гордостью отношу и себя) не было недостатка средств на “полевые”.

Поэтому он каждый год заказывал в университете под себя длительные полевые разъезды (на Кавказ, в Тянь-Шань, на Дальний Восток, а потом переводил эти средства на своих аспирантов и сотрудников – Банина, Смиренского, Бабенко, для того чтобы они смогли посетить еще один неизведанный орнитологами район.

Помню, как мы с Сергеем Смиренским вернулись после полуторамесячной командировки в Среднее Приамурье. Экспедиция была очень насыщенной,

⁵ Московский государственный педагогический университет.

на время (вернее денег) как всегда не хватило, для того чтобы обследовать еще два района где-то под Чегодомыном. Сразу же после приезда, в Москве мы поведали о наших фаунистических находках Рюрику Львовичу и тут же пожаловались, – сколько еще мест мы не успели осмотреть, так как вышли все сроки командировки. А через день он сказал нам, что деньги от его неизрасходованной экспедиции он перевел на нас. А еще через день мы уже летели в Хабаровский край, где и проработали еще полтора месяца.

“Я ребят специально в Москву вызвал на недельку - шутил тогда Рюрик Львович – путь в ванне отмоются, перед тем как в тайгу лезть снова на полтора месяца”.

С особой душевной теплотой Рюрик Львович вел беседы о своих питомцах – клеточных птицах. Среди птицелюбов у него была масса друзей – от директора зоопарка до, по-моему, простых слесарей, но увлеченных певчими птицами. И со всеми он находил общий язык разговаривал как с равными.

Мне посчастливилось побывать дома у Рюрика Львовича, тогда когда он наконец получил новую квартиру и смог одну комнату полностью отдать под свой домашний зоопарк. Чего только в нем не было от банальных подмосковных зябликов с перебитым крылом (Рюрик Львович считал, что на самом деле любитель птиц может с чистой совестью содержать только таких отечественных пернатых, которые без его помощи наверняка бы погибли в природе) до туканов, огромных ара, стенолазов (которые радостно прыгали в клетках с жердочки на жердочку как простые канарейки – “От хорошей жизни на стену не полезешь” – комментировал их поведение хозяин квартиры) и кекликов. Один кеклик, кстати, жил не в клетке, а на подоконнике. Причем имел привычку подолгу неподвижно замирать на одном месте. Рюрик Львович по этому поводу с удовольствием всегда рассказывал одну и ту же историю о том, как пришедший к нему в гости известный орнитолог, взглянув на неподвижного кеклика стал упрекать Бёме в том, что это чучело ему не удалось - у него, мол, лапы не так поставлены (на самом деле Рюрик Львович был превосходным таксидермистом), а в это время кеклик вышел из ступора и медленно побрел по подоконнику.

Рюрик Львович каждый раз перед моим отъездом на Дальний Восток заказывал мне птиц. Но только таких, которые были ему интересны, как высочайшему профессионалу этого дела. Поэтому в списке были такие исключительно редкие виды как райские мухоловки, широкогороты, иглоногие совы и тому подобное. Поэтому всегда я приезжал “пустым”. Только однажды мне осенью на пролете в Лазовском заповеднике удалось наловить штук пять белоглазок, и я с гордостью, наконец-то, привез моему учителю этот пернатый дальневосточный сувенир. Он был очень доволен.

В общем, Рюрик Львович был одним из людей, с которыми всегда приятно встретиться и пообщаться. А таких людей и в те времена было немного.

Summary

V.G. Babenko. *Ryurik Lvovich*

Recollections by a student of Professor Boehme's of the role the Professor played in the formation of his scientific interests and ornithological research.

ПТИЦЫ ДАЛЕКИХ ВЕРШИН

В.С. Шишкин

Старший науч. сотрудник, ИПЭЭ⁶ им. А.Н. Северцева РАН

Поступив на Биофак в 1967 году, я уже точно знал, что буду специализироваться в области орнитологии, постараюсь попасть на кафедру зоологии позвоночных. Интерес к птицам определился еще в юннатском кружке П.П. Смолина ("ВООП"). Состав нашей кафедральной группы был довольно сильный, многих я знал по школьной биологической олимпиаде. Мы уже умели пользоваться определителями, работать с коллекциями, неплохо знали европейскую орнитофауну. В год нашего поступления на кафедру (1968) вышел полевой определитель птиц СССР, подготовленный коллективом авторов, среди которых был и Рюрик Львович Бёме. Уже в своей первой поездке в Казахстан и Среднюю Азию (1969) я смог оценить достоинства этой книги – цветные рисунки, карты ареалов краткие сравнительные характеристики близких видов. Такой томик можно было носить и в рюкзаке и в полевой сумке.

В годы нашей учебы преподавательский коллектив кафедры возглавлял декан факультета Н.П. Наумов, нам читали лекции патриарх отечественной морфологии Е.С. Матвеев, будущие академики В.Е. Соколов и И.А. Шилов. Куратором нашей группы и моим первым руководителем стал Н.Н. Карташев, автор первой специальной сводки "Систематика птиц" (1974). Но даже среди такого состава выделялся человек похожий на героев Жюль Верна и Стивенсона, с доброй улыбкой, иногда лукавым прищуром глаз, окруженный ореолом путешественника и знатока птиц – Рюрик Львович Бёме. Рассказы о его домашней коллекции певчих птиц превосходили всякое вероятие. В небольшой квартире содержалось более 100 видов пернатых любимцев. Хотя в далекие теперь годы нашей учебы основные интересы отечественных зоологов сконцентрировались на экологии, на изучении поведения животных, мы очень ценили знание мировой фауны, навыки определения птиц в природе, умение войти в непосредственный контакт с изучаемым объектом, увидеть скрытую от многих гнездовую жизнь пернатых. Всеми этими качествами обладал Рюрик Львович.

Не забуду эпизод, случившийся однажды глубокой осенью, проходя к Биофаку через известную всем арку, я вдруг увидел «группу товарищей» у обильно усыпанной мелкими плодами декоративной яблони, растущей у края газона, рядом с вентиляционным павильоном. В центре компании с невозмутимым видом, держа в руках длинную удочку с петлей на конце, стоял Рюрик Львович, и ловил одного за другим щуров из кормящейся на яблоне стайки. Часть из них, наверное, долго радовала его песней в домашних условиях, досадно, что лишь некоторые наблюдения за повадками птиц Р.Л. Бёме удалось опубликовать.

⁶ Институт проблем экологии и эволюции.

Большим, не потерявшим донныне своего значения, событием стал выход в 1994 году пятиязычного словаря «Птицы» – труд двух друзей Р.Л. Бёме и В.Е. Флинта. В таком капитальном издании конечно неизбежны известные неточности и ошибки, но, повторяю, эта книга послужит руководством еще не одному поколению отечественных орнитологов, она будет стимулировать создание устойчивой номенклатуры "птиц" на русском языке.

*В Завидовском охотхозяйстве на глухариной охоте
с В.Е. Флинтом и его внуком*

Я до сих пор сожалею, что не смог при жизни Рюрика Львовича пристальной заняться зоогеографией птиц, в том числе любимой им горной орнитофауной. Истинная оценка его вклада в эту науку еще впереди.

Особенно тесно мне посчастливилось общаться с Рюриком Львовичем в первые годы работы над своеобразным Атласом охотничьих, не промысловых и охраняемых птиц России и ближнего зарубежья, который я стал публиковать в журнале "Охота и охотничье хозяйство" (текст и цветные таблицы с изображениями отдельных видов, картами ареалов). Надеюсь со временем охватить всю орнитофауну в границах СССР, я неоднократно обращался к старшему коллеге за консультациями, помощью в подборе фотоматериалов, существующей по видам и группам литературы. Подолгу обсуждали мы как лучше изобразить те или иные определительные признаки. И надо было видеть, как загорались глаза Рюрика Львовича, когда речь заходила о любимых объектах. Да, именно любимых. В науке часто говорится о практической пользе, объективности, рациональности знания. Но мне кажется, что без любви к объекту, необъяснимой тяги соприкоснуться с жизнью дикой природы не может быть ни хорошего на-

туралиста, ни истинного ученого-биолога, ни доброжелательного, мудрого наставника молодых кадров. Всеми этими качествами обладал в полной мере Рюрик Львович Бёме.

Summary

V.S. Shishkin. *Birds of the mountains far peaks.*

About the high standart of knowledge of Ryurik Lvovich Boehme and his life as scientist-ornithologist.

ПАМЯТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

В.А. Остапенко

Московский зоопарк

Как и многие мои сверстники, впервые фамилию Бёме я прочитал в книге «Жизнь птиц у нас дома» еще учась в Дальневосточном государственном университете. Это была книга Льва Борисовича – отца Рюрика Львовича. Но мой научный руководитель Юрий Николаевич Назаров рассказывал о доме Р.Л. и его коллекциях живых и музейных птиц. В те далекие 60-е годы я также имел неплохую коллекцию разнообразных птиц, которая занимала одно из помещений нашей трехкомнатной квартиры. В 1972 году перед семьей встала проблема переезда из Владивостока в Москву в связи с переводом моего отца на новую работу. Юрий Николаевич дал мне с собой два рекомендательных письма. В то время я уже стал молодым специалистом, работая младшим научным сотрудником во Владивостокском НИИ эпидемиологии и микробиологии. Если отца ждала ответственная работа на посту заместителя главврача Центральной Клинической Больницы, то мое будущее в огромной и чужой Москве было абсолютно туманно. Одно из писем Ю.Н. адресовал Лео Суреновичу Степаняну, а другое Р.Л. Бёме. Прибыли мы в Москву в ноябре и я сразу стал разыскивать моих будущих покровителей, с помощью которых хотел устроиться на работу, связанную с изучением птиц или в аспирантуру. Мне крупно не повезло, поскольку Рюрик Львович уехал в экспедицию на Кавказ, а Лео Суренович – в Бадахшан. Но я не терял надежды и обращался сам, теперь уже без протекции, во все научные и учебные учреждения Москвы. Естественно, нигде мест свободных не было, никто меня не ждал и около четырех месяцев моя деятельная натура находилась в подвешенном состоянии. Я начал было уже жалеть, что уехал из родного Владивостока, как вдруг выяснилось, что в Институте эволюционной морфологии и экологии животных имени А.Н. Северцева в скором времени ожидается организация отдела, который будет изучать миграции, навигацию и ориентацию птиц. Там появятся ставки научных сотрудников, а до тех пор, временно, можно устроиться на Биолого-почвенный факультет МГУ по хоздоговорной тематике. К этому времени вернулся из экспедиции Р.Л. и помог мне зачислиться в штат МГУ, где я работал на кафедре зоологии позвоночных в качестве стажера-исследователя в течении нескольких месяцев.

У нас с Рюриком Львовичем оказалось много общих интересов. Мы обсуждали в его кабинете методы содержания разных птиц в клетках и вольерах. Я в основном слушал, а Рюрик Львович – рассказывал. Благодаря его советам, мне удалось в короткие сроки создать коллекцию вьюрковых, синицевых, а позже и ткачиковых птиц в новой московской квартире (с прежней коллекцией при переезде в Москву я расстался, передав птиц владивостокским друзьям). Он также показывал коллекции тушек птиц, хранящиеся на кафедре, и я знакомился с неизвестными мне тогда еще видами, обитающими на Кавказе, Памире,

в различных районах севера России. Встречал я здесь и своих хороших знакомцев с Дальнего Востока.

Перейдя работать в Центр кольцевания ИЭМЭЖ АН СССР, я остался в приятельских отношениях с Рюриком Львовичем и нередко приезжал к нему в кабинет или домой, поговорить о птицах, решить некоторые вопросы, связанные с их изучением. Рюрик Львович и вся его семья имели удивительное свойство притягивать к себе людей. Они запросто принимали у себя дома даже мало знакомых им любителей птиц и профессиональных орнитологов. Простота, с которой Рюрик Львович общался со мной, завораживала. Под стать ему и супруга Элидия Дмитриевна, которая в те годы работала энтомологом в ИЭМЭЖе. Вместе с дочерью Ирой вся семья ухаживала за птицами, которых насчитывалось в разные годы более сотни. Большая их часть помещалась в отдельной комнате, занимая ее полностью, но некоторые представители жили на кухне (жако) или в другой комнате (лемуры-катта).

Вся коллекция была в прекрасном состоянии. Как говорили мои приятели В.И. Морозов и Н.А. Савкин – большие любители содержания птиц: «Птицы выглядели так, как будто их только что сняли с ветки в лесу». Эти и другие любители часто бывали в доме Р.Л., где их всегда ждали интересные сюрпризы. И действительно, оперение птиц и шерстный покров млекопитающих были удивительно чистыми. Это, конечно же, зависело от корма, который готовила вся семья. Не просто готовила, а некоторые его компоненты заготавливались в лесу – муравьиное яйцо, ветки, зелень и пр. Среди питомцев было много редкостей, которых в Москве можно встретить только в квартире Бёме. Среди них кавказский тетерев, занимавший просторную клетку в нижнем ярусе. Р.Л. рассказывал, что тетерев с удовольствием поедал мелко нарезанные веточки березы, которые ему заменяли почки в лесу. Одними из первых, семья Бёме держала таких великолепных горных птиц, как водяная горихвостка – «хаймарорнис», арчевый дубонос, арчевая чечевица, кеклик, синий и пестрый каменные дрозды, синяя птица, расписная синица и других. Много было и редкостей с Дальнего Востока – тростниковая и бурая суторы, лесной каменный дрозд, черноголовая иволга, райская мухоловка, синий соловей, соловей-красношейка и многие другие.

Мне также неоднократно удавалось привозить для Р.Л. из экспедиций интересных птичек. Так, из Вьетнама привез золотого ткача и байю, из Приморья – райскую и синюю мухоловок, серого и малого скворцов, урагуса, седоголовую, рыжешейную и ошейниковую овсянок, черноголовую иволгу и других не менее интересных птиц. Кстати, эта экспедиция в Приморский край в 1986 году была организована Рюриком Львовичем и в ней участвовали помимо меня, Дима Банин, Саша Ким и дальневосточный орнитолог Юрий Глущенко. Нашей задачей было найти гнезда различных певчих птиц и взять оттуда птенцов, которых мы выкармливали искусственными смесями, а затем доставить в Москву. Часть подросших птенцов была передана в Московский зоопарк, где я тогда ра-

ботал заместителем директора, а часть поселили в квартире Р.Л. Этих птенцов изучала Ирина. Она следила за формированием у них звуковой сигнализации.

Прекрасное кормление птиц и отношение к ним Бёме как полноценным членам своей семьи, давало потрясающие результаты. Птицы жили подолгу и становились буквально чемпионами-долгожителями. Так, один огненный ткачик прожил не менее 27 лет, примерно втрое превысив средние показатели продолжительности жизни для вида. Жако, который попал в коллекцию Р.Л. взрослым, живет здесь уже более 30 лет. Таких примеров много и перечислять их не имеет смысла.

Я много почерпнул от общения с Р.Л. как духовно, так и профессионально. Интересные данные из его практики птицевода я включил в свои книги: «Ткачики» (написана совместно с В.И. Морозовым), «Птицы в вашем доме», «Попугаи» и «Русская канарейка» (написана совместно с П.И. Ялыгиным). Я всегда жалел, что Рюрик Львович, достаточно много публикуясь по фауне диких птиц и зоогеографии, не написал ни одной книги по их содержанию в искусственных условиях, как это сделал его отец. Очень надеюсь, что это нужное дело осуществит его дочь, ныне профессор МГУ Ирина Рюриковна Бёме.

Рюрик Львович сыграл в моей жизни огромную роль и я считаю его одним из своих учителей и наставников. Я был счастлив, когда он соглашался стать оппонентом моих диссертаций. Р.Л. всячески поддерживал идею защиты докторской диссертации, хотя некоторые орнитологи его поколения смотрели на эту мою затею с некоторым чувством ревности. К сожалению, это явление пока встречается в научных кругах.

Рюрику Львовичу были присущи самые замечательные человеческие черты – доброта, скромность, сострадание, огромное чувство юмора, он не был позёром, а бывал всегда прост в общении с любыми собеседниками, какого бы возраста и звания они ни были. Он был энциклопедически образован и обладал большим талантом педагога. Я никогда не слышал, чтобы Р.Л. повысил голос и накричал на кого-нибудь. Неоднократно, обсуждая его творческую и трудовую деятельность, мы с коллегами сходились в мнении о том, что Р.Л. - святой человек. По-моему у него никогда не было врагов, хотя скрытые завистники, вероятно, были. Память о прекрасном настоящем человеке навсегда останется со мной.

Summary

V.A. Ostapenko. *In Memory of a Great Person*

Recollections of a great scientist and human being R.L. Boehme by his follower and colleague.

ОТ УЧЕНИКА РЮРИКА ЛЬВОВИЧА БЁМЕ

М.Ю. Засыпкин

Зав. лаб. популяционной генетики ИБПС⁷, Магадан

По-моему, именно в январе 1971 года на кафедре зоологии позвоночных прошел слух о том, что в Магадане из отдела биологии СВКНИИ в скором времени будет организован Институт биологических проблем Севера. Естественно, студентов-третьекурсников, которые в то время были помешаны на том, чтобы объездить всю страну, возможность, пусть и пока теоретическая, попасть туда, где по выражению Олега Куваева, «география кончается», очень сильно заинтересовала. Поехать в малоисследованные места на предкурсовую, а затем и преддипломную практику, учитывая расстояние и стоимость проезда, казалась чем-то далеким от реальности, и в то же время жутко манила. Тем более, что с темами курсовых еще не все определились.

И как раз в это время Рюрик Львович Бёме сказал двум студентам (мне и Саше Степнову), что такая возможность вполне реальна.

В это время в Москве был в командировке его друг, сотрудник создаваемого института Андрей Александрович Меженный. И Рюрик Львович пригласил нас к себе домой, где и познакомил с Андреем Александровичем, которого все звали Отцом Андреем. Нас поразило у него в доме, прежде всего бесконечное, как нам показалось, количество клеток с птицами, которых он искренне любил, и которые наполняли его дом всевозможными звуками – казалось, что сам дом поет.

Там и состоялся разговор, который на всю оставшуюся жизнь определил мою судьбу. Естественно, Рюрик Львович стал научным руководителем наших курсовых и дипломных работ. И мы последующие два полевых сезона провели на Чауне, где отстраивался стационар Института биологических проблем Севера, и в то время в основном велись гельминтологические исследования на птицах (как описание фауны гельминтов, так и изучение их природных циклов). А так как мы были еще «неоперившимися» студентами, то основной нашей задачей была добыча птиц самых различных таксонов для этих работ. Это позволило нам в течение двух сезонов не только подробно наблюдать птиц в природе, но и собрать коллекцию тушек самых различных их видов (от полярной гагары и тундрового лебедя до самых мелких воробьиных) которая была привезена в Москву и передана в Зоомузей МГУ. Рюрик Львович очень ей обрадовался, тем более, что часть редких видов была представлена довольно хорошими сериями.

Это позволило нам определиться с темой курсовых, и, впоследствии, дипломов. Меня более интересовала чистая фаунистика, а Сашу – экология, о чем мы и сказали Рюрику Львовичу по возвращении после первого полевого сезона, получив его одобрение. Таким образом материал мы собирали вместе, а потом анализировали его с различных позиций.

⁷ Институт биологических проблем севера.

Он был очень добрый и мягкий человек. Никогда не повышал голос, хотя, как и все студенты (как я сейчас понимаю), в процессе работы над курсовыми и дипломными проектами порой мы давали ему повод для неудовольствия. Очень много помогал с литературой, как советами, так и книгами.

На занятиях по систематике птиц. Рюрик Львович со студентами 4 курса Татьяной Ильиной и Мишей Засыпкиным.

Именно Рюрик Львович посоветовал и помог мне оформить допуск для возможности работать с литературой. Дело в том, что в те времена труды Арктического и Антарктического института, в котором были в разное время опубликованы значительные орнитологические работы, хранились в библиотеках под грифами «для служебного пользования» или «секретно». А также он порекомендовал мне отправиться в Зоологический институт Ленинграда, где я смог поработать с коллекциями (включая самые первые сборы с Чукотки), и литературой.

На преддипломной практике мы нашли пуховичка розовой чайки, которого выкормили и вырастили, грудью защищая от гельминтологов, (которые хотели его заразить паразитами и вскрыть на предмет циклов), и привезли в Москву. Птица сделалась совершенно ручная, мы даже учили ее летать, и она всегда возвращалась к нам. Рюрик Львович был очень этому рад, и при возможность передал ее своим коллегам из Берлина, которые поместили ее в тамошний зоопарк. Там она успешно перелиняла и прожила несколько лет.

Именно благодаря тому, что Рюрик Львович помог мне побывать на Чукотке, я после окончания кафедры оказался в Магадане, что и определило мою дальнейшую жизнь. И хотя специальность я в дальнейшем поменял, так как мне всегда были более интересны экспериментальные исследования, приезжая в Москву, всегда заходил к нему в лабораторию. Он с интересом расспрашивал меня о работе, о том, чем я занимаюсь, хотя, как мне казалось, сожалеет, что я оставил орнитологию.

Несмотря на это, я всегда считал, считаю и буду считать его обаятельным, умным, очень тактичным и добрым человеком, и очень рад, что он, как и другие преподаватели кафедры, был моим наставником и учителем в жизни и науке.

Summary

M.Y. Zasytkin. *From a Student of Professor Boehme*

On the role-played by Professor Boehme in the development of the future scientist.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

Н.П. Малков

Доцент кафедры зоологии, экологии и генетики
Горно-Алтайского государственного университета,
Почетный работник Высшей школы

Воспоминания. Это слово вызывает светлую грусть. Светлую, потому что всплывает дорогой, светлый образ, а грусть, потому, что всё – в невозвратном прошлом.

В 1966 году, еще, будучи студентом, я приобрел миниатюрную книжку в оранжевом переплете «Птицы лесов и гор СССР» - полевой определитель. Фамилия первого из авторов – Бёме. Посмотрел последнюю страницу книги – Рюрик Львович. Интересное сочетание – Рюрик Львович Бёме. Кто же он такой? Как оказалось – потомок русских дворян, сын известного и очень уважаемого профессора-орнитолога, внук общественного и государственного деятеля дореволюционной России – известного на Кавказе либерала и покровителя творческой интеллигенции, постоянно собиравшейся в его доме на посиделки, но об этом, обо всем, я узнал много позже. А тогда, знакомясь с приобретенной книгой, я подумал: «Вот бы было здорово, если бы по всем животным были выпущены такие книжки!». Вероятно, так подумал не один я. Недаром же вскоре вышла серия подобных книг, и не только по животным, но и по другим объектам живой и неживой природы, но пионерами в этом деле были Р.Л. Бёме и А.А. Кузнецов.

Мне очень повезло. Я был аспирантом Рюрика Львовича, а он был моим Учителем, Учителем во всём. Мы долгими часами вели беседы на разные темы, и я всегда поражался широте и глубине поистине энциклопедических знаний Рюрика Львовича. А еще я благодарен своему Учителю за его тактичные и доброжелательные наставления, если я в чем-то заблуждался и нес какую-либо чепуху.

Вспоминаю, как я был впервые приглашен гостем домой, в семью Рюрика Львовича. Конечно же, я был поражен обилием экзотических животных и пленен доброжелательной атмосферой, царящей в этом доме между всеми его обитателями, включая и животных. Меня тоже все сразу приняли как своего. Мои комплексы провинциала исчезли буквально в первые же минуты общения. Во-первых, вокруг меня, ласкаясь, суежилась пара собак, с которыми я умел общаться, поскольку сам всегда держал и ныне держу в своем доме собак. Много позже, когда я преодолел свои провинциальные комплексы и действительно стал своим человеком в этой семье, мне рассказали, что первую оценку нового человека здесь дают по его отношению к животным и по отношению животных к нему. Первый «экзамен» прошел успешно.

Второй «экзамен» не был таким успешным. По своим понятиям провинциала я считал, что в гости нужно идти с чем-нибудь, т.е. с каким-либо подар-

ком. Я принес коньяк и торт. На что-либо другое у меня не хватило фантазии. Когда я это выставил на стол, Рюрик Львович открыл бар, подозвал к нему меня, показал на содержимое бара и сказал: «Видите, какой у меня запас? Никогда больше с собой не приносите, у меня всегда найдется что-нибудь отметить нашу встречу». Однако, бутылку с коньяком оставили на столе и даже вынули пробку. Тем временем Элидия Дмитриевна, супруга Рюрика Львовича, и Ирина Рюриковна (тогда еще Ириша, а в узких кругах друзей – Бёмочка) накрыли на стол. Мы все сели. Рюрик Львович взял в руки бутылку коньяка и (предполагаю что, с воспитательной целью) спросил меня: «Вы-то, Николай Петрович, вероятно, будете пить коньяк? Я-то его не пью, предпочитаю калгановую настойку». Я, смутившись, залепетал: «Нет, нет, что Вы, я тоже предпочитаю калгановую настойку» (хотя, честно скажу, я ее до этого никогда не пробовал). Первый тост Рюрика Львовича: «Ну, со свиданьем!». Какие были закуски на столе, я уже не помню – много лет прошло. Помню только как я, держа в левой руке вилку, а в правой – нож, безуспешно пытался что-то подцепить со своей тарелки. Заметив мои неумелые попытки соблюдения этикета, Рюрик Львович обратился к своим женщинам: «Сколько раз говорить, что я не умею пользоваться вилок? Дайте мне ложку и Николаю Петровичу тоже, а то мы с ним так голодными останемся». Ложки, конечно, мы сразу же получили. Потом пили чай. Рюрик Львович любил говорить: «Чай должен быть крепким, горячим и сладким как поцелуй девушки». Я тоже люблю такой же. Такой мы и пили, только Рюрик Львович любил пить из чайного бокала, а я люблю – из прозрачного стакана, чтобы любоваться его насыщенным цветом. Торт, принесенный мною, никто даже не попробовал. Позже я узнал, что такие торты нормальные люди не едят, но я-то в сладостях не разбирался, да и сейчас тоже не разбираюсь. Однажды как-то я купил к чаю конфеты, которые предназначены для больных сахарным диабетом, но, уже зная мою кондитерскую неграмотность, никто этому не удивился.

После чая мы закурили. Рюрик Львович всегда курил только папиросы Беломор, а я – сигареты Ява. Выйдя в прихожую, я услышал строгий голос из кухни: «Пойдите вон! Пойдите вон!». Голос был явно Рюрика Львовича, но ведь Рюрик Львович остался в зале и не мог оказаться на кухне. Я робко заглянул в кухню и увидел в клетке попугая-жако, который голосом хозяина отдавал приказ находившимся там собакам.

Я часто бывал в доме Рюрика Львовича, нередко там ночевал, отмечал разные праздники и торжества. Члены моей семьи тоже все побывали в этом гостеприимном доме. Очень жалею, что мне не удалось принимать Рюрика Львовича у себя на Алтае.

Summary

N.P. Malkov. *Remembering the Teacher*

A graduate student's memories of his professor R.L. Boehme.

РЮРИК ЛЬВОВИЧ БЁМЕ – УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ, ДРУГ

Д.А. Банин

Эксперт, Сиэтл, США

Говорят, лучшее, что мы имеем – люди, а не вещи. В эти дни научные сотрудники, родственники и друзья Рюрика Львовича Бёме собрались здесь, чтобы отметить восьмидесятилетие одного из самых выдающихся российских орнитологов. Каждый, кто хоть раз сталкивался с Рюриком Львовичем, помнит его как выдающуюся личность, доброжелательного, гостеприимного и обаятельного человека. Его коллеги, студенты и сотрудники всегда удивлялись глубокому знанию предмета, который он выбрал для изучения, острому аналитическому уму и способности простым языком излагать сложные научные вопросы. Я считаю большей удачей свою встречу с Рюриком Львовичем и работу под его руководством в течении многих лет. Здесь я хотел бы поделиться некоторыми воспоминаниями и впечатлениями от этого неординарного человека. Мне было 13 лет, когда я впервые услышал имя Р.Л. Бёме. Я не знал, что означали буквы Р.Л., но имя Бёме отложилось у меня в памяти, поскольку звучало необычно. Я нашел его на обложке книги "Птицы СССР". В то время я считал эту книгу лучшей из тех, что у меня были, и честно говоря, думаю так до сих пор. Причина этого заключалась в том, что с помощью книги я с легкостью мог определить птицу где бы то ни было путем сравнения увиденного с картинками и описанием. Не нужно было изучать путанные дихотомические ключи, которые удобнее применять к музейным образцам, а не к птицам в природе. Книга начиналась с короткого введения, озаглавленного "Как наблюдать за птицами". Оно представляло для меня ценный инструмент, поскольку я интересовался птицами, но не знал, с чего начать. Эта книга и сейчас стоит на моей полке; у нее желтые страницы и очень потертая обложка. Позже, когда я стал студентом кафедры зоологии позвоночных МГУ, я как-то столкнулся с Л. Андриановой, сотрудницей кафедры, в коридоре напротив ее кабинета. Она спросила меня, чему я планирую посвятить свои исследования. Я ответил, что у меня есть несколько идей, но я не знаю, с чего начать. Она предложила познакомить меня со Рюриком Львовичем Бёме. Я был почти в шоке. Эта женщина предлагает познакомить меня с профессором, которым я так восхищаюсь настолько, что никогда не осмеливаюсь подойти! Находясь в сильном смущении, я переступил порог комнаты, прячась за Андрианову. Рюрик Львович встретил меня с приветливой улыбкой и протянул мне руку. Напомню, что это было время, когда люди в России не торопились улыбаться, особенно в присутствии незнакомых людей. Мы немного поговорили о моем интересе к птицам, и он неожиданно спросил, не хотел бы я поехать на Дальний Восток следующим летом? Конечно, я хотел, хотя до этого никогда не был за пределами Московской области, если не считать поездки на Черное море вместе с родителями и поездки с друзьями в Алтайский государственный заповедник. Волнуясь, я ждал путеше-

ствия. С этого момента я начал работать с Рюриком Львовичем Бёме, сначала как студент, потом как аспирант и коллега, и всегда чувствовал огромную благодарность Андриановой за знакомство с таким знающим ученым, мудрым учителем и удивительным человеком.

Профессор Р.Л. Бёме всегда был очень занят. Он читал лекции, руководил студентами и аспирантами, писал статьи и книги. Тем не менее он старался оставить некоторое время на работу в поле. Несколько раз мне выпадала возможность работать вместе с Рюриком Львовичем в экспедициях, в основном на Дальнем Востоке. Для меня это всегда было неординарным событием. Это давало мне возможность учиться у моего учителя, давало возможность каждый день общаться с Рюриком Львовичем, чему я был несказанно рад. Я очень любил тот образ жизни, который мы вели во время таких путешествий, особенно если к нам присоединялась жена Рюрика Львовича, Элидия Дмитриевна. Эта необыкновенная женщина делила с нами все трудности полевой работы, помогала и поддерживала, всегда очень заботилась о нас.

Я никогда не забуду те вечера, когда мы сидели около костра или печки в маленькой хижине с кружками горячего чая и слушали истории Рюрика Львовича о его экспедициях на Кавказ и в Среднюю Азию. Эти рассказы оказали большое влияние на выбор мною темы исследований, когда я начал сбор материала в Центральной Азии для диссертации. Когда оказываешься в новом месте, все вокруг кажется необычным и интересным. Я не был исключением из правила. Рюрик Львович всегда испытывал большое любопытство к окружающему и поддерживал это любопытство в других. Он советовал мне побольше путешествовать, пока есть возможность, но никогда не забывать, зачем ты отправился в путешествие. Однажды мы сидели на побережье Японского моря и завтракали. Был чудесный солнечный день. Я держал бутерброд и наблюдал за рака-отшельником на мелководье. Я сказал Рюрику Львовичу, сидевшему рядом, что рака-отшельника можно посадить на песок и посмотреть, будет ли он проявлять территориальное поведение, поскольку раки, по-видимому, защищают свою территорию. В ответ мне было сказано: "Перестать смотреть на крабов. Завтрак давно кончился. Доедай бутерброд и пойдем наблюдать за птицами". Несмотря на то, что тон фразы был шутливым, она научила меня помнить о главной цели нашей работы и не пытаться делать несколько вещей одновременно. Нетрудно понять, почему я после нескольких лет работы с Рюриком Львовичем очень хорошо научился организовывать свою работу, чтобы она была максимально продуктивной, и достигать именно тех целей, которые поставил с самого начала.

Другой чертой Рюрика Львовича, было то глубокое уважение, с которым он относился к своим студентам и коллегам, а также его готовность помочь окружающим. Я много раз слышал от него: "Тот, кто интересуется птицами, не может быть плохим человеком" и "Если кто-то просит тебя о помощи, помоги ему". На мой взгляд, лучшим примером его уважительного отношения к студентам служит история, связанная с моей диссертацией. Когда я показал Рю-

рику Львовичу первую главу, он внимательно прочитал ее. После этого вернул мне с некоторыми комментариями. Он подчеркнул одно предложение со словами: "Мне нравится ход твоих мыслей, однако если бы я писал этот текст, я бы разделил предложение на три части и вычеркнул бы две из них". Я очень ценил то, как он выражал свои замечания вместо того, чтобы просто вернуть мне мой текст со словами о том, что он написан плохо и я должен его переписать. Я перedelывал текст семь раз, прежде чем убедился, что он достаточно хорош, чтобы снова показать профессору Бёме.

Любой, кто работал с Рюриком Львовичем, всегда мог полагаться на его строгую, но ненавязчивую, очень деликатную поддержку. Я постоянно чувствовал это во время повседневной работы в Лаборатории орнитологии, при подготовке доклада, при работе в поле. Помню, как я, будучи студентом, стоял перед коллективом кафедры зоологии позвоночных, чтобы рассказать о моих исследованиях. Там были известные ученые и очень эрудированные люди, и все молча смотрели на меня и ждали, пока я начну свой рассказ. Смущаясь, я не знал, с чего начать, а мое сердце ушло в пятки, но тут мой взгляд упал на профессора Бёме, который смотрел прямо на меня с легкой улыбкой. Его глаза выражали уверенность и спокойную сосредоточенность. В этот момент я вспомнил все, что он говорил мне о том, как делать доклад: "Дима, не волнуйтесь. Вы знаете этот материал лучше, чем кто бы то ни было в этой аудитории, поскольку это Ваши исследования". Не нужно говорить, что доклад имел полный успех, и этим успехом я был обязан Рюрику Львовичу. Это укрепило мою уверенность в себе и научило меня не бояться выносить свою точку зрения на обсуждение другими учеными. Я так привык ощущать эту поддержку, что чувствовал ее даже тогда, когда Рюрика Львовича не было рядом. Несколько лет назад мне пришлось читать лекции во время экспедиции в Антарктиду. На нашем судне были люди из разных стран, и все они говорили на хорошем английском. Этого английского вполне хватало для общения, пока я не начал произносить названия птиц, которых мы видели в проливе Дрейка, на Антарктическом полуострове и близлежащих островах. К счастью, у меня был с собой пятиязычный словарь названий птиц, написанный Р.Л. Бёме и В.Е. Флинтон. Эту книгу Рюрик Львович дал мне как раз перед поездкой в Аргентину по пути в Антарктику. Этот словарь охватывал почти все языки, которыми пользовались на борту судна, кроме японского. Вы можете себе представить, какое облегчение он мне принес и как я был благодарен Рюрику Львовичу.

Рюрик Львович любил птиц. Ему нравилось наблюдать за ними, изучать их, держать дома (у него дома жило до 250 птиц одновременно) и писать о них книги. Он хотел заинтересовать своей любовью к птицам всех окружающих, не только ученых-орнитологов, но любого, кому интересны были птицы. Как результат, в списке его публикаций есть множество популярных книг и статей, рассчитанных на любителя, а не профессионала. Необязательно становиться специалистом-орнитологом, чтобы прочитать эти книги. Рюрик Львович использовал минимум специальных терминов, а если использовал, то всегда объ-

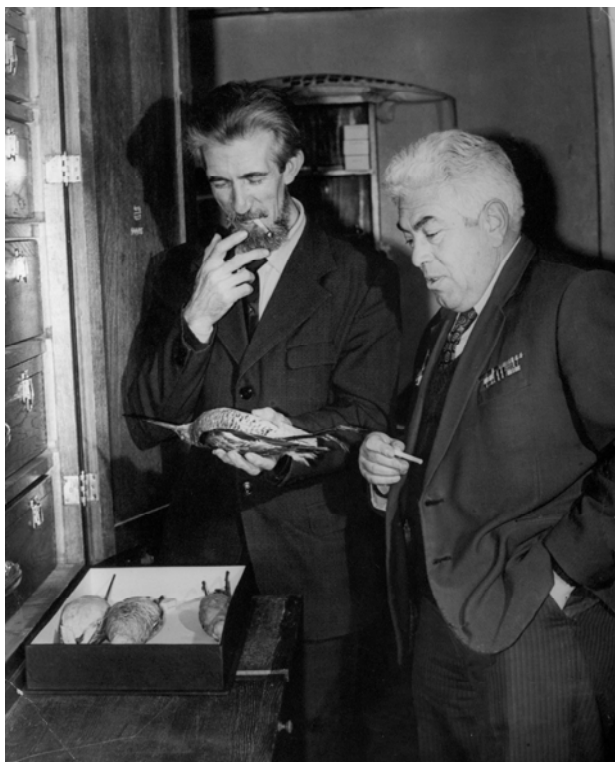
яснял их значение. Это делало его публикации доступными широкому кругу биологов и любителей природы. Его книги стали широко известны в России и за ее пределами. Я помню, как во время просмотра моей рукописи Рюрик Львович сказал: "Дима, не пытайтесь спрятать Ваши знания за терминологией, старайтесь, чтобы Ваш текст был понятен Вам и остальным". Учитывая тенденцию к интенсивному использованию терминологии в статьях, которая существует в научном сообществе, мне стоило больших усилий следовать совету Рюрика Львовича.

Процесс таксидермии

Как я уже говорил, в Лаборатории орнитологии профессор Бёме создал теплую атмосферу поддержки, доверия, доброжелательности и взаимного уважения между коллегами и студентами. Такая атмосфера как нельзя лучше способствовала продуктивной работе и развитию научной мысли сотрудников, которые со временем сами стали хорошо известными учеными. Среди них я хотел бы упомянуть к.б.н. Н.Д. Пояркова, к.б.н. А.Б. Керимова и профессора Ирину Рюриковну Бёме, дочь Рюрика Львовича. И.Р. Бёме работала под руководством выдающегося зоолога проф. Геннадия Николаевича Симкина, который также оказал большое влияние на наше развитие как ученых. Кроме того, в Лаборатории работал Яков Давыдович Гуревич, который долгое время ухаживал за коллекцией птичьих тушек и был ассистентом профессора Р.Л. Бёме. Эти люди были не только членами дружного и работоспособного коллектива, их связывали с Рюриком Львовичем и между собой теплые дружеские отношения. Я горжусь тем, что принадлежал к этому кругу друзей и коллег. Годы работы с Рюриком Львовичем создали тесные связи между нами. Меня часто приглашали в

его дом. Рюрик Львович показывал мне свою обширную коллекцию орнитологических книг. Мы обсуждали нашу работу и мечтали о будущих экспедициях. Я очень любил гостить у Рюрика Львовича, поскольку очень ценил наше взаимодействие, а также потому, что его дом был очень гостеприимным и очень необычным местом. Как только Рюрик Львович открывал мне дверь, я сталкивался с двумя его собаками, чье добродушие не знало предела. За собаками прогуливался кот, который ждал своей очереди, чтобы его приласкали. Из кухни слышался громкий голос африканского серого попугая. Скромный, но любопытный кеклик всматривался в меня из-под кресла. А из угла комнаты пара

С Яковом Давыдовичем Гуревичем осматривают научную коллекцию птиц кафедры зоологии позвоночных МГУ

кошачьих лемуруров с Мадагаскара молчаливо смотрела на меня широко открытыми круглыми глазами. Мое "Здравствуйте!" заглушал громкий хор поющих птиц. Обычно это приветствие длилось 10-15 минут. После этого, когда все успокаивалось, мы могли начать разговор, хотя время от времени нас прерывал жакко, который, подражая голосу Рюрика Львовича, спрашивал про хороший орешек. Трудно себе представить, сколько труда требовал ежедневный уход за всеми обитателями квартиры, однако в такой среде Рюрик Львович чувствовал себя дома. Иногда в выходной день Рюрик Львович и я шли в лес, где наблюдали за птицами и собирали «муравьиное яйцо» для разнообразия меню его домашних животных. В обед мы разжигали небольшой костер, чтобы вскипятить чай и поговорить о различных вещах как друзья. Эти выходные дни были особенными для меня. Они навсегда запомнились мне как время общения с хорошим другом, выдающимся ученым и удивительным человеком: Рюриком Львовичем Бёме.

*Best things in the world are not things at all.
- Some people said.*

RYURIK LVOVICH BOEHME – SCIENTIST, TEACHER, FRIEND

Dmitri A. Banin

This is a time for the scientific community and friends to join together and celebrate the 80th anniversary of the birth of one of Russia's most prominent ornithologists and a person with a big heart, Ryurik Lvovich Boehme. Anybody who had the chance to meet Ryurik Lvovich at least once will have never forgotten his outstanding personality, friendliness, hospitality and charm. His colleagues, students and co-workers were always impressed by his deep knowledge of his chosen subject, sharp analytical logic and ability to give clear explanations of complicated scientific topics. I feel myself extremely lucky to have met Ryurik Lvovich and to have worked under his guidance for so many years. Here I would like to share some of my memories and impressions of this wonderful person.

I was thirteen years old when I heard the name R. L. Boehme for the first time. I did not know what R. L. stood for, but the name Boehme was imprinted in my memory purely because it sounded unusual. I had found this name on the cover of the book "Birds of the USSR." At the time, I considered this book the best book I had ever had, and actually, I still think that today. The reason for this is that with this book I could easily identify birds anywhere just by comparing what I had seen with the picture and description in the book. I did not need to read any confusing texts of dichotomic keys, which anyway work best for stuffed specimens at museums. This book begins with a short chapter entitled "How to Watch Birds," which provided me with very useful information as I had a great interest in birds, but did not yet know where to start. I still have this book on my shelves today. Its pages are yellow now and the book cover is very worn.

Later, when I was a student of the Vertebrate Zoology Department at Moscow State University, Ms. Andrianova, one of the department staff members, ran into me in the hall just outside of her office one day and asked what I was planning to do my work on. I told her that I had some ideas, but that I was not sure where to begin. She answered by saying, "Let me introduce you to Ryurik Lvovich Boehme." I was almost in shock. This lady was going to introduce me right then to the professor that I admired so much but had never been brave enough to approach! With a great amount of hesitation I entered the room, hiding a bit behind Ms. Andrianova of course. Ryurik Lvovich greeted me with a friendly smile and shook my hand. Please remember,

⁸ Редколлегия решила полностью опубликовать воспоминания Дмитрия Банина, присланные на английском языке, поскольку они отражают значительную часть жизненного и творческого пути Юрика Львовича Бёме и будут интересны иностранным коллегам.

this was a time when people in Russia did not smile readily, especially in the presence of someone they did not know well. We talked a little about my interest in birds, and suddenly he asked, “Would you like to go to the Far East next summer?” Of course I would, despite never in my life having traveled outside of the Moscow region, with the exception of one trip with my parents to a Black Sea resort and one trip with friends to the Altai Nature Reserve. I felt a great deal of excitement. It was from this moment that I started working with Ryurik Lvovich Boehme, first as a student and then later as his colleague and a Ph.D. fellow. And all along I have felt much gratitude to Ms. Andrianova for introducing me to such a knowledgeable scientist, wise mentor and wonderful person.

Professor R. L. Boehme was very busy. He gave lectures to students, mentored undergraduate and graduate students’ research, and worked on writing papers and books. At the same time, he tried to reserve some time for working in the field. On a few occasions I had the opportunity to work together with Ryurik Lvovich on research expeditions, mainly in the Far East. These were always very exciting events for me. They provided me with the opportunity to learn a lot from my supervisor, and the chance for day-to-day informal interaction with Ryurik Lvovich, which I enjoyed very much. During such trips, I also had a more comfortable life, especially when his wife Elida Dmitrievna joined us. She is an amazing lady, who not only shared with us all the difficulties of life in the wilderness, but also was very helpful and supportive of our work. Elida Dmitrievna always took very good care of us. I will never forget those evenings when we sat next to an open fire outside, or near burning woodstoves in tiny cabins, with mugs of hot tea and listened to the stories Ryurik Lvovich told of his research and adventures in the mountains of the Caucasus and Central Asia. These stories had a big influence on my choice of research topic when I started to work in Central Asia on my Ph.D.

When you travel to new places, everything around looks unusual and interesting to explore. I was no exception to such feelings. Ryurik Lvovich also had a great deal of curiosity and supported this curiosity in others. He often told me to travel as much as I could while I could, but he also taught me to remember what I was traveling for. Once we were sitting on the shore of the Sea of Japan taking a lunch break. It was a nice warm sunny day. I was holding my sandwich and watching hermit crabs in the shallow water. I told Ryurik Lvovich, who was sitting on the log next to me, that these hermit crabs were distributed very evenly on the sand. I thought it meant they could have small territories, and it would be interesting to see if they really protected them. The answer was, “No hermit crab watching. Lunch is over. Finish your sandwich and we are off to study birds.” Even though he said this to me in a joking manner, it taught me to keep in mind the main goals and priorities of our work and not to try to do different things all at once. As you can imagine, after many years of working with Ryurik Lvovich I learned very well how to organize my work to make it as productive as possible and to achieve the goals that were set from the start.

Another thing that characterized Ruirik Lvovich was the deep respect with

which he treated his students and colleagues and also his willingness to help someone out. I heard many times from him that “if you see someone who likes birds, he is a good person,” and “if someone asks you for help – help him.” However, in my opinion, one of the best examples of his ability to communicate in a respectful manner with his students was my experience in writing my Ph.D. thesis. When I showed him my first chapter, which I had just finished, he carefully read it. After that he gave it back to me with some comments for improvement. He also pointed at one sentence, which he had underlined. He told me, “I like the way you are thinking, but if I were to write this sentence, I would divide it into three parts and cross out two of them.” I really appreciated this way he had of telling me how to correct my writing instead of just giving it to me back with the remark that it was poorly written and I should rewrite it. It took me seven attempts before I decided that it was good enough to show to Professor Boehme again.

Anybody who worked with Ryurik Lvovich could always rely on his strong, but not invasive – even delicate, support. I felt it constantly during routine work in the Laboratory of Ornithology, during expeditions, and especially during the times when I had to make presentations. I still remember myself as a student standing in the front of the Vertebrate Zoology Department staff before starting a presentation on my research. Here was a group of bright scientists and highly intelligent people, all silently looking at me and waiting for the moment when I would begin to talk. Being shy, I experienced a distinctive feeling of emptiness and my heart sinking down. But my eyes found Professor Boehme looking straight at me with a light smile. His look was reflecting confidence and calm concentration. At this moment my brain recollected what he had told me on the way to the presentation auditorium: “Dima, do not worry. You know this material much better than anybody else in this room, because it is your research.” Needless to say, that presentation was a total success, and this success was created by Ryurik Lvovich Boehme. This experience also elevated my self-confidence and taught me not to hesitate to present my point of view for judgment to other scientists.

I was so used to having this support that I could feel it even when Ryurik Lvovich was not around. A few years ago I had to give lectures during expeditions to Antarctica. On our ship we had people from many countries, all of whom spoke quite good English. This English was sufficient for communication until I had to give the names of the specific birds we would see in the Drake Passage, Antarctic Peninsula and surrounding islands. Fortunately, I had with me the “Dictionary of Animal Names in Five Languages” written by R. L. Boehme and V. E. Flint. I had received this book from Ryurik Lvovich just before my departure to Argentina on the way to Antarctica. This dictionary covered pretty much all the languages that were present on board the ship, with the exception of Japanese. You can imagine my relief and appreciation to Ryurik Lvovich for this book.

Ryurik Lvovich loved birds. He loved to watch birds, to study birds, to keep birds as pets in his apartment – up to 250 species at times, and to write books about birds. He also wanted to share his love of birds with others, not only scientists work-

ing in the field of ornithology, but also with anyone who had an interest in birds. As a result, in his list of publications we can find many popular books and articles designed to reach the average person; a college degree in ornithology is not needed to understand his writings. While writing his books and papers, Ryurik Lvovich typically used a minimal amount of special terms, and when he did use one, he always explained it. It made his publications very accessible to a wide circle of biologists and nature lovers. These books become well known both in Russia and abroad. I remember that while looking through my papers Ryurik Lvovich commented, “Dima, do not try to hide your knowledge behind terminology, make it easy for yourself and for others”. With a strong trend of extensive terminology use in papers existing in the scientific community, it took an extra effort for me to follow his advice.

As I have already mentioned, in his Laboratory of Ornithology Professor Böhme created a great atmosphere of support, trust, friendliness and respect among his colleagues and students. Such an environment was very well suited for productive work and the development of scientific ideas among his co-workers, who with time became well-known scientists themselves. Among them I would like to mention Dr. Nikolay Poyarkov, Dr. Anvar Kerimov and Professor Irina Boehme – daughter of Ryurik Lvovich. Irina Boehme worked under the supervision of the great zoologist Dr. Gennadiy Nikolayevich Simkin, who also had a big influence on our development as scientists. Additionally, there was Yakov Davidovich Gurevich who served as Professor R. L. Boehme’s avian collection manager and long time assistant. These people were not only comfortable and cooperative with each other during work time, they also developed life-long friendships with Ryurik Lvovich and among themselves. I am honored to have belonged to this circle of colleagues and friends.

Years of work with Ryurik Lvovich created a strong bond between us. I was often invited to his home for supper or tea. Ryurik Lvovich would show me his extensive collection of ornithology books. We discussed our work, or dreamed about future expeditions. I loved these invitations because I valued our informal interaction highly, and also because his home was a very hospitable and very unusual place. As soon as Ryurik Lvovich would open the door to me, I was usually “attacked” by his two dogs, whose friendliness was without limits. Behind the dogs walked a cat, which would wait for his turn to be petted. From the kitchen I could hear the loud voice of an African Gray Parrot. A shy but curious Chukar Partridge would peer out at me from under a chair. And from the corner of the room two ringtail lemurs from Madagascar would silently watch me with wide-open round eyes. My “Hello” was lost among the loud choir of singing birds. Usually this “greeting” lasted for about ten-fifteen minutes. Then, once everything had quieted down, we were able to talk. Although, we were periodically interrupted by the African Gray Parrot, who would ask for hazelnuts in an imitation of Ryurik Lvovich’s voice. It is hard to imagine how much work it took to take care of all the inhabitants of his apartment on a daily basis, but it was the environment where Ryurik Lvovich felt himself at home.

Sometimes during the weekends Ryurik Lvovich and I took day trips to the forest in the countryside where we watched birds and collected grasshoppers and

other insects to diversify the menu for his pets. At lunchtime we would build a small fire to boil water for tea and talk about various things as friends. These weekends were very special to me. They will always remind me of a very good friend of mine, a bright scientist and a most wonderful person: Ryurik Lvovich Boehme.

**ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗООПАРКАХ
И ПИТОМНИКАХ**

Выпуск 2

Сборник научных и научно-методических трудов

Главный редактор и ответственный за выпуск
директор Московского зоопарка,
член-корр. РАН ***В.В. Спицин***

Редакторы: ***Т.Ф. Андреева, Т.А. Вершинина, Л.В. Кузьмина***

Научные редакторы: докт. биол. наук, профессор ***В.А. Остапенко***,
докт. биол. наук, профессор ***И.Р. Бёме***

На обложке большая белая цапля (Egretta alba) в Ташкентском зоопарке - фото А.В. Коткина

Подписано в печать 12.09.2007 г.
Формат 60x90/16
Гарнитура Таймс, печать офсетная
Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Изготовлено в компании «МэйкАП-принт»